

ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2020. Том 18, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Прикладная и теоретическая лингвистика

- Клышинский Э. С., Логачева В. К., Карпик О. В., Бондаренко А. В.* Количественная оценка грамматической неоднозначности некоторых европейских языков 5
- Хазова А. Б.* Автоматическое определение половой принадлежности автора текста: феномен русской женской прозы 22
- Гроцкая Н. Н., Корбмахер Т. В.* Фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных рецептов) 33
- Афанасьева Е. Н.* Развитие семантики цветообозначений *урун* и *манган* в якутском языке как свидетельство языковых контактов 45
- Раевская М. М., Селиванова И. В.* Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте 57

Психолингвистика и прикладная этнолингвистика

- Палкин А. Д.* Образ матери в языковой картине мира русских и японцев 71
- Петерс Б.* Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) 84
- Слесарева Е. Р., Рыжкина О. А., Фефелов А. Ф.* Трактовка темы австралийской идентичности в национальной прессе 105
- Столярова А. О.* Основные компоненты коммуникативной ситуации деловых переговоров 120

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Том 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

Перевод и переводоведение

<i>Изволенская А. С.</i> О гармонии лингвокогнитивного и лексико-стилистического компонентов в художественном переводе (на примере двух переводов повести Дж. Сэлинджера “The Catcher in the Rye”)	132
<i>Ярошенко П. В.</i> Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и его русских переводов)	144
Информация для авторов	157

VESTNIK

NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2020. Volume 18, № 1

CONTENTS

Applied Linguistics and Theory of Language

- Klyshinsky, Eduard S., Logacheva, Varvara K., Karpik, Olesya V., Bondarenko, Alexander V.* Quantitative Estimation of Grammatical Ambiguity: Case of European Languages 5
- Khazova, Anastasiya B.* Automatic Detection of Gender Identity: The Phenomenon of Russian Women's Prose 22
- Grotskaya, Nina N., Korbmakher, Tatyana V.* Phonetic and Prosodic Characteristics of the German Dialects in Comparison to the Standard German Language (Based on the Cooking Recipes of Russian Germans) 33
- Afanaseva, Evdokia N.* Development of Semantics of Colour Terms *йрҕҕ* and *маҕан* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts 45
- Raevskaya, Marina M., Selivanova, Irina V.* The Spanish King's Christmas Messages as a Ritual Genre of Institutional Discourse: A Comparative Study 57

Psycho- and Ethnolinguistics

- Palkin, Alexei D.* The Image of Mother in the Language Picture of the World of Russians and the Japanese 71
- Peeters, Bert.* Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov) 84
- Slesareva, Ekaterina R., Ryzhkina, Olga A., Fefelov, Anatoli F.* Faces and Visions of the Australian Identity in the Aussie National Press 105
- Stolyarova, Anastasiia O.* Key Components of Communicative Situation of Business Negotiations 120

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Том 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

Translation and Translation Studies

<i>Izvolenskaya, Anna S.</i> On the Harmony between the Cognitive Linguistic and Lexical-Stylistic Components in Literary Translation (A Case Study of J. D. Salinger's "The Catcher in the Rye")	132
<i>Iaroshenko, Polina V.</i> Sensory Semantic Component as the Basis for Synaesthesia Formation in Language: A Case Study of Arthur Rimbaud's Poem "Le Bateau ivre" ("The Drunken Boat") and its Russian Translations	144
Instructions to Contributors	157

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva (Novosibirsk)
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne (Novosibirsk)
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov (Novosibirsk)
Secretary Alevtina N. Leonova (Novosibirsk)

Foreign Text Editor

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)

Members of the Editorial Board

Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. Alexey D. Palkin (Moscow)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina (Novosibirsk)
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
PhD (Cross-Cultural Psychology), Assistant Prof. Snežana Stupar-Rutenfrans (Utrecht, Netherlands)
Cand. Sc. (Linguistics), Senior Researcher Victor P. Zakharov (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk)
Dr. Sc. (Philology), Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk),
Cand. Sc. (Linguistics), Doctorat National en sciences du langage A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Z. G. Proshina (Moscow),
Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), PhD (Philology) V. Obry (Mulhouse, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. I. Chekhova (Sofia, Bulgaria),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

*The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press*

The address for correspondence

Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23

E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru

On-line version: <http://elibrary.ru>

УДК 81'322.2:81'373.423+519.257
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-5-21

Количественная оценка грамматической неоднозначности некоторых европейских языков

Э. С. Клышинский¹, В. К. Логачева², О. В. Карпик³, А. В. Бондаренко⁴

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

² *Сколковский институт науки и технологий
Москва, Россия*

³ *Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН
Москва, Россия*

⁴ *Государственный научно-исследовательский институт авиационных систем
Москва, Россия*

Аннотация

Неоднозначность слов по их грамматическим категориям является хорошо исследованной областью, однако существующие методы ее оценки в текстах на различных естественных языках являются скорее количественными, чем качественными. В данной статье предлагается разделение всех слов на несколько классов неоднозначности. Подобное разделение позволяет ввести количественный метод оценки, основанный на расчете статистики употребления слов. В статье проводится исследование неоднозначности для таких языков, как английский, немецкий, шведский, испанский, каталанский, французский, итальянский, португальский, русский, польский, словенский, турецкий. Нами было численно показано, что распределение слов по классам неоднозначности зависит от выбранного корпуса или системы морфологического анализа, однако остается уникальным для заданного языка. Так, славянские языки, а также французский и итальянский, обладают самой низкой частотой слов, неоднозначных по части речи. Наибольшей неоднозначностью по собственно грамматическим параметрам обладают славянские языки, немецкий и шведский. Кроме того, была обнаружена зависимость неоднозначности от частотности слова. В статье показывается, что наибольшей степенью неоднозначности обладают слова из первой тысячи самых частотных слов. Для большинства исследованных языков при снижении частоты слов также падает и процент слов, неоднозначных по части речи.

Учет разных классов неоднозначности позволяет более корректно проводить оценку систем снятия грамматической неоднозначности, применяемых для разных языков. Обычно сравнение проводится на всем тексте, тогда как мы предлагаем сравнивать результаты только на неоднозначных словах, поскольку их процент существенно отличается от языка к языку. Наши эксперименты, не вошедшие в данную статью, показали, что учет класса неоднозначности позволяет несколько улучшить работу системы автоматического снятия неоднозначности.

Ключевые слова

автоматическая обработка текстов, грамматическая неоднозначность, статистика употребления

Для цитирования

Клышинский Э. С., Логачева В. К., Карпик О. В., Бондаренко А. В. Количественная оценка грамматической неоднозначности некоторых европейских языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 5–21. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-5-21

Quantitative Estimation of Grammatical Ambiguity: Case of European Languages

Eduard S. Klyshinsky¹, Varvara K. Logacheva², Olesya V. Karpik³
Alexander V. Bondarenko⁴

¹ National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

² Skolkovo Institute of Science and Technology
Moscow, Russian Federation

³ Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS
Moscow, Russian Federation

⁴ State Research Institute of Aviation Systems
Moscow, Russian Federation

Abstract

The grammatical ambiguity (multiple sets of grammatical features for one word form or coinciding surface forms of different words) can be of different types. We distinguish six classes of grammatical ambiguity: unambiguous, ambiguous by grammatical features, by part of speech, by lemma, by lemma and part of speech, and out-of-vocabulary words. These classes are found in all languages, but word distribution may vary significantly. We calculated and analysed the statistics of these six ambiguity classes for a number of European languages. We found that the distribution of ambiguous words among these classes depends primarily on basic linguistic features of a language determining its typology class. Although it is influenced by text style and the considered vocabulary, the distinctive shape of the distribution is preserved under different conditions and differs significantly from distributions for other languages. The fact that the shape is primarily defined by linguistic properties is corroborated by the fact that closely related languages demonstrated in our research similar properties as far as their ambiguous words are concerned. We established that Slavic languages feature a low rate of part-of-speech ambiguous words and a high rate of words which are ambiguous by grammatical features. The former is also true for French and Italian, while the latter holds for German and Swedish, whereas the combination of these traits is characteristic of Slavic languages alone.

The experiments showed that reduction of the grammatical feature set does not change the shape of distribution and therefore does not reflect similarity among languages. On the other hand, we found that the top 1000 most frequent words in all the languages considered have different distribution in ambiguity classes unlike in the rest of the words. At the same time, for the majority of considered languages, less frequent words are less unambiguous by part of speech. In Romance and Germanic languages, the ambiguity is reduced for less frequent words. We also investigated the differences in statistics for texts of different genres in the Russian language. We found out that fiction texts are more ambiguous by part of speech than newswire, which are in turn more ambiguous by grammatical features.

Our results suggest that the quality of multilingual morphological taggers should be measured relying only on ambiguous words as opposed to all words of the processed text. Such an approach can help get a more objective linguistic picture and enhance the performance of linguistic tools.

Keywords

natural written language processing, grammatical ambiguity, statistics of occurrence

For citation

Klyshinsky, Eduard S., Logacheva, Varvara K., Karpik, Olesya V., Bondarenko, Alexander V. Quantitative Estimation of Grammatical Ambiguity: Case of European Languages. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 5–21. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-5-21

Введение

За последние десятилетия в квантитативной лингвистике произошла смена парадигмы исследований. Ранее для оценки языковых явлений чаще использовались эмпирические исследования, проводящие анализ отдельных примеров одного явления в большом количестве языков. С развитием параллельных корпусов с единой системой разметки всё чаще разрабатываются новые методы, количественно оценивающие подобные явления в разных языках (см., например, [Gibson et al., 2012]). Как следствие, появились методы, позволяющие оценить количественные параметры в морфологии [Hajič, Vidová-Hladká, 1998], синтаксисе [Köhler, 2012], сравнительном языкознании [Hawkins, 1983].

Статистическая информация приобретает большое значение при автоматической обработке текстов (АОТ). Так, этап разрешения грамматической неоднозначности (в области информационных технологий традиционно называемый снятием омонимии) основывается на использовании статистики встречаемости групп слов в эталонном размеченном вручную корпусе. Результаты работы модуля будут зависеть от собранной статистики, но частота встречаемости комбинаций слов будут отличаться в зависимости от стиля и жанра текстов, привычек и школы авторов и редакторов и других факторов. Помимо этого, выясняется, что методы разрешения грамматической неоднозначности, изначально разрабатывавшиеся как языконезависимые, на практике нуждаются в дополнительной настройке на конкретный язык. Более того, прямое сравнение разных модулей снятия неоднозначности для разных языков становится невозможным, так как не совсем понятно, с чем связана разница в результатах: с языковыми особенностями, особенностями текста, полнотой набора текстов или различиями в программной реализации. Например, в работе [Protopopova, Vocharov, 2013] описывается применение метода снятия омонимии Брилля (см. [Brill, 1995]) к русскому языку. Хотя сам по себе метод заявлен как применимый к любому языку, авторам пришлось изменить набор грамматических параметров, так как правила английского языка давали низкую точность. В [Sharoff, Nivre, 2011] показано, что система TnT [Brants, 2000] также выдает приемлемые результаты лишь после расширения списка параметров.

В нашей работе мы исследуем различия в статистике распределения неоднозначных слов текстов для некоторых (в основном европейских) языков. Нашей задачей было исследовать возможность совпадения грамматических категорий у отдельных словоупотреблений, не вникая в семантику слова. Таким образом, мы говорим скорее об анализе омографов, чем омонимов, не подразумевая при этом анализ полноты совпадения парадигм двух слов. Вообще, вместо полного разнообразия лингвистических теорий в области омонимии, изложенных В. В. Виноградовым, Д. Э. Розенталем, М. И. Фоминой и другими авторами, в данной работе мы рассматриваем единственное явление – совпадение написания разных словоформ, обладающих различными значениями грамматических категорий, вне зависимости от их семантики или фонетики. Так как данная область лингвистики до сих пор является дискуссионной, а терминологический аппарат всё еще может трактоваться разными авторами по-разному, в подразделе 1.2 будет дано формальное (математическое) определение грамматической неоднозначности, являющееся основой для предложенного метода анализа.

Подобная постановка задачи важна для области АОТ, где снятие грамматической неоднозначности является одним из первых этапов автоматического анализа текста, точность работы которого во многом определяет точность результатов. Аналогичные исследования можно провести на материале текстов в устной фиксации, так как в речи неоднозначность проявляет себя иначе. Однако для получения сопоставимых результатов потребуются специальные размеченные корпуса длительностью в несколько тысяч часов звучащей речи. В целом такие эксперименты являются темой для самостоятельного исследования.

Результаты нашей работы позволяют лучше предсказывать изменение точности работы различных методов АОТ (таких, как снятие грамматической неоднозначности, выделение терминов с использованием синтаксических шаблонов, синтаксической сегментации и других задач, так или иначе зависящих от точности определения значений грамматических категорий).

Эксперименты по количественной оценке грамматической неоднозначности проводились на материале английского, французского, испанского, каталанского, португальского, итальянского, немецкого, шведского, русского, польского, словенского и турецкого языков. Выбор языков был обусловлен доступностью и полнотой электронных грамматических словарей. Данная работа является продолжением работы [Клышинский и др., 2013]. По сравнению с предыдущим вариантом, мы вдвое увеличили количество рассматриваемых языков и провели несколько новых серий экспериментов, показывающих особенности языков и корректность наших выводов.

1. Метод и материалы для исследования грамматической неоднозначности

1.1. Существующие решения в области анализа грамматической неоднозначности в различных языках

Обычно в лингвистике исследуются вопросы, связанные с особенностями употребления грамматики языка, например, распределение падежей существительных в текстах некоторого жанра (см. [Копотев, 2008; Lyashevskaya, 2013]), разработка частотного словаря для фиксированного языка (см. [Bolshakov et al., 2002]) и др. Статистическая информация включается в качестве обоснования для разработки инструментов, ориентированных на определенные языки. Так, в работе [Hajič, Vidová-Hladká, 1998] приведена информация о частеречной неоднозначности в чешском языке. Авторы вводят понятие «класс неоднозначности», которое используется для представления множества словоформ одного слова с неоднозначной частью речи. Например, слову «process», которое в английском языке может являться как существительным, так и глаголом или прилагательным, присваивается класс POSNVA. Понятие класса неоднозначности использовалось в дальнейшем в некоторых работах при создании систем морфологического анализа с разрешением неоднозначности. В подобных исследованиях статистические данные использовались в качестве отправной точки. Некоторые статистические данные для венгерского и английского языков (количество неоднозначных токенов, среднее число словоформ на словоупотребление) приведены в работе [Oravecz, Dienes, 2002], а работа [Tufiş, 2000] содержит данные для румынского языка.

Также традиционно уделяется большое внимание таксономии явлений, обоснованию причин их появления, их сходству и отличиям. В работах В. В. Виноградова, Д. Э. Розенталя, М. И. Фомина и др. дается полное описание данного феномена. Однако развитие средств АОТ требует введения формального определения как минимум в связи с глобальностью подхода перечисленных авторов (они рассматривают совпадение слов на разных уровнях: фонетики, графики, грамматики, лексики, семантики и т. д.). Ниже мы описываем лишь один из частных случаев – грамматическую неоднозначность слов текста, не вникая в причины ее появления и не отвлекаясь на другие сходные явления. Здесь нас интересует тот факт, что при анализе письменного текста программа не может однозначно проанализировать его, так как в ее грамматическом словаре изначально хранится несколько вариантов анализа слова. Нашей основной целью было определение для разных языков доли текста, неоднозначного с точки зрения программы. Аналогичные исследования могут быть проведены, как сказано выше, и на материале устных текстов, что требует, однако, другой разметки корпусов, перестроения системы классов неоднозначности и изменения методики расчетов.

1.2. Метод анализа неоднозначных словоупотреблений

Представим текст T как последовательность токенов (словоупотреблений), принадлежащих словарю V : $T = \langle w_1, w_2, \dots, w_n \rangle$, где $w_i \in V$ – это слово, находящееся в i -й позиции текста. Заметим, что словарь V содержит только слова, т. е. мы не рассматриваем знаки пунктуации, числа и прочие составные части текста.

Определим словоформу v как кортеж $v = \langle l, \pi, \mu \rangle$, где l – это лемма данной словоформы, π – ее часть речи, μ – ее множество грамматических параметров. Результатами морфологического анализа токена w будет словоупотребление (множество словоформ) $\phi(w) = \{v_1, v_2, \dots, v_k\}$, где v_i – это один из вариантов разбора (словоформа). В соответствии с данным определением задачей морфологического анализа токена w является определение возможных вариантов и комбинаций для его леммы (начальной формы), части речи и набора (англ.: tag) грамматических параметров (категорий). Список приписываемых грамматических параметров зависит от языка, которому принадлежит данное слово, и части речи, полученной в результате анализа.

Назовем слово w несловарным, если оно не представлено в словаре, т. е. $\varphi(w) = \emptyset$ (или $k = 0$), в противном случае $k > 0$ и слово будет являться словарным. Если $\varphi(w)$ содержит более одной словоформы ($k > 1$), слово w будет называться неоднозначным. Мы выделили шесть типов грамматической неоднозначности в зависимости от отличий между частями кортежей. Описание указанных типов приведено в табл. 1.

Классы неоднозначности

Таблица 1

Classes of Ambiguity

Table 1

№ п/п	Часть речи	Лемма	Грамматические параметры	Описание
1	0	0	0	Однозначное (единственный вариант анализа токена)
2	0	0	1	Неоднозначное по параметрам. Все словоформы результата имеют одну и ту же часть речи и лемму, но их множества грамматических параметров различаются. <i>Пример:</i> немецкий глагол 'wohnen' ('проживать') имеет формы в инфинитиве, 1 л. мн. ч. наст. вр., 3 л. мн. ч. наст. вр. и вежливой формы 2 л. наст. вр.
3	1	0	–	Неоднозначное по части речи. Словоформы результата совпадают по лемме, но отличаются по части речи. Грамматические параметры сравниваться не могут. <i>Пример:</i> английское 'close' может быть существительным, глаголом и прилагательным. Русское 'больной' может быть существительным или прилагательным
4	0	1	0/1	Неоднозначное по лемме. Словоформы имеют одну часть речи, но различаются леммами. Совпадение множеств параметров неважно. <i>Пример с совпадающими параметрами:</i> русское 'смели' может быть формой 3 л. мн. ч. прош. вр. глаголов 'сметь' и 'смести'. <i>Пример с различающимися параметрами:</i> русское 'вина' означает существительное 'вина' в им. п. ед. ч., или 'вино' в род. п. ед. ч. или им. п. мн. ч.
5	1	1	–	Неоднозначное по части речи и лемме. Словоформы отличаются как по части речи, так и по лемме, параметры не сравниваются. <i>Пример:</i> французское 'est' может быть существительным 'est' ('восток') или глаголом 'être' ('быть') 3 л. ед. ч. наст. вр.
6	–	–	–	Несловарное. Токен отсутствует в словаре. Данный класс позволяет оценить полноту используемого словаря

При автоматическом анализе текстов слова, принадлежащие разным классам неоднозначности, дают разное количество информации. Так, слово, неоднозначное по параметрам, обладает единственной частью речи и леммой. В этом случае у нас нет всего контекста, определяющего роль слова в тексте, но эта роль ограничена известными частью речи и леммой. Некоторые задачи АОТ, решаемые при помощи модели «мешка слов» или синтаксических шаблонов, не используют грамматические параметры. Слова, неоднозначные по параметрам, в таких задачах могут рассматриваться как однозначные.

Слова, неоднозначные по части речи, хуже определяют синтаксическую структуру предложения. Но если в текстах встречается мало слов с неоднозначной частью речи, некоторые задачи АОТ могут решаться без снятия неоднозначности. Помимо этого, неоднозначные по части речи слова являются полисемичными. Например, «больной», «красный», «зеленый» могут быть прилагательным или существительным и являются полными омонимами. В противоположность им, слова, попадающие к класс неоднозначных по части речи и лемме, являются омографами.

Класс несловарных слов нужен, чтобы, с одной стороны, оценить полноту выбранного морфологического словаря, а с другой стороны, чтобы каждое проанализированное слово могло быть отнесено к тому или иному классу неоднозначности.

Разделив подобным образом все неоднозначные слова на классы, мы можем перейти к расчету частот встречаемости этих классов в текстах на разных языках. Так как результаты будут зависеть от многих параметров (язык, тематика, стиль или жанр текста, его авторы и редакторы, выбранный морфологический словарь и др.), рассмотрим более подробно использованные в нашей работе словари и коллекции.

1.3. Используемые данные и инструменты

Описание использованных системы морфологического анализа и коллекций текстов дано в табл. 2. Для унификации набора грамматических параметров мы нормализовали системы разметки, убрав также синтаксическую информацию. Для испанского, итальянского и каталанского языков набор параметров не менялся.

Для того чтобы устранить влияние зависимости от стиля коллекции, мы проводили основные эксперименты на новостных текстах. Чтобы устранить влияние тематики текстов, проверка также осуществлялась на параллельных новостных корпусах News Commentary для английского, французского, немецкого и испанского языков. Дополнительная серия экспериментов проводилась на текстах разных жанров: новости, научная публицистика и техническая периодика, беллетристика. Незнакомые слова во всех экспериментах не предсказывались, а помещались в класс несловарных.

Таблица 2

Характеристики словарей и корпусов

Table 2

Taggers and Corpora

Язык	Система разметки	Размер словаря (в лексемах)	Коллекция	Размер корпуса (в миллионах словоупотреблений)
Английский	Расширенная АОТ.ru ¹	105 000	Reuters	46,9
Французский	Morphalu ²	68 000	Le Parisien	43,1
Шведский	Saldo Morphology ³	118 000	Dagens Nyheter	24,4

Окончание табл. 2

Язык	Система разметки	Размер словаря (в лексемах)	Коллекция	Размер корпуса (в миллионах словоупотреблений)
Испанский	FreeLing ⁴	76 000	Abc.es	15,2
Каталанский	FreeLing	76 000	El Periódico de Catalunya	39,3
Португальский	FreeLing	110 000	Expresso	41,6
Итальянский	FreeLing	40 000	Corriere della Serra	7,9
Немецкий	FreeLing	155 000	Die Zeit	7,1
Русский	Расширенная AOT.ru	167 000	Lenta.ru	32,4
Польский	Morfologik ⁵	> 400 000	Different sources	21,2
Словенский	FreeLing	95 000	Dnevnik.si	57,9
Турецкий	Расширенная AOT.ru	64 000	Haberler	28,6
Параллельный корпус			News Commentary Corpus	~ 2

¹ <http://aot.ru> [Sokirko, Toldova, 2004].² <http://www.cnrtl.fr/lexiques/morphalou/>.³ <https://spraakbanken.gu.se/eng/resource/saldom> [Pilán, 2015].⁴ <http://devel.cpl.upc.edu/freeling/downloads?order=time&desc=1> [Padró, Stanilovsky, 2012].⁵ <http://morfologik.blogspot.ru/2013/02/morfologik-20-rc2.html/>.

2. Результаты экспериментов по определению грамматической неоднозначности

2.1. Распределение словоупотреблений по типам грамматической неоднозначности

Результаты экспериментов показаны в табл. 3 и на рис. 1. Процент однозначных словоупотреблений колеблется между 30 и 55 % за исключением двух выбросов для польского языка с 19 % и немецкого языка с 14 %. Языки, в которых развита флексия (русский, польский, словенский, немецкий и турецкий), показали высокий уровень неоднозначности по грамматическим параметрам (25–40 % против 0–5 % для других языков). В английском языке ожидаемо половина слов неоднозначна по части речи.

Если рассматривать ряды в табл. 3 как числовые последовательности, то можно обнаружить высокую степень корреляции внутри языковых семей. Немецкий, итальянский и испанский языки показывают корреляция от 0,83 до 0,91. При этом французский сходен с итальянским (корреляция 0,93) и меньше похож на немецкий и испанский (0,79 и 0,7). Романские, английский и русский языки обладают самым большим процентом однозначных слов (35–55 %). Самым отличающимся от всех языков является польский: средняя корреляция 0,21 с выбросом для русского языка 0,5. Следом идут английский (средняя корреляция 0,45) и русский (средняя корреляция 0,5).

Таблица 3

Распределение словоформ по классам неоднозначности, %

Table 3

Distribution of words by classes of ambiguity, %

Язык	Однозначные	Неоднозначные				Несловарные
		по части речи	по лемме и параметрам	по лемме и части речи	по параметрам	
Русский	49,25	7,41	2,60	8,11	29,98	2,64
Польский	18,76	13,67	4,39	20,98	38,51	3,68
Словенский	23,51	8,44	2,25	24,35	38,62	2,82
Английский	36,29	43,89	0,32	7,42	2,89	9,20
Английский NC	39,82	46,78	0,30	6,88	3,17	3,05
Немецкий	13,39	21,66	1,53	24,89	25,54	12,99
Немецкий NC	14,24	23,55	1,08	29,69	25,71	5,73
Шведский	29,56	12,83	3,33	26,70	17,19	10,40
Испанский	42,01	25,79	0,46	20,29	4,21	7,24
Испанский NC	42,44	26,44	0,33	21,39	4,07	5,34
Каталанский	28,51	25,79	0,62	22,88	3,17	19,04
Португальский	39,14	16,78	0,95	25,16	5,80	12,17
Итальянский	50,11	13,75	1,07	16,85	5,95	12,26
Французский	54,48	7,07	5,70	18,95	3,78	10,01
Французский NC	54,91	7,75	7,50	20,15	4,37	5,31
Турецкий	28,26	7,19	2,03	16,45	27,10	18,98

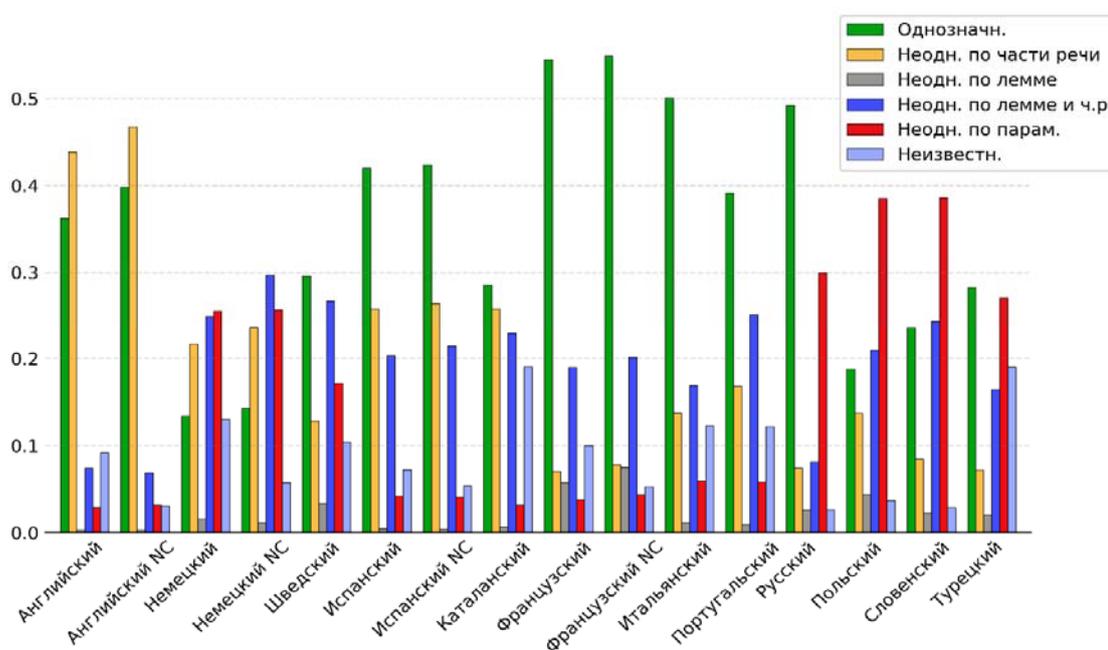

Рис. 1. Распределение словоупотреблений по типам неоднозначности

Fig. 1. Distribution of words by classes of ambiguity

Для параллельных и непараллельных корпусов распределения получились сходными. Но если корреляция для двух корпусов французского языка составила 0,999, а для испанского – 0,998, то для английского и немецкого языков снизилось количество несловарных слов и слов, неоднозначных по лемме и части речи, а число однозначных слов и слов, неоднозначных только по части речи, снизилось. Корреляция при этом остается выше 0,9.

2.2. Разметка текста без разрешения неоднозначности

Обладая статистической информацией о распределении слов по классам неоднозначности, мы можем оценить, насколько применимы к разным языкам методы, основанные на анализе слов, однозначных по части речи. На рис. 2 красной линией показан процент слов, однозначных по части речи (сумма процентов слов, являющихся однозначными, неоднозначными по параметрам и неоднозначными по лемме). Как видно из рисунка, для русского, польского, словенского и французского языков более чем две трети слов могут быть использованы без разрешения неоднозначности по части речи.

Рисунок также демонстрирует известное положение о том, что в разных языках существуют разные проблемы с разрешением неоднозначности: если в романских и германских языках основную проблему составляют слова с неоднозначностью части речи, то в славянских языках основной проблемой является определение корректного набора грамматических параметров (чаще не набора целиком, а отдельных его параметров). Подобная разница иллюстрируется разницей между красной и желтой линией на рис. 2 (последняя показывает долю слов, неоднозначных по параметрам).

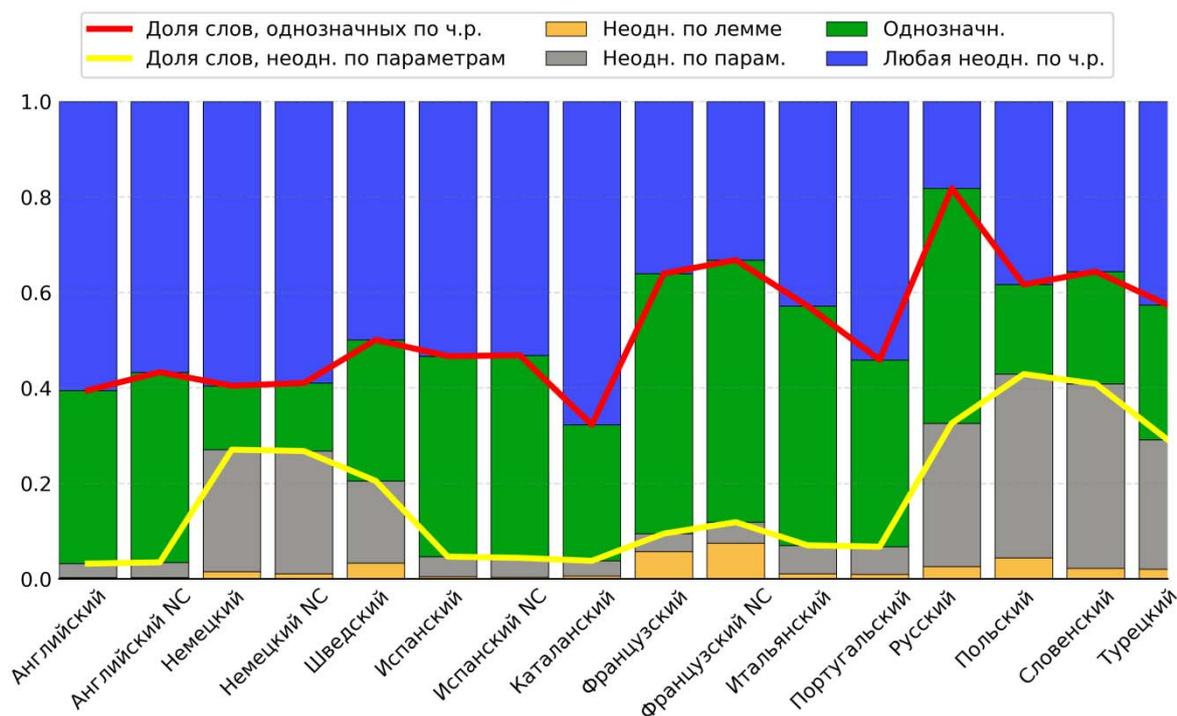

Рис. 2. Процент словоупотреблений, которые могут быть использованы без разрешения неоднозначности по части речи, и однозначных по части речи

Fig. 2. Percentage of part-of-speech unambiguous words and words which are ambiguous by features

2.3. Влияние набора грамматических параметров и словаря на результаты экспериментов

В ходе экспериментов использовались разнородные ресурсы и инструменты: корпуса и словари различаются по размеру, набор грамматических параметров в разных языках не совпадает и т. д. Мы провели серию дополнительных экспериментов, чтобы исследовать, как зависит результат от подобных скрытых параметров модели.

В первом эксперименте мы исследовали зависимость распределения от размеров морфологического словаря выбранного языка. Для этого мы отсортировали словарные леммы по частоте употребления в выбранных корпусах (в случае неоднозначности по лемме увеличивалось значение частоты для всех вариантов леммы). Далее распределение словоупотреблений по классам неоднозначности рассчитывалось для первой 1 000, 3 000 и 5 000 самых частотных лемм русского, словенского, английского, немецкого, французского и испанского языков.

Как видно из рис. 3, изменение размеров словаря не меняет форму распределения кардинальным образом. Например, в русском языке всегда преобладают слова с неоднозначностью по грамматическим параметрам, а в английском языке – неоднозначные по части речи. Корреляция между распределениями для русского языка не опускалась ниже 0,993, для английского – 0,999, тогда как между собой они коррелируют со значением не более чем 0,42.

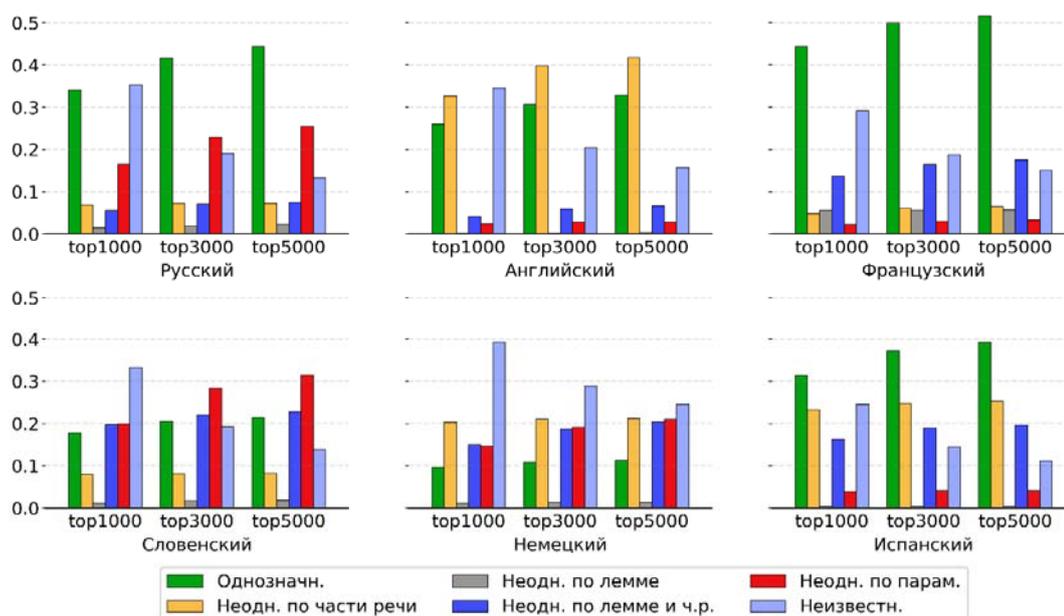

Рис. 3. Влияние размера словаря на форму распределения

Fig. 3. Dependency of a distribution on the number of most frequent words

В связи с этим мы можем утверждать, что вид распределения словоупотреблений по типам неоднозначности существенно не зависит от размеров словаря. Более того, можно сформулировать утверждение, что форма распределения для языка является свойством некоторого базового ядра лексики, содержащего наиболее частотные слова.

С другой стороны, степень корреляции изменяется с ростом словаря. Например, для русского языка изменения между 1 000 и 3 000 наиболее частотных слов больше, чем между 3 000 и 5 000. В связи с этим мы решили исследовать соотношение классов неоднозначности в зависимости от их частоты в словаре. Для этого, как и в предыдущем случае, мы отсорти-

ровали леммы по частоте встречаемости и выделили наиболее частотные 10 000 начальных форм. Они были разделены на десять равных частотных групп: с первой по тысячную позицию, с тысячной по двухтысячную и т. д. После этого распределение словоупотреблений по классам неоднозначности было рассчитано отдельно по частотным группам. Итоговые распределения для всех анализируемых языков показаны на рис. 4 (неизвестные слова отбрасывались, в связи с чем значения частот несколько сдвинуты).

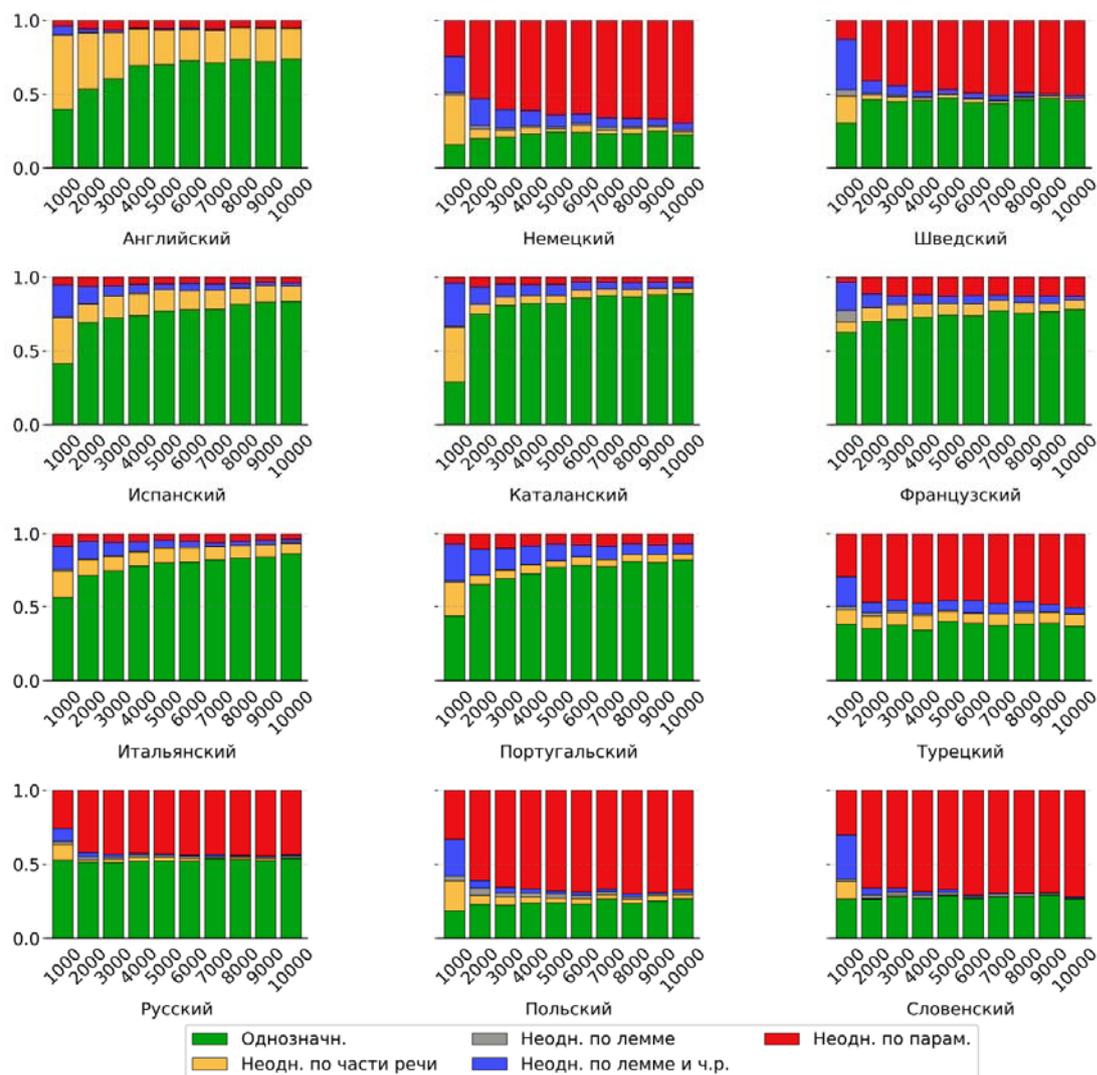

Рис. 4. Влияние частоты токена на форму распределения
Fig. 4. Dependency of a distribution on the frequency of a word

Как видно из рис. 4, распределение слов по классам неоднозначности для первой тысячи наиболее частотных лемм отличается от прочих слов. Например, в ней есть неоднозначность по части речи или части речи и лемме (тогда как для славянских языков процент таких слов падает, особенно резко – начиная со второй тысячи). Для русского, польского, немецкого и турецкого языков количество однозначных слов примерно сохраняется, тогда как языки романской группы показывают существенное сокращение числа однозначных слов у наибо-

лее частотных слов. Основное количество слов, неоднозначных по лемме и параметрам, также находится в первой тысяче.

Заметим, что объем выборки для расчета разных частотных групп сильно отличается, так как частоты слов распределены по закону Ципфа. Если словоупотребления из первой тысячи самых частотных лемм составляют 60–70 % корпуса, то для пятой тысячи это лишь 2–3 %. Мы не можем здесь отрицать влияние логарифмической шкалы распределения, как следствие, данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании.

Мы проверили зависимость от списка используемых частей речи. Для этого одни части речи заменялись другими. Для русского языка личные местоимения заменялись существительными, указательные местоимения – прилагательными, а деепричастия и причастия – глаголами. Изменения в распределении составило около 0,1 %. Это связано с тем, что местоимения в русском языке чаще всего имеют уникальную лемму, а парадигма для причастий и деепричастий содержит характерные окончания.

В еще одном эксперименте проверялось влияние набора грамматических параметров, фактически зависимость распределения слов от флективности языка. Из набора грамматических категорий русского языка последовательно удалялись одушевленность, род, падеж, лицо и число. Удаление одушевленности изменило распределение на 0,005 %, удаления категории числа – на 0,04 %, удаление лица не изменило результаты. Удаление прочих параметров привело к снижению доли слов, неоднозначных по грамматическим параметрам, и увеличило процент однозначных слов (рис. 5).

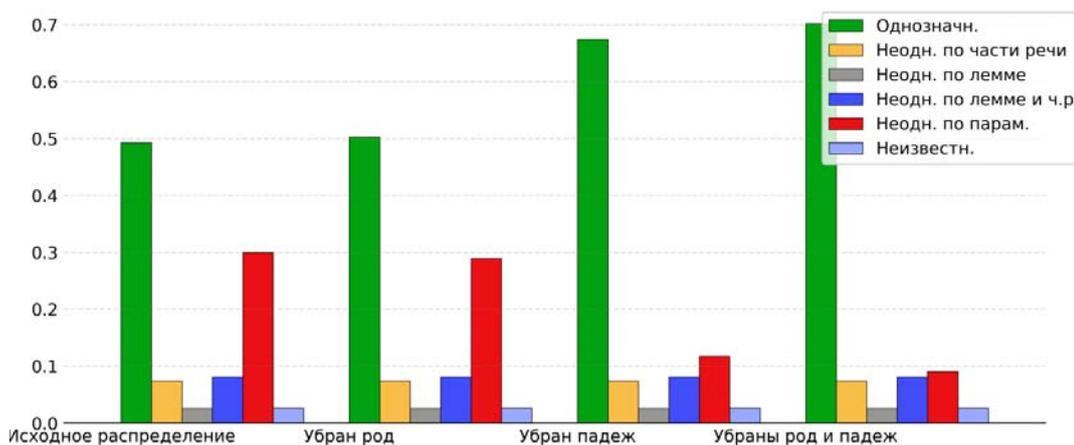

Рис. 5. Влияние набора параметров на форму распределения

Fig. 5. Dependency of a distribution on a reduced set of grammatical features

Для проверки поведения распределения слов по типам неоднозначности в зависимости от всего комплекса параметров мы использовали два независимых морфологических словаря немецкого языка. Один из них, FreeLing, является полноценным словарем, хранящим как основы слов, так и их флексии; второй, TreeTagger, хранит только словарь флексий и предсказывает набор грамматических параметров и начальную форму слова. Результаты показаны в табл. 4. В таблице также указана разница между показателями для словарей TreeTagger и FreeLing.

Как видно из таблицы, словарь TreeTagger обладает значительно меньшим словарем: он показывает примерно на 10 % больше несловарных слов и на 12–25 % меньше слов, неоднозначных по лемме. При этом за счет более бедной системы грамматических параметров ниже процент слов, неоднозначных по параметрам. Поведение слов во TreeTagger сопоставимо с поведением слов в первой тысяче самых частотных слов немецкого языка для новостей.

Таблица 4

Сравнение результатов для словарей FreeLing и TreeTagger, %

Table 4

Results for FreeLing and TreeTagger dictionaries, %

Язык	Одно-значные	Неоднозначные				Несловарные
		по параметрам	по части речи	по лемме и параметрам	по лемме и части речи	
Немецкий FreeLing	13,39	25,54	21,66	1,53	24,89	12,99
Немецкий NC FreeLing	14,24	25,71	23,55	1,08	29,69	5,73
Немецкий TreeTagger	33,27	4,51	22,40	1,36	13,07	25,39
Немецкий NC TreeTagger	44,53	9,35	23,91	0,91	5,26	16,03
Разница новости	19,88	-21,03	0,74	-0,17	-11,82	12,40
Разница NC	30,29	-16,36	0,36	-0,17	-24,43	10,30

В завершение приведем результаты для корпусов различной тематики, написанных на русском языке. Мы провели расчеты для новостей общей направленности, околокомпьютерных новостей, профильного журнала «САПР и графика», сборника фэнтези, сборника любовных историй. Как видно из результатов, показанных на рис. 6, лексика беллетристики отличается большим разнообразием (больше несловарных слов и слов, неоднозначных по лемме), но при этом более четко выражена роль слова (неоднозначность по грамматическим параметрам ниже на 10–15 %). Общая форма распределения сохраняется.

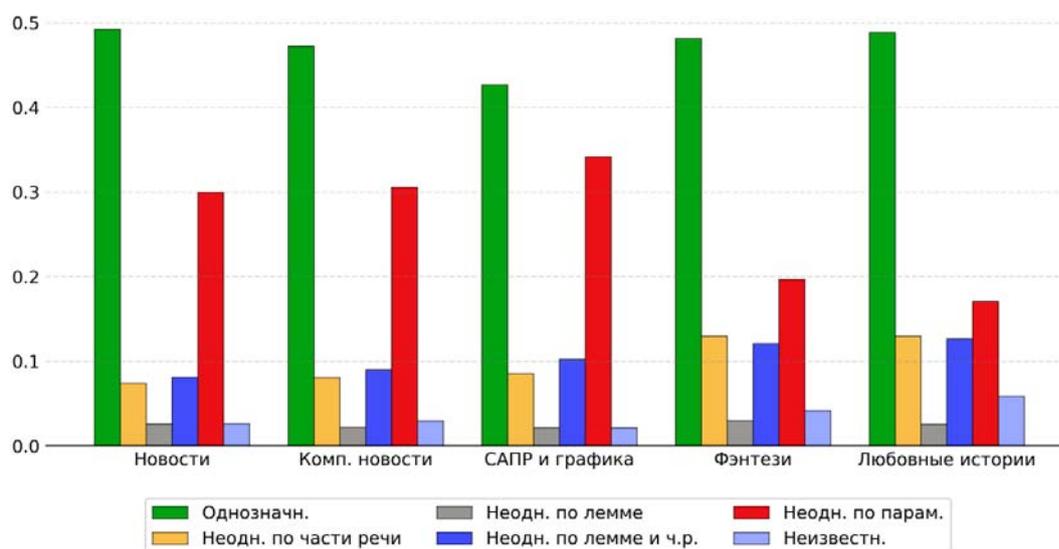

Рис. 6. Влияние тематики корпуса на форму распределения

Fig. 6. Dependency of a distribution on the text's genre

Выводы

В данной статье мы ввели шесть классов грамматической неоднозначности слов. Цель нашей работы состояла в том, чтобы дать количественную оценку степени грамматической неоднозначности текстов на разных языках и продемонстрировать наличие некоторых феноменов в таком распределении. Результаты экспериментов показали значительные отличия в распределении слов по классам неоднозначности в рассмотренных языках. Эксперименты показали, что форма распределения слов по типам неоднозначности определяется наиболее частотными словами языка, хотя само распределение существенно зависит от частотности слов, т. е. более частотные слова несколько иначе образуют классы неоднозначности, чем менее частотные. Данный вопрос должен быть исследован отдельно, однако уже сейчас можно предположить, что более частотные слова относятся к более старым слоям лексики, имеющим меньшую длину слова, и, как следствие, имеющих больше шансов совпасть с другими словами. В этом случае менее частотная лексика является более молодой, образовывавшейся с учетом возможности совпадения с более старыми словами. Однако без детального изучения лексики в зависимости от ее частоты предыдущие утверждения остаются лишь гипотезами.

Наши эксперименты показали, что простое изменение набора грамматических категорий не позволяет привести распределение по классам грамматической неоднозначности одного языка к такому же для другого. Судя по всему, различия между языками лежат глубже, в области статистики использования отдельных слов и синтаксиса. Самым важным параметром является размер словаря: до тех пор, пока процент несловарных слов не достигнет уровня 10–15 %, сложно говорить о свойствах языка. Даже при достижении такого уровня можно говорить скорее о свойствах коллекции, хотя сравнение нескольких коллекций, написанных в различных стилях, позволяет выйти на уровень свойств неоднозначности в языке.

Нами было показано, что стилистические особенности текста отражаются на его распределении неоднозначных слов. По всей видимости, разные стили и жанры накладывают определенные требования на понятность изложения. В научном стиле подобная понятность выражается логикой высказываний, а сама лексика должна быть однозначной. Беллетристика же предъявляет менее строгие требования к определению объекта, но роль, которую он играет, должна быть указана явно.

В данной работе нашел количественное подтверждение общеизвестный эмпирический факт, что разным языкам присуща различная грамматическая неоднозначность: почти любое слово английского языка может быть любой частью речи, а в русском языке основную проблему составляет неоднозначность наборов грамматических параметров. Количественная оценка позволила определить степень различий. Если в английском языке неоднозначно по части речи примерно каждое второе слово, то в русском языке таких слов лишь 15–25 %. Внутри языковых групп наблюдается определенное сходство в распределениях, но и различия также велики. Так, с точки зрения грамматической неоднозначности английский язык больше похож на романские языки, чем на германские.

Полученная информация должна помочь в улучшении точности работы систем морфологического анализа. Наши эксперименты (без применения нейронных сетей), не вошедшие в данную работу, показали, что учет частотности слова позволяет выиграть 0,5–1 % точности. Кроме того, мы показали, что для некоторых приложений в языках с богатой флексией будут работать методы, не предполагающие снятия неоднозначности, но опирающиеся на использование большого корпуса.

В ходе сравнения систем морфологического анализа обычно сравнивается точность их работы на всем тексте, при этом для разных языков получаются результаты, которые сложно сравнивать. Если проводить сравнение на неоднозначной части текстов, оценка работы таких систем будет более корректной, а результаты более сравнимыми. Так как между текстами разных стилей и жанров также наблюдаются определенные различия, сравнение только

по неоднозначной части текстов даже для одного языка делает результаты также более сравнимыми.

Список литературы

- Клышинский Э. С., Кочеткова Н. А., Мансурова О. Ю., Ягунова Е. В., Максимов В. Ю., Карпик О. В.** Формирование модели сочетаемости слов русского языка и исследование ее свойств // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. 2013. № 41. 23 с.
- Коптев М. В.** К построению частотной грамматики русского языка: падежная система по корпусным данным // Инструментарий русистики: корпусные подходы / Под ред. А. А. Мустайоки, М. В. Коптева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 136–150.
- Сокирко А. В., Толдова С. Ю.** Сравнение эффективности двух методик снятия лексической и морфологической неоднозначности для русского языка // Интернет-математика 2005. Автоматическая обработка веб-данных. М.: Яндекс, 2005. С. 80–94.
- Bolshakov, I. A., Galicia-Haro, S. N., Gelbukh, A.** Quantitative Comparison of Homonymy in Spanish EuroWordNet and Traditional Dictionaries. In: Computational Linguistics and Intelligent Text Processing Lecture Notes in Computer Science, 2002, vol. 2276, p. 280–284.
- Brants, T.** TnT – a statistical part-of-speech tagger. In: Proc. of 6th Applied Natural Language Processing Conference, 2000, p. 224–231.
- Brill, E.** Unsupervised Learning of Disambiguation Rules for Part Of Speech Tagging. In: Proc. of the Third Workshop on Very Large Corpora, 1995, p. 1–13.
- Gibson, E., Piantadosi, S. T., Fedorenko, E.** Quantitative methods in syntax / semantics research: A response to Sprouse and Almeida. *Language and Cognitive Processes*, 2012, p. 229–240.
- Hajič, J., Vidová-Hladká, B.** Tagging Inflective Languages: Prediction of Morphological Categories for a Rich Structured Tagset. In: Proc. of the COLING-ACL Conference, 1998, p. 483–490.
- Hawkings, J. A.** Word Orders Universalis. Academic Press, 1983.
- Köhler, R.** Quantitative syntax analysis. De Gruyter Mouton, 2012.
- Lyashevskaya, O.** Frequency Dictionary of Inflectional Paradigms: Core Russian Vocabulary. *Preprints of HSE. Series: Humanity*, WP BRP 35/HUM/2013, 2013.
- Oravecz, C., Dienes, P.** Efficient Stochastic Part-of-Speech Tagging for Hungarian. In: Proc. of Third Int. Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'02), 2002, p. 710–717.
- Padró, L., Stanilovsky, E.** FreeLing 3.0: Towards Wider Multilinguality. In: Proc. of the Language Resources and Evaluation Conference (LREC'12) ELRA, 2012, p. 2473–2479.
- Pilán, I.** Helping Swedish words come to their senses: word-sense disambiguation based on sense associations from the SALDO lexicon. In: Proc. of NODALIDA, 2015, p. 275–279.
- Protopopova, E. V., Bocharov, V. V.** Unsupervised learning of part-of-speech disambiguation rules. In: Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies (Dialog-2013), 2013, p. 655–675.
- Sharoff, S., Nivre, J.** The proper place of men and machines in language technology: Processing Russian without any linguistic knowledge. In: Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies (Dialog-2011), 2011, p. 657–670.
- Tufiş, D.** Using a large set of EAGLES-compliant morpho-syntactic descriptors as a tagset for probabilistic tagging. In: Proc. of Second International Conference on Language Resources and Evaluation, 2000.

References

- Bolshakov, I. A., Galicia-Haro, S. N., Gelbukh, A.** Quantitative Comparison of Homonymy in Spanish EuroWordNet and Traditional Dictionaries. In: Computational Linguistics and Intelligent Text Processing Lecture Notes in Computer Science, 2002, vol. 2276, p. 280–284.

- Brants, T.** TnT – a statistical part-of-speech tagger. In: Proc. of 6th Applied Natural Language Processing Conference, 2000, p. 224–231.
- Brill, E.** Unsupervised Learning of Disambiguation Rules for Part Of Speech Tagging. In: Proc. of the Third Workshop on Very Large Corpora, 1995, p. 1–13.
- Gibson, E., Piantadosi, S. T., Fedorenko, E.** Quantitative methods in syntax / semantics research: A response to Sprouse and Almeida. *Language and Cognitive Processes*, 2012, p. 229–240.
- Hajič, J., Vidová-Hladká, B.** Tagging Inflective Languages: Prediction of Morphological Categories for a Rich Structured Tagset. In: Proc. of the COLING-ACL Conference, 1998, p. 483–490.
- Hawkins, J. A.** *Word Orders Universalis*. Academic Press, 1983.
- Klyshinsky, E. S., Kochetkova, N. A., Mansurova, O. Yu., Iagounova, E. V., Maximov, V. Yu., Karpik, O. V.** Development of Russian subcategorization frames and its properties investigation. *Keldysh IAM Preprints*, 2013, no. 41, 23 p. (in Russ.)
- Köhler, R.** *Quantitative syntax analysis*. De Gruyter Mouton, 2012.
- Kopotev, M.** Towards the frequency grammar of Russian: corpus evidence on the grammatical case system. In: Mustayoki A., Kopotev M. V., Biryulin L. A., Protasova E. Yu. (eds.). *Instruments of Russian linguistics: corpus approaches*. Helsinki, 2008, p. 136–150. (in Russ.)
- Lyashevskaya, O.** *Frequency Dictionary of Inflectional Paradigms: Core Russian Vocabulary. Preprints of HSE. Series: Humanity*, WP BRP 35/HUM/2013, 2013.
- Oravecz, C., Dienes, P.** Efficient Stochastic Part-of-Speech Tagging for Hungarian. In: Proc. of Third Int. Conf. on Language Resources and Evaluation (LREC'02), 2002, p. 710–717.
- Padró, L., Stanilovsky, E.** FreeLing 3.0: Towards Wider Multilinguality. In: Proc. of the Language Resources and Evaluation Conference (LREC'12) ELRA, 2012, p. 2473–2479.
- Pilán, I.** Helping Swedish words come to their senses: word-sense disambiguation based on sense associations from the SALDO lexicon. In: Proc. of NODALIDA, 2015, p. 275–279.
- Protopopova, E. V., Bocharov, V. V.** Unsupervised learning of part-of-speech disambiguation rules. In: Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies (Dialog-2013), 2013, p. 655–675.
- Sharoff, S., Nivre, J.** The proper place of men and machines in language technology: Processing Russian without any linguistic knowledge. In: Proc. of Computational Linguistics and Intellectual Technologies (Dialog-2011), 2011, p. 657–670.
- Sokirko, A., Toldova, S.** Comparing a stochastic tagger based on Hidden Markov Model with a rule-based tagger for Russian. In: *Internet-mathematics*. Moscow, 2005, p. 80–94. (in Russ.)
- Tufiş, D.** Using a large set of EAGLES-compliant morpho-syntactic descriptors as a tagset for probabilistic tagging. In: Proc. of Second International Conference on Language Resources and Evaluation, 2000.

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
25.10.2019*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Клышинский Эдуард Станиславович, кандидат технических наук, доцент школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Eduard S. Klyshinsky, PhD in Tech. Sci., Associate Professor, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

eklyshinsky@hse.ru
ORCID 0000-0002-4020-488X

Логачева Варвара Константиновна, кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Сколковского института науки и технологий (Территория инновационного центра «Сколково», Большой бульвар, д. 30, стр. 1, Москва, 121205, Россия)

Varvara K. Logacheva, PhD in Appl. Math., Skolkovo Institute of Science and Technology (30 Bolshoy Blvrd., bld. 1, Moscow, 121205, Russian Federation)

v.logacheva@skoltech.ru

Карпик Олеся Владимировна, младший научный сотрудник Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН (Миусская пл., 4, Москва, 125047, Россия)

Olesya V. Karpik, Junior Researcher, Keldysh Institute of Applied Mathematics RAS (4 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russian Federation)

parlak@mail.ru

ORCID 0000-0002-0477-1502

Бондаренко Александр Викторович, доктор физико-математических наук, заместитель генерального директора Государственного научно-исследовательского института авиационных систем (ул. Викторенко, 7, Москва, 125319, Россия)

Alexander V. Bondarenko, Dr. Hab. in Appl. Math., Deputy Director, State Research Institute of Aviation Systems (7 Viktorenko Str., 125319, Moscow, Russian Federation)

bond@fgosniias.ru

УДК 81'33
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-22-32

Автоматическое определение половой принадлежности автора текста: феномен русской женской прозы

А. Б. Хазова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена экспериментальной апробации методов автоматического определения половой принадлежности авторов на материале русской художественной прозы 1960–2000 гг. Цель данной работы – выявление оптимальных методов автоматического определения половой принадлежности авторов, подкрепленное экспериментом по определению наиболее результативного алгоритма классификации художественных текстов при помощи машинного обучения. Задачи данного исследования включают в себя выделение грамматических и лексико-стилистических особенностей женской художественной прозы 1960–2000 гг. на фоне мужской прозы того же периода, а также и текстов XVIII–XIX вв.; отслеживание изменений в распределении употребления частей речи и знаков пунктуации на протяжении обозначенного периода. В женских и мужских текстах анализировались наиболее частотные части речи. Произведен анализ употребления особо часто используемых знаков препинания из заданного списка: вопросительный знак, восклицательный знак, запятая, двоеточие, точка с запятой, точка, запятая. В статье показан анализ распределения частей речи и знаков пунктуации в художественных текстах мужчин и женщин XVIII–XIX вв. Также проведен эксперимент по выявлению наиболее действенного алгоритма определения половой принадлежности автора. В результате исследования установлено, что частотность употребления различных частей речи в женских и мужских текстах заданного периода выглядит следующим образом: существительные, глаголы, предлоги, местоименные существительные, союзы и прилагательные, что отражает специфику художественного стиля. Можно заключить, что в современной литературе женщины более активно используют возможности пунктуации как выразительного средства: доля употребления восклицательных, вопросительных знаков и запятых у писательниц значительно превышает значение, полученное посредством анализа мужских текстов. Выяснено, что наиболее эффективными классификаторами художественной литературы являются такие реализации алгоритмов, как BayesNet и SMO.

Ключевые слова

женская проза, пол, гендер, классификация, машинное обучение, кластеризация

Для цитирования

Хазова А. Б. Автоматическое определение половой принадлежности автора текста: феномен русской женской прозы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 22–32. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-22-32

Automatic Detection of Gender Identity: The Phenomenon of Russian Women’s Prose

Anastasiya B. Khazova

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the method of automatic detection of authors’ gender identity on the material of fiction prose of 1980–2000. During this period, there is a special construct, called “women’s prose”, which is characterized by a special genre and stylistic originality. We set ourselves the task to find out whether the concept of “women’s prose” refers only to the non-text reality or is clearly reflected at the level of language. We have collected corpus of texts 1980–

© А. Б. Хазова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

2000 and conducted that identified the most effective machine learning algorithms for the classification of male and female prose. This research focuses on methods for automatically determining the gender identity of authors on the material of prose from 1960 to 2000. The purpose of this work is to identify optimal methods for automatically determining the gender identity of the authors. The objectives of this study include highlighting the grammatical and stylistic features of prose from 1960 to 2000 and, in particular, women's prose and texts of 18th – 19th centuries; tracing the changes in the distribution of usage different parts of speech and punctuation for a specified period and conducting an experiment to identify the most effective algorithm for the classification of literary texts by using machine learning. The analysis revealed that women and men often use in their texts the following parts of speech: nouns, verbs, prepositions, pronominal nouns, conjunctions, and adjectives that reflects the specific artistic style. In addition, analysis was made of the use of the most commonly used punctuation marks from the given list: question mark, exclamation point, comma, colon, semicolon, period, comma. It has been observed that women are more actively using the means of punctuation as a means of expression in modern literature: the share of the use of exclamation, question marks and commas the writers is much higher than the value obtained through the analysis of men's texts. The work also contains an analysis of the distribution of parts of speech and punctuation of literary texts of men and women of 18th – 19th centuries. We performed experiment to identify the most effective algorithm for determining the gender identity of the author. It was found that the most effective classifiers of literature are the implementation of algorithms as BayesNet and SMO.

Keywords

women's prose, classification, sex, gender, machine learning, clusterization

For citation

Khazova, Anastasiya B. Automatic Detection of Gender Identity: The Phenomenon of Russian Women's Prose. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 22–32. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-22-32

Введение

Значительную долю современного литературного пространства занимают произведения, написанные авторами-женщинами. Исследователи считают женскую эмансипацию конца XX в. важной предпосылкой активного включения женщин в литературный процесс. Но в действительности точнее (в историко-культурном смысле) говорить о второй волне или пике женской эмансипации, поскольку первые «женские» (но не феминистские) тексты появились в России еще в конце XVIII в. (например, А. И. Вельяшева-Волынцева, Екатерина II, Е. Е. Голицына, Е. Р. Дашкова и др.), а во Франции даже раньше (Мари Мадлен де Лафайет, Мадам де Севинье и др.).

В Европе понятие «женская литература» начало утверждаться в 30–40-х гг. XIX в. [Воробьева, 2006. С. 6]. В России начала XX в. происходит расцвет женской поэзии – появляется плеяда поэтесс Серебряного века (Ахматова, Гиппиус, Цветаева, Арсенева, Волошина и др.). Этот процесс оказался созвучен процессу борьбы за равноправие женщин во всех сферах жизни. Как следствие, к концу века в России появляется ряд сборников, которые становятся своеобразным манифестом женщин-авторов: «Новые амазонки», «Брызги шампанского», «Не помнящая зла» [Серго, 2006].

Отметим, вместе с тем, что термины «женская литература» и «женская проза» не синонимичны. Если до 1980-х гг. исследователи называли женской прозой или литературой все художественные прозаические тексты, написанные писателями-женщинами, то в начале 1980-х возникает специфическое понятие женской прозы как отдельного конструкта, применяемого к текстам, созданным в СССР и современной России в 1980–2000 гг. Она обладает своими тематическими и стилистическими особенностями, а также очерчивает вполне конкретный круг авторов, среди которых фигурируют, в первую очередь, Т. Толстая, Л. Улицкая, В. Токарева, Л. Петрушевская, Г. Щербакова.

Первые отечественные работы о феномене этой женской прозы возникли под влиянием социальных перемен и с приходом в Россию гендерных идей в 1980–1990-х гг. Первопроходцами в этой области стали литературоведы Н. М. Габриэлян, Е. И. Трофимова, И. А. Жеребкина, которые описали место этого европейского и американского явления в рамках современной российской культуры и общества [Титарева, 2015. С. 4].

В дальнейшем исследователи начали рассматривать различные аспекты этого явления. Некоторые обращали внимание на особенности творчества отдельных авторов (ср. Ю. Л. Высочина «Интертекстуальность в прозе Татьяны Толстой: на материале романа “Кысь”», Е. А. Меркотун «Поэтика одноактной драматургии Л. Петрушевской», Е. А. Стрельцова «Языковые особенности художественных текстов В. Токаревой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой»). Другие же пытались установить общие литературные особенности функционирования данного социокультурного феномена: Н. В. Воробьева «Женская проза 1980–2000 годов: динамика, проблематика, поэтика», Г. А. Пушкарь «О категории “гендер” и гендерных исследованиях. Художественная оппозиция феминность / маскулинность в современной женской прозе. Художественная специфика конфликта и хронотопа в женской прозе. Уровни гендерных художественных конфликтов».

Кроме того, многие авторы уделяют внимание факторам возникновения и становления женской прозы, а также пытаются определить признаки, с помощью которых ее можно идентифицировать как специфический род художественной литературы. Часть исследователей ориентируется при этом на гендерную принадлежность автора, которая, впрочем, заявляется им самим. Другие считают основанием для выделения женской прозы наличие специфических жанрово-стилевых характеристик текста, общих для всех писателей-женщин и не свойственных писателям-мужчинам.

Действительно, в исследовательских работах уже достаточно давно встречаются утверждения о существовании мужских и женских вариантов языка. Так, А. Пиперски считает, что, хотя и существует различие между словами и конструкциями, которые свойственно употреблять мужчинами и женщинам, но это «не абсолютные различия полов, а различия стилей: женский язык обычно нейтральный, а мужской – более грубый» [Пиперски, 2006]. Впрочем, на это различие было указано гораздо раньше в работе московских исследователей: мужчины чаще используют отрицательную оценку и сниженную лексику [Земская и др., 1993]. Что касается нейтральности женской речи, то она может и отрицаться. Так, Е. А. Стрельцова [2014] утверждает, что женской речи, напротив, свойственна экспрессивность, причем гиперболизированная.

Гендер, нередко игнорировавшийся в более ранних языковедческих исследованиях, приобретает особое значение с развитием гендерной лингвистики. Категория пола является продуктом культуры и фиксирует представления о различиях между мужским и женским. Она находит свое отражение как в народном творчестве и традициях, так и в самом языке.

В современной гендерной лингвистике выделяют две основные проблемы изучения этого фактора в языке.

1. Речевое и коммуникативное поведение людей подразумевает наличие типичных стратегий выбора определенных лексических единиц и синтаксических конструкций, «специфика мужского и женского говорения».

2. Отражение пола в языке. Этот подход состоит в описании стратегий выбора различных единиц в «номинативной системе, синтаксисе, категории рода» [Holmes, Meyerhoff, 2003].

Понятие гендерной идентичности, т. е. категоризации автором самого себя, включает в себя ряд категорий, таких как агендерность, тернарные гендерные модели и мн. др. Мы же используем в данном исследовании бинарную модель гендера, основанную на биологическом поле автора. Она диктуется спецификой корпуса, поскольку авторы-женщины, произведения которых попали в корпус, намеренно выделяют себя в литературной среде и не стараются скрыть свою половую принадлежность.

Задача половой идентификации методами машинного обучения становится проще благодаря множеству текстов, написанных авторами-женщинами в 1980–2000-х гг. Исследователи выделяют их в отдельный конструкт, поэтому получение этих данных позволяет проследить, относится ли понятие «женская проза» только к внетекстовой реальности или находит явное отражение на уровне языка. Кроме того, они помогают определить, способствуют ли различия в женском и мужском письме этого периода точнее идентифицировать пол автора.

Анализ художественной прозы всегда осложнен индивидуальными стилистическими чертами автора. Но вместе с тем в письменной речи появляются различные особенности на уровне грамматики и синтаксиса художественного текста, позволяющие отличить мужское письмо от женского.

Литературный процесс XX в. нашел отражение на всех уровнях языковой системы. Постоянное изменение лексического состава языка, использование разговорной и обценной лексики, отсутствие стилистической строгости и многое другое сформировали новый облик художественных произведений и значительно повлияли на женское письмо.

Теоретические предпосылки автоматической идентификации

Задача автоматической атрибуции текста осложняется серьезными ограничениями, связанными с возможностями программных средств. Машине трудно выявить качественные (такие, как тематика, тональность, просодия) и многие количественные признаки предположительно женского или мужского художественного текста, вполне очевидные литературоведу, критику и даже лингвисту. Е. А. Стрельцова, например, относит к характерным особенностям женской прозы «частое использование междометий, использование положительных оценок, разговорной речи, диминутивов» [2014]. Но попытка автоматически выявить в ней текстовую плотность положительных оценок и разговорной речи закончится, вероятнее всего, провалом из-за сложности формализации в лингвистике текста понятий «положительность» и «разговорность». Трудность может вызвать даже выявление диминутивов, несмотря на наличие у них достаточно характерной морфологии. А вот утверждения А. Пиперски, убежденного, что «для мужских текстов характерны существительные, прилагательные и предлоги, а для женских – местоимения, глаголы, наречия и междометия» [2006], достаточно легко поддаются автоматической верификации, поскольку речь идет всего лишь о классификации единиц текста по частям речи.

Применение подхода с использованием машинного обучения является актуальным методом для решения задач данного типа в основном потому, что решающими в процессе идентификации авторства текста признаются именно количественные показатели. Степень их репрезентативности и валидности выше, что дает экспертам возможность выносить более объективные заключения.

Таким образом, мы приходим к заключению, что методами автоматической идентификации можно квантифицировать только те признаки условно женского и мужского текстов, которые машина имеет возможность «посчитать», т. е. решать самые простые задачи. Выявить особенности текста, скажем, биологического мужчины, но демонстрирующего иные гендерные модели поведения и пишущего «по-женски», не представляется возможным на данный момент. Поэтому одной из ключевых исходных посылок для отнесения текста к женской прозе являются особенности выбора автором лексики, грамматики и синтаксических конструкций. Однако нужно иметь в виду, что этот выбор подчинен в еще большей степени законам художественного (литературного) жанра, общим для писателей-мужчин и писателей-женщин.

В настоящее время проведено уже множество экспериментов по автоматической классификации различных текстов [Argamon, 2009], в том числе относящихся к художественной литературе [Diederich et al., 2003], методами машинного обучения. Многие исследователи используют в качестве классов пол и возраст, акцентируя внимание на текстах из блогов и социальных сетей. Ведущими специалистами в этой области являются М. Koppel, S. Argamon, E. Stamatatos, M. Liwicki, предлагающие различные способы определения половых классов при помощи ряда алгоритмов машинного обучения (balanced winnow algorithm, naïve bayes, decision trees и др.). Так, в работе [Koppel et al., 2002] апробирован вариант алгоритма экспоненциального градиента, который, в свою очередь, является обобщением алгоритма Balanced Winnow.

Также в задаче автоматической классификации текстов популярными являются алгоритмы SVM и k-nearest neighbor, описание которых даны в работах [Vel et al., 2002; Kucukyilmaz et al., 2008].

Несмотря на то что семантические особенности текста лучше выявляют половые различия и потенциально могут являться маркером авторского языка, они трудно измеримы, поэтому исследований в этой области не так много. Знаковой является статья [Argamon et al., 2005], в которой авторы, апеллируя к семантическим особенностям текста, представляют каждый набор частей речи в виде графов, способных расширять, углублять или ограничивать смысл текста.

В большинстве случаев исследователи предпочитают использовать стандартные лингвистические и потому стабильные характеристики слова и текста: части речи, служебные слова, длина предложений и слов, синтаксические связи, знаки пунктуации, поскольку они дают высокие результаты в области атрибуции текстов и, в частности, гендерной идентификации их автора.

Несмотря на актуальность проблемы авторского профилирования, задача гендерной классификации текстов на материале русской женской прозы еще не решалась. Ключевой конференцией в этом направлении является PAN. Также существует много ежегодных соревнований по определению пола автора по набору текстовых данных. Таким образом, российские исследователи активно вовлекаются в разработку методов авторского профилирования. Важными являются работы Т. А. Литвиновой и О. В. Загоровской, авторов корпуса RusGendAttr, созданного на базе интернет-текстов.

Совместная лаборатория корпусной социолингвистики и автороведческих исследований (Воронеж) работает в области автоматического профилирования интернет-текстов, а также занимается созданием корпусов текстов с нейropsихологической разметкой, т. е. указывает соответствующие характеристики их авторов.

К сожалению, современные алгоритмы не позволяют точно определить пол пишущего, но для идентификации достаточно и уровня 90 %, которые обеспечиваются составлением статистической модели гендерно маркированного текста на основе ряда его формальных признаков.

Задачи и метод

Задача данного исследования заключается в определении наиболее результативных алгоритмов классификации из числа принятых для решения задач классификации текстов с самыми разными целями, чтобы выявить их способность корректно отнести документ к категории мужских или женских произведений из числа отобранных для эксперимента.

Подобные эксперименты активно проводятся на материале английского, итальянского, датского и других языков, но на русском материале этот вопрос не исследовался.

Существует достаточное количество алгоритмов машинного обучения для решения задачи классификации текстов. Рассмотрим некоторые из них.

1. Машина опорных векторов, или SVM (support vector machines).

Данный метод реализует бинарную классификацию [Platt, 1998], а именно разделяет входные векторы на две заданные группы. Например, разделяет отзывы на положительные и отрицательные. Лучшим типом данных для его применения является набор текстов с максимальной разностью между двумя категориями (в частности, мужские и женские тексты).

При его реализации точки в пространстве, выраженные векторами, разделяются гиперплоскостями. Задачей алгоритма является нахождение такой плоскости, которая разделяла бы векторы на две или более группы. В случае, когда категорий две, классификация называется бинарной, во всех остальных случаях используется термин «многоклассовая».

Алгоритм может работать как с уже обозначенными классами, тогда это будет «обучение с учителем», так и без них, в таком случае перед нами встает задача кластеризации.

Для обучения классификатора используется метод SMO (sequential minimal optimization), изменяющий параметры SVM для соответствия обучающим данным.

В нашем случае мы столкнулись с задачей бинарной классификации с учителем, поскольку у нас имеется обучающая выборка с двумя предварительно размеченными классами: мужские и женские тексты.

2. Наивный байесовский классификатор. По своей сути это вероятностный классификатор, который на основе ряда переменных и их зависимостей вычисляет зависимости по теореме Байеса, выражающей степень уверенности в истинности суждения.

Особенность алгоритма в том, что все классы рассматриваются независимо друг от друга, и это нужно рассматривать как допущение, поскольку в большинстве случаев данные каким-либо образом все же связаны друг с другом.

Классификатор на основе Наивного Байеса требует обучения на размеченных вручную данных. При всей своей простоте использование алгоритма позволяет достичь высокой точности в задачах, связанных с анализом текста.

3. Метод k-ближайших соседей. Он представляет собой алгоритм классификации, который оценивает сходство ближайших соседей и на основании этого сходства относит объект к одной из групп [Jain, 2010]. Все объекты находятся в n -мерном пространстве, где n является числом признаков, на основании которых производится классификация. Для обучения этого алгоритма используется выборка, в которой нужно предварительно обозначить отношение объектов к одному из классов.

4. «Случайный лес» (Random Forest). Этот алгоритм представляет собой множество решающих «деревьев», которые при реализации задачи классификации основываются на «голосовании» по выделенным в исходной текстовой выборке признакам. Дерево принятия решений – это метод со следующей структурой. Существует корневой узел, от которого отходят узлы. В них располагаются атрибуты, на основе которых распределяются входные данные. От узлов отходят листья, в которых находятся классифицированные объекты. Для принятия решения о классификации объекта необходимо пройти от корневого узла через все дочерние узлы, на основе которых принимается решение, к листу.

Алгоритм успешно показывает себя в решении задач кластеризации, классификации и регрессии, поскольку способен включать в себя большое количество данных и анализируемых классов [Liaw et al., 2002].

Наиболее популярными для решения задачи классификации текстов являются Weka – программное обеспечение для анализа данных, пакет для языка Python Gensim, использующийся для тематического моделирования, и библиотека Scikit-Learn, содержащая большое количество алгоритмов машинного обучения.

Для проведения эксперимента по выявлению лучшего алгоритма для классификации текстов художественной прозы 1980–2000 гг. по гендерному признаку нами была выбрана программа Weka, поскольку в ней наряду с удобным механизмом предобработки материала, состоящем в очистке от знаков препинания и сохранении в формате arff, представлен гибко настраиваемый набор фильтров (StringToWordVector, StringToNominal) других параметров (выбор стеммера, параметры токенизации, использования стоп-слов и др.).

Сбор корпуса и предобработка

Для решения задачи классификации нами был собран корпус, состоящий из произведений авторов второй половины XX – начала XXI в. В состав корпуса вошли следующие произведения:

- Быков Д. «Эвакуатор» (2005), «Ночные электрички» (1995), «Борис Пастернак» (2005), «Оправдание» (2001), «Орфография» (2003), «ЖД» (2006) – URL: <http://www.litres.ru>;
- Ерофеев В. «Пять рек жизни» (1958), «Русская красавица» (1990), «Энциклопедия русской души» (1999), «Мужчины: тираны и подкаблучники» (2008), «Дневник. Записки сума-

сшедшего» (1957), «Москва – Петушки» (1989), «Карманный апокалипсис», «Вальпургиева ночь, или Шаги Командора» (1989) – URL: <http://thelib.ru/>;

- Лимонов Э. «История его слуги» (1981), «Убийство часового» (1992), «Анатомия героя» (1998), «В плену у мертвецов» (2002), «Священные монстры» (2001), «Как мы строили будущее России» (2001), «Другая Россия» (2001), «Книга мертвых» (2000) – URL: <http://thelib.ru/>;

- Пелевин В. «ГКЧП как тетраграмматон» (2013), «Зеленая коробочка» (1996), «День бульдозериста» (1991), «Жизнь насекомых» (1993), «Затворник и Шестипалый» (1990) «Зигмунд в кафе» (2013), «Иван Кублаханов» (2013), «Мардонги» (2013), «Миттельшпиль» (2013), «Музыка со столба» (2013) – URL: <http://www.litres.ru/>;

- Петрушевская Л. «Бал последнего человека» (1995), «Время ночь» (1992), «Гирлянда птичек» (1996), «Как цветок на заре» (2002), «Перезимуем» (1995), «Два царства» (2009) – URL: <http://thelib.ru/>;

- Токарева В. «На каникулах» (2010), «Вместо меня» (1995), «Из жизни миллионеров» (2003), «Коррида» (1993), «Птица счастья» (2004) – URL: <http://thelib.ru/>;

- Толстая Т. «Кысь» (2000), «Лимпопо» (1990), «Ночь» (1987), «Не кысь» (2004), «Сюжет» (1991), «Надежда и опора» (1990) – URL: <http://thelib.ru/>;

- Улицкая Л. «Сонечка» (1992), «Медея и ее дети» (1996), «Сквозная линия» (2002), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006), «Бедные родственники» (1996) – URL: <http://www.litres.ru/>;

- Щербакова Г. «Лизонька и все остальные» (2009), «Прошло и это» (2004), «Скелет в шкафу» (1996), «Вам и не снилось» (1979), «Трое в доме, не считая собаки» (2005) – URL: <http://thelib.ru/>.

Данные авторы были выбраны на основе различий стиля и тематики текстов. Это позволило учесть возможные различия, накладываемые этими характеристиками.

Корпус текстов собирался на основе открытых источников сети Интернет, и потому часть текстов представлена (в связи с авторскими правами) в неполном, но достаточном для проведения эксперимента объеме. Для анализа отбирались произведения разных жанров и длины: романы, повести, рассказы, сказки. Благодаря этому удалось добиться разнообразия текстового материала для обеих групп, о чем можно судить по различиям в употреблении частей речи и пунктуационных знаков (табл. 1).

Таблица 1

Различия в употреблении частей речи и пунктуационных знаков
в мужских и женских текстах корпуса (1960–2000)

Table 1

Differences in the use of parts of speech and punctuation marks
in the corpus of male and female texts (1960–2000)

Часть речи		Количество слов, %		Знак препинания	Количество знаков, %	
		Men	Women		Men	Women
ADV	наречие	5,46	5,54	!	6,92	9,84
ADVPRO	мест., нар.	1,9	2,1	?	10,9	10,73
CONJ	союз	8,8	10	,	0	0
INTJ	междомет.	0,095	0,15	.	86,63	81,33
PART	частица	4,58	5,16	:	1,06	1,73
SPRO	мест.-сущ.	9,06	10,55	;	2,07	0,64
V	глагол	16,35	18,87			
					Men	Women
Среднее количество слов в предложении					11,7	10,47
Количество предложений					16 902	18 881

Собранные корпуса женской прозы и мужских текстов впоследствии были объединены и разделены на обучающую и тестовую выборки. Размер обучающей выборки составил 89 000 словоупотреблений в 12 мужских и 12 женских текстах. Тексты обучающей выборки были размечены с точки зрения половой принадлежности авторов.

Тестовая выборка состояла из 20 мужских и 22 женских текстов и составила 317 000 словоупотреблений.

Все тексты в формате txt и кодировке utf-8 прошли процедуру предобработки – были очищены от знаков препинания, способных вызвать ошибку при прочтении данных в Weka. Затем они были использованы при создании arff файлов для последующей обработки.

Процедура классификации текстов

При использовании коллекции из 24 (training) и 42 (test) текстов была произведена процедура классификации текстов с учетом выбранных алгоритмов. При проведении эксперимента использовался метод 5-fold cross validation, разделяющий корпус на 5 равных частей, в которых одна часть становится объектом проверки обучения, а остальные четыре – тренировочными данными. После прохождения пяти итераций результаты объединялись, что позволило сделать оценку качества формирования обучающейся модели.

Для эксперимента по выявлению наиболее действенного алгоритма определения половой принадлежности автора нами были выделены пять наиболее популярных алгоритмов для решения этой задачи: «машина опорных векторов», «случайный лес», «наивный Байес», «BayesNet», «k-ближайших соседей».

Для построения моделей в Weka были использованы следующие классификаторы: Naive-Bayes, BayesNet, SMO (вариация SVM), Lbk (k-ближайших соседей), LWL RandomForest.

В качестве фильтра использован StringToWordVector, преобразующий строки в набор числовых атрибутов. В качестве стеммера нами был выбран Lovins Stemmer, а для токенизации – WordTokenizer. Эта комбинация способствовала получению лучших результатов для работы моделей с использованием стандартных алгоритмов без дополнительных атрибутов.

Использование стоп-слов значительно снижало количество верно классифицированных текстов, что подтверждает суждение о том, что служебные слова в текстах русскоязычных авторов также являются одним из признаков стилового своеобразия [Морозов, 1915].

TFIDF и токенизация на n -граммы не давали улучшения качества работы моделей, поэтому было принято решение отказаться от их использования.

В ходе применения моделей, обученных на тестовой выборке с использованием обозначенных выше алгоритмов, были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Результаты классификации мужских и женских текстов

Table 2

Results of classification of male and female texts

Тексты	Количество, ед.	SMO		Naive Bayes		BayesNet		KNN		LWL Random Forest	
		ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
Мужские	20	15	75	15	75	13	65	15	75	14	70
Женские	22	15	68,18	15	68,18	12	54,54	12	54,54	14	63,63
Всего	42	30	71,43	30	71,43	25	59,52	27	64,29	28	66,67

Интерпретация результатов

Наиболее точным в процессе классификации художественных текстов на женские и мужские показал себя алгоритм SVM, ему удалось верно классифицировать 68,18 % женских и 75 % мужских текстов. Такие же результаты показал NaiveBayes.

Худший результат в задаче классификации женских текстов показали алгоритмы BayesNet и KNN. Эти инструменты плохо соотносят женскую прозу с нужной группой (54,54 %). Парадоксально, однако, то, что «мужские» тексты (и признаки маскулинности в языке и стиле) они распознали лучше – 65 и 75 % соответственно. Такой парадокс говорит либо о том, что язык и стиль женских текстов ориентируется на единые с мужскими жанрово-стилистические нормы художественной литературы, либо об инерции авторов, считающих себя феминистками, придерживаться на деле «патриархальных» канонов литературности.

Средние результаты показал RandomForest. Им было верно классифицировано 63,63 % женских текстов и 70 % мужских.

Таблица 2 демонстрирует, что наиболее эффективными классификаторами для художественной литературы по признакам маскулинности / феминности являются такие реализации алгоритмов, как NaiveBayes и SMO. Лучший результат в определении половой принадлежности авторов художественных произведений показали классификаторы на основе Наивного Байесовского классификатора и метода опорных векторов (71,43 %). Остальные алгоритмы демонстрировали не столь высокий результат.

Было выявлено 7 женских (6 из них – тексты Л. Петрушевской) и 2 мужских текста, половая принадлежность которых не классифицировались ни одной моделью. Образцы текстов этих авторов присутствуют в тренировочной выборке, но этого оказалось недостаточно для их корректной обработки (следует, пожалуй, отметить, что все они характеризуются разным объемом).

Безошибочно определяются стандартными алгоритмами классификации 11 женских и 8 мужских текстов, а в остальных случаях (4 и 8 текстов) классификаторы периодически допускают ошибку.

Как выяснилось, не все женские тексты обладают достаточно устойчивыми феминными сигналами, не вполне понятно также, на каком уровне (тексто- или лексико-семантическом) они располагаются. Одним из наиболее доступных и возможных путей улучшения моделей является учет пунктуационных особенностей текстов, что даст возможность в определенной степени выявить их синтаксическую специфику. Что касается различных аспектов тональности текста, реализуемой как через лексику, так и через синтаксис, то ее машинный анализ выполнить крайне трудно.

Как бы то ни было, мы можем сделать вывод, что универсального формального кода конструкта женской прозы на уровне текста, реализуемого в художественном творчестве всех писателей-женщин, не существует. Этот конструкт есть не более чем теоретическая гипотеза, выдвигаемая и защищаемая представителями нового литературоведения. Однако во многих женских произведениях мы можем выявить феминные сигналы разной интенсивности, которые и регистрируются в ходе процедуры автоматической идентификации.

Заключение

Самым важным результатом эксперимента является, пожалуй, то, что мужские тексты распознаются **всеми** алгоритмами гораздо лучше, чем женские. Это, во-первых, не позволяет списывать результат на погрешность в функционировании алгоритмов и, во-вторых, дает серьезную основу для формулировки новых гипотез относительно причин лучшей «видимости» мужского художественного языка / стиля.

Эксперимент, тем не менее, показал, что стандартные алгоритмы машинного обучения, применяемые для профилирования нехудожественных текстов, вполне удовлетворительно решают задачу идентификации и авторов художественной прозы в бинарной модели, основанной на половой принадлежности автора.

Список литературы

- Воробьева Н. В.** Женская проза 1980–2000 г.: динамика, проблематика, поэтика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.
- Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н.** Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М., 1993. С. 90–136.
- Морозов Н. А.** Лингвистические спектры, как средство для отличения плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора и для определения их эпохи. 1915. URL: <http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3>
- Пиперски А.** Гендер и язык: есть ли разница между мужской и женской речью? // Варламова Д. Проект Theory and Practice. 2006. 26 февр. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9451-gender-language>
- Серго Ю. Н.** Женская проза России: особенности художественной философии // Филологический класс. 2006. № 16. С. 52–56.
- Стрельцова Е. А.** Языковые особенности художественных текстов В. Токаревой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2014. № 3 (56). С. 137–140.
- Титарева Л. Д.** Женская проза как феномен современной российской культуры (на примере забайкальского края): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2015.
- Argamon, S.** Automatically profiling the author of an anonymous text. *Commun. ACM*, 2009, vol. 52, no. 2, p. 119–123.
- Argamon S., Dawhle S., Koppel M., Pennebaker J.** Lexical Predictors of Personality Type. In: Proceedings of Classification Society of North America. St. Louis, MI, 2005.
- Diederich, J. J., Kindermann, J., Leopold, E., Paass, G.** Authorship Attribution with Support Vector Machines. *Applied Intelligence*, 2003, vol. 9, iss. 1. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.33.7558&rep=rep1&type=pdf>
- Holmes, J., Meyerhoff, M.** The handbook of language and gender. Oxford, Blackwell Publ., 2003, vol. 25, p. 4–17.
- Jain, A. K.** Data clustering: 50 years beyond K-means. *Pattern Recognition Letters*, 2010, vol. 31, no. 8, p. 651–666.
- Koppel, M., Argamon, S., Shimoni, A. R.** Automatically Categorizing Written Texts by Author Gender. *Literary and Linguistic Computing*, 2002, vol. 17 (4). URL: <http://u.cs.biu.ac.il/~koppel/papers/male-female-llc-final.pdf>
- Kucukyilmaz, T., Cambazoglu, B. B., Can, F., Aykanat, C.** Chat mining: predicting user and message attributes in computer-mediated communication. *Information Processing & Management*, 2008, vol. 44 (4), p. 1448–1466. DOI 10.1016-j.ipm.2007.12.009
- Liaw, A. et al.** Classification and regression by randomForest. *R news*, 2002, vol. 2, no. 3, p. 18–22.
- Platt, J. C.** Sequential Minimal Optimization: A Fast Algorithm for Training Support Vector Machines. In: Microsoft Research, Technical Report MSR-TR-98-14, April 21, 1998.
- Vel, O., Corney, M., Anderson, A., Mohay, G.** Language and Gender Author Cohort Analysis of E-mail for Computer Forensics. In: Second Digital Forensics Research Workshop, 2002. URL: https://www.dfrws.org/sites/default/files/session-files/paper-language_and_gender_author_cohort_analysis_of_e-mail_for_computer_forensics.pdf

References

- Argamon, S.** Automatically profiling the author of an anonymous text. *Commun. ACM*, 2009, vol. 52, no. 2, p. 119–123.
- Argamon S., Dawhle S., Koppel M., Pennebaker J.** Lexical Predictors of Personality Type. In: Proceedings of Classification Society of North America. St. Louis, MI, 2005.

- Diederich, J. J., Kindermann, J., Leopold, E., Paass, G.** Authorship Attribution with Support Vector Machines. *Applied Intelligence*, 2003, vol. 9, iss. 1. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.33.7558&rep=rep1&type=pdf>
- Holmes, J., Meyerhoff, M.** The handbook of language and gender. Oxford, Blackwell Publ., 2003, vol. 25, p. 4–17.
- Jain, A. K.** Data clustering: 50 years beyond K-means. *Pattern Recognition Letters*, 2010, vol. 31, no. 8, p. 651–666.
- Koppel, M., Argamon, S., Shimoni, A. R.** Automatically Categorizing Written Texts by Author Gender. *Literary and Linguistic Computing*, 2002, vol. 17 (4). URL: <http://u.cs.biu.ac.il/~koppel/papers/male-female-llc-final.pdf>
- Kucukyilmaz, T., Cambazoglu, B. B., Can, F., Aykanat, C.** Chat mining: predicting user and message attributes in computer-mediated communication. *Information Processing & Management*, 2008, vol. 44 (4), p. 1448–1466. DOI 10.1016-j.ipm.2007.12.009
- Liaw, A. et al.** Classification and regression by randomForest. *R news*, 2002, vol. 2, no. 3, p. 18–22.
- Morozov, N. A.** Linguistic spectra as a means to distinguish plagiarism from the true works of one or another famous author and to determine their era. 1915. (in Russ.) URL: <http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=1&textId=3>
- Piperski, A.** Gender and language: is there a difference between male and female speech? In: Varlamova D. Project Theory and Practice. 2006. February 26. (in Russ.) URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/9451-gender-language>
- Platt, J. C.** Sequential Minimal Optimization: A Fast Algorithm for Training Support Vector Machines. In: Microsoft Research, Technical Report MSR-TR-98-14, April 21, 1998.
- Sergo, Yu. N.** Women's prose in Russia: features of artistic philosophy. *Philological class*, 2006, no. 16, p. 52–56. (in Russ.)
- Streltsova, E. A.** Language features of literary texts By V. Tokareva, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya. *Bulletin of Cherepovets State University*, 2014, no. 3 (56), p. 137–140. (in Russ.)
- Titareva, L. D.** Women's prose as a phenomenon of modern Russian culture (on the example of the transbaikal territory). Doctoral dissertation. Chita, 2015. (in Russ.)
- Vel, O., Corney, M., Anderson, A., Mohay, G.** Language and Gender Author Cohort Analysis of E-mail for Computer Forensics. In: Second Digital Forensics Research Workshop, 2002. URL: https://www.dfrws.org/sites/default/files/session-files/paper-language_and_gender_author_cohort_analysis_of_e-mail_for_computer_forensics.pdf
- Vorobyova, N. V.** Women's prose 1980–2000: dynamics, problems, poetics. Doctoral dissertation. Perm, 2006. (in Russ.)
- Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. A., Rozanova, N. N.** Features of male and female speech. In: Zemskaya, E. A., Shmeleva, D. N. (eds.). Russian language in its functioning. Moscow, 1993, p. 90–136. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
16.09.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Хазова Анастасия Борисовна, ассистент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия)

Anastasiya B. Khazova, Instructor, National Research University Higher School of Economics (20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation)

ahazova@hse.ru
ORCID 0000-0002-1612-2016

Фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных рецептов)

Н. Н. Гроцкая¹, Т. В. Корбмахер²

¹ *Сибирский государственный университет науки и технологий
им. академика М. Ф. Решетнева
Красноярск, Россия*

² *Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена проблеме изучения лингвокультуры российских немцев. Показана актуальность и востребованность темы, мотивированной современными реалиями и языковыми проблемами. Лингвистическая значимость исследования обусловлена проблематикой сохранения лингвокультуры, традиций и национальной идентификации. Ассимиляционные процессы принимают необратимый характер, утрачивается преемственность поколений. Это выражается в утрате элементов традиционной культуры и языка немцев и восприятии культурно-языкового комплекса иноязычного окружения. Несмотря на то что диалект молодым поколением практически утрачен, кулинарные традиции оказались одним из самых устойчивых элементов культуры российских немцев, а кулинарные рецепты являются уникальным источником, на основании которого можно определить особенности немецких диалектов. В статье рассматриваются фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных рецептов российских немцев). Особое внимание уделяется результатам электронно-акустического анализа. Материалом для исследования послужили аудиозаписи текстов кулинарных рецептов, произнесенных российскими немцами и носителями литературного немецкого языка. В результате исследования в смешанном диалекте (западно-среднегерманском и восточно-среднегерманском) были установлены отклонения от нормы немецкого литературного языка на фонетическом и просодическом уровнях: передвижение гласных и согласных звуков, редукция глаголов, увеличение длительности произнесения, большая интенсивность, относительно ровное движение частоты основного тона с понижением к концу фразы. Анализ позволил определить специфику просодического оформления немецких диалектов (на материале кулинарных рецептов) и наметить перспективы дальнейшего их изучения.

Ключевые слова

кулинарные рецепты, литературный язык, диалект, российские немцы, фонетические и просодические особенности, частота основного тона, интенсивность, длительность

Для цитирования

Гроцкая Н. Н., Корбмахер Т. В. Фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных рецептов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 33–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-33-44

Phonetic and Prosodic Characteristics of the German Dialects in Comparison to the Standard German Language (Based on the Cooking Recipes of Russian Germans)

Nina N. Grotskaya¹, Tatyana V. Korbmakher²

¹ Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
Krasnoyarsk, Russian Federation

² Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the linguo-culture of Russian Germans. The urgency and relevance of the topic motivated by modern realia and language problems at the present stage are shown. The linguistic significance of the study is due to the issue of preserving the linguo-culture, traditions and national identity by Russian Germans. Assimilation processes take on an irreversible character, and continuity in generations is lost. This is reflected in the loss of traditional culture elements and the language of the Germans as well as the perception of the culture- and language-related character / specificity of a foreign language environment. Despite the fact that the dialect has been lost by the younger generation, culinary traditions have proven to be one of the most stable elements of the culture of Russian Germans. Cooking recipes are a unique source for studying the phonetic and prosodic features of German dialects. The paper concentrates on the phonetic and prosodic characteristics of the German dialects in comparison to the standard German language (based on the cooking recipes of Russian Germans). For this reason, special attention is paid to the results of the electro-acoustic analysis. The authors calculated and analyzed average values for the basic prosodic characteristics. The material of the study was audio recording of the cooking recipes read by dialect and native speakers. The study of the dialects made it possible to detect deviations from the norm of the standard German language at the phonetic and prosodic levels: shift of vowel and consonant sounds, verb reduction, increased duration of the utterance, comparatively high intensity, relatively smooth movement of the pitch frequency with a decrease toward the end of the phrase. The analysis allowed us to determine key prosodic features of the German dialects (based on the cooking recipes) and map out aspects of their future studying.

Keywords

cooking recipe, standard language, dialect, Russian Germans, phonetic and prosodic characteristics, pitch frequency, intensity, duration

For citation

Grotskaya, Nina N., Korbmakher, Tatyana V. Phonetic and Prosodic Characteristics of the German Dialects in comparison to the Standard German Language (Based on the Cooking Recipes of Russian Germans). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 33–44. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-33-44

Введение

Немецкий язык, как и любой развитый национальный язык, является неоднородным и представляет собой сложную иерархически структурированную систему, т. е. совокупность форм, в которых существует и проявляется данный национальный язык. Противопоставленными единицами, образующими предельные уровни «поля напряженности», являются литературный язык и диалекты, которые постоянно взаимодействуют друг с другом.

На сегодняшний день диалекты российских немцев – уникальный феномен, находящийся, к сожалению, на грани исчезновения. Несмотря на многочисленные работы, посвященные исследованию немецких говоров, этот феномен недостаточно изучен на фонетическом и просодическом уровнях. Исходя из этого в данной работе рассматриваются фонетические и просодические особенности немецких диалектов в сравнении с литературным немецким языком.

Одним из главных свидетельств сохранения языка и культуры российских немцев являются кулинарные рецепты, ведь кулинарное искусство, как не что другое, сохраняет и передает информацию о прошлом нации, о ее культуре, быте, традициях. В основе каждого кулинарного рецепта лежит технология приготовления блюда. Данный алгоритм определяет так

называемую формулу построения текста, на основании чего рецепт можно отнести к группе фиксированных текстов, что позволяет судить о фонетических и просодических особенностях этого жанра более объективно.

Актуальность исследования обусловлена лингвистической значимостью проблематики сохранения языка российских немцев. Научная новизна исследования заключается в том, что фонетические и просодические особенности диалектов российских немцев прежде не были достаточно изучены в сравнении с литературным немецким языком.

Целью данной работы является комплексный анализ просодической информации о немецких диалектах в сравнении с литературным немецким языком (на материале кулинарных рецептов).

Для достижения цели решались следующие задачи:

- 1) разработка методики проведения аудитивного, электроакустического (компьютерного) анализа основных просодических характеристик немецких кулинарных текстов, а также путей лингвистической интерпретации экспериментальных данных;
- 2) определение специфики просодии кулинарных рецептов на немецких диалектах;
- 3) рассмотрение просодических параметров исследуемых единиц;
- 4) выявление просодической взаимосвязи исследуемых единиц и установление разницы в реализации их основных акустических параметров.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор следующих методов научного исследования: экспериментально-фонетического, аудитивного анализа с привлечением отечественных экспертов-фонетистов, аудиторского анализа с привлечением информантов (носителей литературной нормы немецкого языка), компьютерного метода исследования речи с помощью программы Praat, метода математико-статистической обработки данных эксперимента, метода лингвистической интерпретации просодической информации, метода оппозиционного анализа. По результатам были составлены таблицы и рисунки, которые позволили наглядно изобразить материал при лингвистическом истолковании экспериментальных данных.

Предыдущие работы

Впервые сравнительно-сопоставительным анализом интонации начал заниматься немецкий ученый Е. Вайблингер, который на основе записей высказываний 22 информантов со всей территории Германии построил схемы направления частоты основного тона, на которые впоследствии накладывались соответствующие звуковые высказывания информантов.

На основе соединения акцентных и пограничных (фразовых) тонов возникают многочисленные интонационные контуры. М. Грайс и Ш. Бауманн [Grice, Baumann, 1967] интонационные контуры немецкого языка делят на нисходящие, восходяще-нисходящие, восходящие, остающиеся на одном уровне, нисходяще-восходящие.

Методологическую основу настоящего исследования определили фундаментальные положения теории интонации и просодии (см., например: [Бондарко и др., 1971; Бурова, 2003; Златоустова, 1962; Кантер, 1973; Коваленко, 1998; Кодзасов, Кривнова, 2001; Николаева, 2000; Потапова, Потапов, 2000; Светозарова, 2002; Торсуева, 2009; Халдояниди, 2002; Grice, Baumann, 1967; Truckenbrodt, Maienborn, 2012; Peters, 2006; Kohler, 1991; Gibbon, 1998; Fox, 2000] и др.), а также работы диалектологов [Anders, 2010; Wiesinger, 1998; Gilles, 2006; Dinges, 1923; Дятлова, 2006; Жирмунский, 1956; Москалюк Г. С., 2009; 2013; Москалюк Л. И., 2002; Nemeth, 2010].

Эксперименты

Материалом для исследования послужили аудиозаписи текстов кулинарных рецептов, произнесенных российскими немцами и носителями литературного немецкого языка. В эксперименте участвовали 8 дикторов (4 мужчины, 4 женщины). Информантами являются этни-

ческие немцы старшего поколения, прибывшие в Красноярский край из одного района Поволжья в начале Великой Отечественной войны. Дикторы – носители немецких диалектов являются уроженцами и жителями Саратовской области, с. Беттингер (Bettinger Унтервальденского кантона), которое отмечено на карте Г. Дингеса как село со смешанными диалектами (западно-средне немецким, восточно-средне немецким) [Dinges, 1923]. Опрошенные дикторы принадлежат к немецкому национальному меньшинству, немецкий диалект считают своим родным языком. В семьях дикторов – носителей немецких диалектов оба супруга владели смешанным диалектом, говорили на диалекте во внутрисемейной сфере, так как несмешанный брак создавал реальную возможность для использования родного языка в семейном кругу. Информанты, владеющие литературным немецким языком, проживают в Германии, г. Мюнстер. Фиксация языковых данных осуществлялась посредством цифровой аудиозаписи в 2017–2018 гг. Запись произведена с помощью диктофона Philips DVT1200.

Для каждого высказывания диктора создавался отдельный файл в формате wav со следующими параметрами записи: качество звука – 750 кбит/с, количество каналов – 1 (моно).

Образцы звучащей речи подвергнуты инструментальному (компьютерному) анализу, который проведен с помощью программы Praat. Данная программа позволяет получить частотно-амплитудную интонаграмму фразы и измерить параметры основного тона в герцах, интенсивности в децибелах и длительности в миллисекундах с периодом квантования 10 мс.

При отборе материала исключались отрывки со звуковыми накладками, таким образом, экспериментальный материал для анализа просодических характеристик немецкой речи представлял отдельные фразы, лишённые каких-либо посторонних шумов, которые могли бы повлиять на получение объективных акустических характеристик.

Количество рецептов, проанализированных в эксперименте, составляет 80. По каждому высказыванию были получены абсолютные значения:

- частоты основного тона (направление движения частоты основного тона, уровень частоты основного тона в предложениях, локализация максимального и минимального частотного уровня фразы, частотный диапазон),
- длительности (общая длительность высказываний, среднеслоговая длительность),
- интенсивности (направление движения интенсивности, локализация максимума и минимума интенсивности).

Фонемная сегментация речевых образцов производилась по данным звуковой волны, частоты основного тона (ЧОТ), магнитуды и цветовой спектрограммы.

Локализация максимального и минимального частотного уровней проводилась нахождением максимального и минимального значений на кривой сигнала.

Средняя ЧОТ высчитывалась путем сложения максимального и минимального значений ЧОТ высказывания и деления полученной суммы пополам.

Частотный диапазон определялся путем подсчета разности между максимальным и минимальными значениями ЧОТ в высказывании.

При дальнейшем исследовании вычислялись относительные значения ЧОТ, средние и относительные величины длительности, средние и относительные данные интенсивности.

Средняя относительная минимальная и максимальная ЧОТ каждого диктора были получены как среднее арифметическое 10 случайных значений минимальной и максимальной ЧОТ соответственно.

Относительная величина ЧОТ вычислялась путем соотношения абсолютной величины ЧОТ к средней индивидуальной ЧОТ голоса каждого диктора.

Фонационная длительность тестовых единиц определялась в миллисекундах с точностью до 10 мс.

Среднеслоговая длительность как акустический коррелят темпа вычислялась пословно: общее время реализации фразы делилось на количество составляющих ее слогов. Результаты измерений временных параметров заносились в таблицы. На основании полученных данных создавались графики и диаграммы.

Средняя длительность высказываний получалась путем деления общей длительности фразы на количество реально артикулируемых слогов в нем. Средняя относительная длительность была получена путем соотнесения абсолютной длительности высказываний к их средней длительности.

Направление движения интенсивности, максимума и минимума осуществлялось визуально по графику на мониторе компьютера.

Результаты исследования

В начале эксперимента были проанализированы фонетические особенности кулинарных рецептов немецких диалектов в сравнении с литературным языком, поскольку не представляется возможным делать выводы о просодических особенностях речи без учета фонетических. Ниже в качестве примера приводятся орфографические транскрипции анализируемых в работе аудиозаписей рецепта Strudel («Штрудель») на диалектном и литературном немецком языке, а также таблица, в которой наглядно представлены некоторые расхождения в произношении.

Рецепт на диалекте немецкого языка:

Meilnumme in die Schiessel. Paar Eier, Tiegmilich oder Pudermilich anmache, Soda bisje, Salz und kann mache den Teig. Wenn fjartig ist, schneiden zum Plätzchen undschmier mit Eile und schneid nort zu Stiegeljen, in den Topf setzen. Fleisch und Kraut, viel Wasser druf setzen und koche. Wenn gekocht ist, Schmilzbutter anmache.

Рецепт на литературном немецком языке:

Das Mehl in die Schüsselausschütten. Füge ein paar Eier, Dickmilch oder Buttermilch, ein bißchen Soda, Salz hinzu und man kann den Teig kneten. Wenn fertig ist, rolle den Teig in die Fladen aus und schmiere mit Öl und dann schneide in Stückchen, lege in den Kochtopf. Füge das Fleisch und den Kohl, dann viel Wasser hinzu und koche. Wenn gekocht ist, gieße die Schmelzbutter.

Перевод рецепта на русский язык:

Насыпать муку в миску. Добавить пару яиц, простоквашу или пахту, соды немного, соль и можно замесить тесто. По готовности, раскатать тесто на лепешки и смазать маслом, а затем нарезать кусочками, положить в кастрюлю. Добавить мясо и капусту, затем много воды и варить. Когда приготовится, полить топленым маслом.

Вариант произнесения носителями диалекта	Вариант литературного немецкого языка	Перевод на русский язык
das <u>Meil</u>	das <u>Mehl</u>	мука
<u>nuhme</u>	<u>nehmen</u>	брать
die <u>Schiessel</u>	die <u>Schüssel</u>	миска
die <u>Dickmilich</u>	die <u>Dickmilch</u>	простокваша
die <u>Pudermilich</u>	die <u>Buttermilch</u>	пахта
<u>fjartig</u>	<u>fertig</u>	готово
die <u>Schmilzbutter</u>	die <u>Schmelzbutter</u>	топленое масло
<u>bisje</u>	ein <u>bißchen</u>	немного
<u>druf</u>	<u>darauf</u>	затем, после того
das <u>Stiegeljen</u>	das <u>Stückchen</u> (das Stück)	кусочек
<u>Eile</u>	das <u>Öl</u>	масло

В результате фонетического анализа всего экспериментального материала были выявлены следующие особенности исследуемых рецептов.

1. В системе вокализма наблюдаются делабиализация губных гласных, например: *fünf* «*fünf*», *din* «*dün*n», *rieren* «*rüh*ren», *Gorke* «*Gur*ke», *Schissel* «*Schüss*el»; эпентеза переходных гласных *i*, *e* между сонорными *r*, *m* и *l* и последующим губным и среднеязычным глухим, например *Milch* → *Milich*; редукция гласных: *wenig* → *weng*; дифтонгизация *ē*, *ō*, *ö* всех типов, например, *ē* > *ei*: *Keis* «*Kä*se», *ö* > *ei*: *schein* «*sch*ön», *ō* > *ou*: *Brout* «*B*rot».

2. В системе консонантизма обнаруживается спирантизация «*b*» в интервокальной позиции и после сонорных согласных *r*, *l* в середине слова, например, *halbe* «*hal*we», *Keilriebe* «*Keil*riewe», *Knoblauch* «*Kn*oweloch», *Zwiebel* «*Zwi*wel». В начальном положении перед согласными, а также внутри и на конце слова *p*, *k* ослаблены и лишены аспирации и потому полностью совпадают в произношении со слабыми глухими *b*, *g*, например: /*Ab*əl/ *Ap*fel, /*Zug*ər/ *Zuck*er. Второе передвижение согласных, оглушение звонких взрывных (*b*, *d*, *g* → *p*, *t*, *k*) могут продемонстрировать следующие примеры: *Brei* → *Prei*, *Bline* → *Pline*. Глухой смычной /*p*/ перешел в аффрикату /*pf*/: *Pewer* > *Pfeffer*, *Top* > *Topf*, *Kop* > *Kopf*.

3. В диалектных немецких рецептах представлены модификации суффикса *-chen* → *-je*: *bisschen* → *bissje*. Наблюдаются лексемы, в которых используются общенемецкие словообразовательные модели. Суффикс *-l-* является одним из средств образования глаголов, например: *trocknen* – *trock*le, *schütteln* – *schütt*le, *wickeln* – *wickl*e.

Таким образом, сравнительный анализ рецептов на диалекте и литературном немецком языке показал отклонения от нормы немецкого литературного языка на фонетическом уровне. Разница в фонетическом строе заключается в передвижении гласных и согласных: *ü* > *ie* (*die Schüssel* – *die Schi*essel), *e* > *i* (*die Schmelzbutter* – *die Schmilz*butter), *eh* > *ei* (*das Mehl* – *das Me*il), *e* > *u* (*nehmen* – *n*uhme), *e* > *ja* (*fertig* – *fj*artig), *b* > *p*, *tt* > *d* (*die Buttermilch* – *die Pud*ermilich), *au* > *u* (*darauf* – *d*ruf). Редукции подверглись глаголы, в них отсутствует окончание *-n*: *n*uhme_, *a*nmache_, *m*ache_, *s*chmiere_, *s*chneide_.

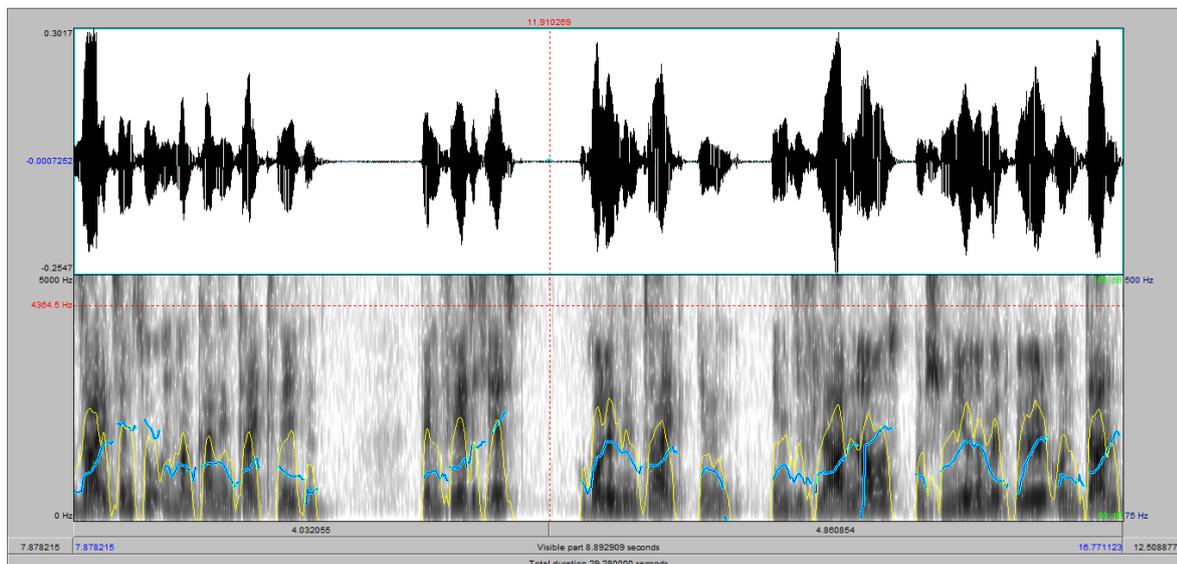
Следующим этапом исследования стал анализ просодических особенностей кулинарных рецептов. Самым универсальным из просодических средств является частота основного тона: почти все виды интонационной информации могут быть переданы с помощью модификаций ЧОТ. Частотные характеристики являются одновременно достаточно значимыми параметрами, так как во многих случаях выступают в качестве ведущих в общем комплексе акустических параметров, используемых говорящим для выражения просодической информации. ЧОТ является доминантной среди просодических средств и при смысловой интерпретации сообщения [Потапова, 2000].

Артикуляционным коррелятом интенсивности является степень произносительного усилия, определяемая величиной подсвязочного давления, активностью дыхательных мышц и напряжением периферийных произносительных органов. Акустически интенсивность звука речи определяется амплитудой колебания и измеряется как звуковая энергия, проходящая в единицу времени через площадь в 1 кв. см перпендикулярно к направлению колебания.

В проведенном эксперименте с использованием компьютерных программ можно было отследить движение ЧОТ (в диапазоне 75–400 Гц для женского голоса и 60–275 Гц для мужского голоса) и интенсивности в речи каждого из анализируемых дикторов. В целом обнаруживается четкое различие в мелодической кривой между диалектными и литературными вариантами произнесения (рис. 1, 2).

На рис. 1 видно, что на первой словоформе литературного варианта немецких рецептов фиксируется подъем тона на ударном слоге, на второй словоформе – подъем тона и высокая интенсивность. Пик интенсивности наблюдается на ударном слоге второй словоформы. На заударном слоге второй словоформы наблюдается подъем тона, который, вероятнее всего, маркирует значение незавершенности. Таким образом, в литературном немецком языке в контексте кулинарных рецептов, а точнее, перечисления ингредиентов и действий с ними,

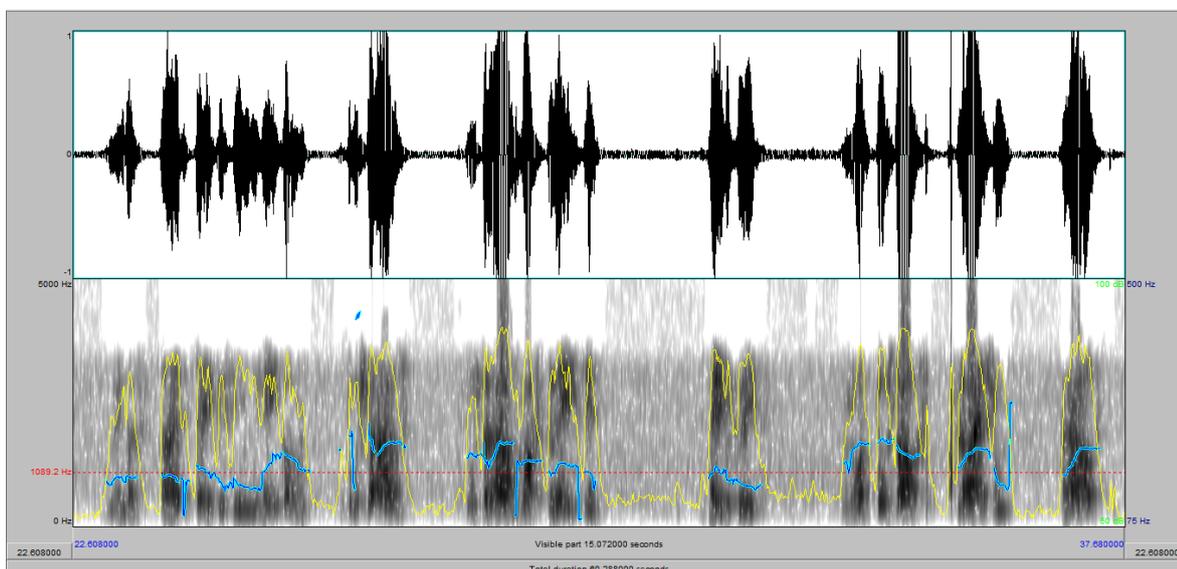
конечная словоформа каждой отдельной фразы характеризуется тональным выделением и / или высокой интенсивностью.

— частота основного тона
— интенсивность произнесения фраз

Рис. 1. Движение частоты основного тона в литературном немецком языке

Fig. 1. Pitch frequency in the standard German language

— частота основного тона
— интенсивность произнесения фраз

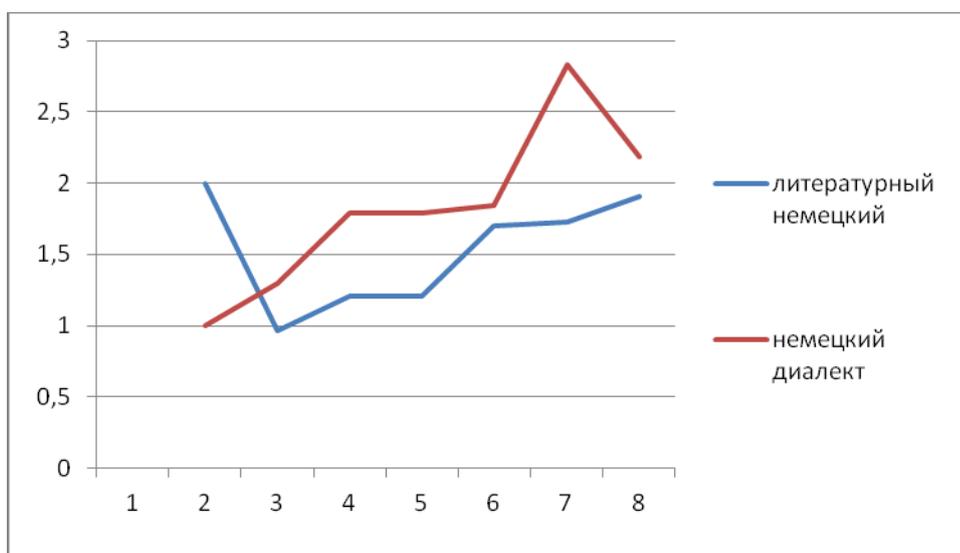
Рис. 2. Движение частоты основного тона в немецком диалекте

Fig. 2. Pitch frequency in the German dialect

В мелодической кривой диалектного варианта немецких кулинарных рецептов (см. рис. 2) наблюдается несколько иная картина. На первой словоформе фиксируются также подъем тона на ударном слоге и пик интенсивности, но на второй словоформе – спад тона при высокой интенсивности произнесения.

Расхождения в полученных по ЧОТ и интенсивности данных можно объяснить особенностями проживания диалектоносителей. Большое влияние на них имел русский язык. Предполагается, что ритмический рисунок определяет интонационный (известно, что русский и немецкий языки имеют совершенно разную ритмическую структуру). Так, на уровне объединения ряда ритмических групп во фразу для русского языка можно говорить о ритме легато, создающем при восприятии впечатление плавности. Ритм немецкого языка резок, отрывист и соотносится с музыкальным ритмом стаккато. В случае же неполного использования одноязычных составляющих (присутствия лексем двух языков), меняется интонационная огибающая, т. е. в одном высказывании диалектоносителей могут присутствовать интонационные единицы, свойственные как тому, так и другому языку.

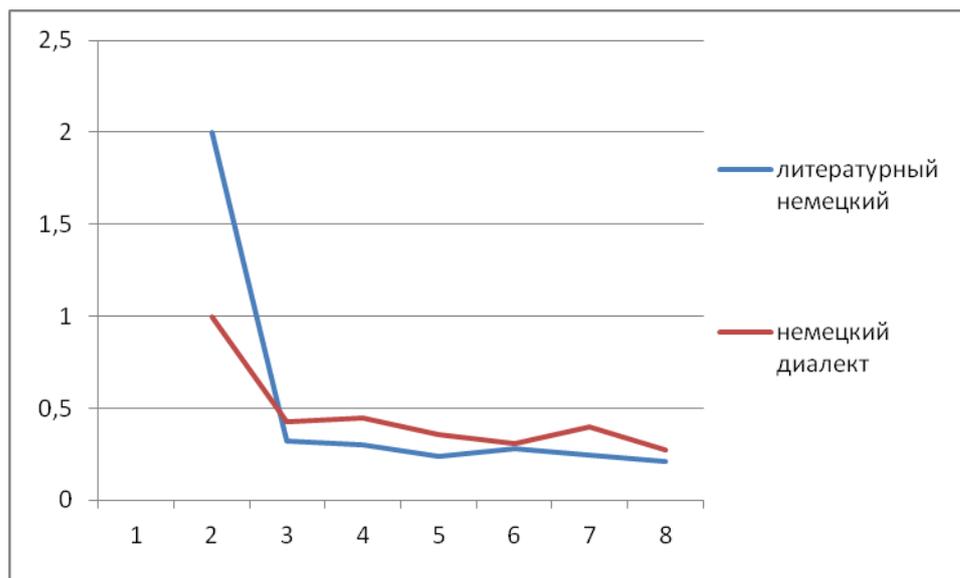
Темпоральные характеристики рассматриваются как универсальное свойство речи и необходимое условие для реализации и восприятия любых речевых единиц и как интегральное средство интонационного оформления речи. Анализ длительности многосложных фраз (на материале кулинарных рецептов, 2–8 слогов во фразе) обнаружил сходные результаты в немецком литературном языке и немецком диалекте, наглядно представленные на рис. 3. Однако следует отметить некоторые отклонения длительности у диалектоносителей в сторону увеличения, что может быть объяснено фонетическими и лексическими особенностями кулинарных рецептов в немецких диалектах.

По оси абсцисс – количество слогов во фразе
По оси ординат – длительность, мс

Рис. 3. Длительность многосложных фраз в немецком литературном языке и немецком диалекте (на материале кулинарных рецептов)

Fig. 3. Duration of polysyllabic phrases in the standard German language and in the German dialect (based on the cooking recipes)

По оси абсцисс – количество слогов во фразе
По оси ординат – длительность, мс

Рис. 4. Средняя длительность фраз в кулинарных рецептах
Fig. 4. Average duration of the phrases in cooking recipes

Данные по средней длительности (рис. 4) и темпу произнесения рецептов литературного и диалектного немецкого языка показали, что средняя длительность фраз, состоящих из 2–3 слогов, согласно «количественному закону», больше средней длительности фраз из 4 и более слогов [Зиндер, 1960; Златоустова, 1962]. Это явление может быть объяснено тенденцией произносить слова с одинаковой длительностью. Как писали Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. П. Павлова, «средняя длительность звука тем меньше, чем больше число звуков и число слогов во фразе» [Бондарко и др., 1971]. В данном эксперименте наименьшей средней длительностью обладают фразы, состоящие из 7–8 слогов.

Заключение

В результате лингвистического анализа кулинарных рецептов на немецком диалекте выявлены отклонения от нормы немецкого литературного языка на фонетическом уровне: разница в фонетическом строе заключается в передвижении гласных и согласных звуков, расхождения в использовании лексики, редукция глаголов. На просодическом уровне также обнаруживаются некоторые особенности диалектов в сравнении с литературным немецким языком: увеличение длительности произнесения, большая интенсивность, относительно ровное движение частоты основного тона с понижением к концу фразы. Данное исследование не является исчерпывающим, оно намечает перспективы дальнейшего изучения немецких диалектов. В частности, необходимо провести детальный анализ коррелятов ударения, изучить иерархические отношения кульминационных тонов, а также установить дифференциальные свойства фразового и логического ударения с имплицитным значением противопоставления (А. К. Халдояниди). Вводимый в данной работе материал, а также положения и выводы могут быть использованы в дальнейших экспериментально-фонетических исследованиях, переводческой деятельности, нейролингвистике, преподавании, при составлении учебников и методических пособий для студентов гуманитарных факультетов.

Список литературы

- Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Павлова Л. П.** Акустические характеристики русской речи в зависимости от разных темпов произнесения // Вопросы фонологии и фонетики: Тез. докл. сов. лингвистов на 7-м Междунар. конгр. фонетических наук (Монреаль, 1971). М., 1971. Ч. 1 С. 47–52.
- Бурова А. Е.** Просодика как средство выражения поля дейксиса в современном немецком языке (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2003. 20 с.
- Дятлова В. А.** Актуальные вопросы немецкой диалектологии в России на современном этапе // Немцы Сибири: история и культура. М.: Наука, 2006. С. 212–214.
- Жирмунский В. М.** Немецкая диалектология / АН СССР; Ин-т языкознания. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 636 с.
- Зиндер Л. Р.** Общая фонетика. Л., 1960. 312 с.
- Златоустова Л. В.** Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962. 154 с.
- Кантер Л. А.** Экспрессивно-фонетическое исследование интонационной структуры английских речевых единиц, выражающих положительные эмоции (группа «радости»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 17 с.
- Коваленко Н. А.** Системный подход к фразовой просодии слова. Красноярск, 1998. 120 с.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.** Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592 с.
- Москалюк Г. С.** Лексическая гетерогенность кулинарных рецептов российских немцев // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2013. № 1. С. 166–177.
- Москалюк Г. С.** Немецкоязычный кулинарный рецепт XIV–XVI вв. как тип текста // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 5. С. 270–278.
- Москалюк Л. И.** Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. 292 с.
- Николаева Т. М.** От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000. 680 с.
- Потапова Р. К., Потапов В. В.** Фонетика и фонология на стыке веков: идеи, проблемы // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 3–25.
- Светозарова Н. Д.** Некоторые проблемы терминологических соответствий в области просодики и интонации // Языкознание в теории и эксперименте: Сб. науч. тр. М.: Изд-во «Пробел-2000», 2002. С. 500–508.
- Торсуева И. Г.** Интонация и смысл высказывания. М.: Либроком, 2009. 112 с.
- Халдояниди А. К.** Интонационные показатели тема-рематической организации высказывания: на материале русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 17 с.
- Anders, C. A.** Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin, de Gruyter, 2010, 466 S.
- Dinges, G.** Über unsere Mundarten Text. In: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk, Nemgosisdat, 1923, S. 60–72.
- Fox, A.** A note on intonational typology. In: Leeds Working Papers in Linguistics and Phonetics. University of Leeds Press, 2000, vol. 7, p. 26–35.
- Gibbon, D.** Intonation in German. In: Hirst, D., Di Cristo, A. (eds.). Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages. Cambridge, CUP, 1998, p. 78–95.
- Gilles, P.** Prosodie der Deutschen Regionalsprache. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006.
- Grice, M., Baumann, S.** Deutsche Intonation und GToBI. In: Linguistische Berichte 191. Halliday, M.A.K., 1967. S. 283.
- Kohler, K. J.** Form and Function of Intonation Peaks in German: A Research Project. *Arbeitsberichte Universität Kiel*, 1991, № 25, p. 11–27.
- Nemeth, A.** Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn. Tübingen, Narr, 2010, 246 S.

- Peters, J.** Intonation deutscher Regionalsprachen. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006.
- Truckenbrodt, H., Maienborn, C.** Semantics of intonation. In: Handbook of Semantics. Berlin, Mouton, 2012, p. 1–40.
- Wiesinger, P.** Die deutsche Dialektologie. In: Stellmacher Dieter: Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen. Beiträge der Internationalen Dialektologietagung (Göttingen, 19–21. Oktober 1998). Stuttgart, Steiner, 1998, S. 15–32. (Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beiheft 109)

References

- Anders, C. A.** Wahrnehmungsdialektologie: das Obersächsische im Alltagsverständnis von Laien. Berlin, de Gruyter, 2010, 466 S.
- Bondarko, L. V., Verbitskaia, L. A., Pavlova, L. P.** Acoustic characteristics of Russian speech depending on different rates of pronunciation. In: Issues of phonology and phonetics. Proc. 7th Int. Congress of phonetic Sciences (Montreal, 1971). Moscow, 1971, p. 47–52. (in Russ.)
- Burova, A. E.** Prosodica as a means of expressing the deixis field in modern German (experimental-phonetic research). Cand. Philol. Sci. Dis. N. Novgorod, 2003, 20 p. (in Russ.)
- Dinges, G.** Über unsere Mundarten Text. In: Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk, Nemgosisdat, 1923, S. 60–72.
- Dyatlova, V. A.** Relevant issues of German dialectology in Russia at the present stage. In: Germans of Siberia: history and culture. Moscow, Nauka, 2006, p. 212–214. (in Russ.)
- Fox, A.** A note on intonational typology. In: Leeds Working Papers in Linguistics and Phonetics. University of Leeds Press, 2000, vol. 7, p. 26–35.
- Gibbon, D.** Intonation in German. In: Hirst, D., Di Cristo, A. (eds.). Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages. Cambridge, CUP, 1998, p. 78–95.
- Gilles, P.** Prosodie der Deutschen Regionalsprache. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006.
- Grice, M., Baumann, S.** Deutsche Intonation und GToBI. In: Linguistische Berichte 191. Halliday, M.A.K., 1967. S. 283.
- Kanter, L. A.** Expressive-phonetic study of the intonation structure of English speech units expressing positive emotions (group of “joy”). Cand. Philol. Sci. Dis. Moscow, 1973, 17 p. (in Russ.)
- Khaldoyanidi, A. K.** Intonation indicators of the theme-rhematic organization of the utterance: On the material of the Russian language. Cand. Philol. Sci. Dis. Tomsk, TSU Press, 2002, 17 p. (in Russ.)
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F.** General phonetics. Moscow, RSHU Press, 2001, 592 p. (in Russ.)
- Kohler, K. J.** Form and Function of Intonation Peaks in German: A Research Project. *Arbeitsberichte Universität Kiel*, 1991, № 25, p. 11–27.
- Kovalenko, N. A.** A systematic approach to the phrase prosody of the word. Krasnoyarsk, 1998, 120 p. (in Russ.)
- Moskalyuk, G. S.** German recipe of the 14th–16th centuries as a text type. In: German studies in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists. Moscow, Language and Slavic Culture Publ., 2009, vol. 5, p. 270–278. (in Russ.)
- Moskalyuk, G. S.** Lexical heterogeneity of culinary recipes of Russian Germans. *Vestnik St. Petersburg State University. Series 9*, 2013, no. 1, p. 166–177. (in Russ.)
- Moskalyuk, L. I.** The current state of the island German dialects. Barnaul, BSPU Press, 2002, 292 p. (in Russ.)
- Nemeth, A.** Dialekt, Sprachmischung und Spracheinstellungen: am Beispiel der deutscher Dialekte in Ungarn. Tübingen, Narr, 2010, 246 S.
- Nikolaeva, T. M.** From sound to text. Moscow, Languages of Russian Culture, 2000, 680 p. (in Russ.)
- Peters, J.** Intonation deutscher Regionalsprachen. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2006.

- Potapova, R. K., Potapov, V. V.** Phonetics and phonology at the turn of the century: ideas, problems. *Issues of Linguistics*, 2000, no. 4, p. 3–25. (in Russ.)
- Svetozarova, N. D.** Some problems of terminological correspondences in areas of prosody and intonation. In: *Linguistics in theory and experiment. Collection of scientific works*. Moscow, Space-2000 Publ., 2002, p. 500–508. (in Russ.)
- Torsueva, I. G.** Intonation and the meaning of the statement. Moscow, Librocom Publ., 2009, 112 p. (in Russ.)
- Truckenbrodt, H., Maienborn, C.** Semantics of intonation. In: *Handbook of Semantics*. Berlin, Mouton, 2012, p. 1–40.
- Wiesinger, P.** Die deutsche Dialektologie. In: *Stellmacher Dieter: Dialektologie zwischen Tradition und Neuansetzen. Beiträge der Internationalen Dialektologietagung (Göttingen, 19–21. Oktober 1998)*. Stuttgart, Steiner, 1998, S. 15–32. (*Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Beiheft 109*)
- Zhirmunsky V. M.** German dialectology. Moscow, AS USSR Publ., 1956, 636 p. (in Russ.)
- Zinder, L. R.** General phonetics. Moscow, 1960, 312 p. (in Russ.)
- Zlatoustova, L. V.** Phonetic structure of words in speech flow. Kazan, 1962, 154 p. (in Russ.)

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
26.09.2019*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Гроцкая Нина Николаевна, доцент Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева (ул. Ленина, 69, Красноярск, 660049, Россия)

Nina N. Grotskaya, Associate Professor, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (69 Lenin Str., 660049, Krasnoyarsk, Russian Federation)

grotskayanina@mail.ru

Корбмахер Татьяна Владимировна, старший преподаватель Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (пр. Свободный, 82А, Красноярск, 660041, Россия)

Tatyana V. Korbmakher, Senior Lecturer, School of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (82A Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)

korbmacher14@mail.ru

ORCID 0000-0002-3742-3045

Развитие семантики цветообозначений *үрүҥ* и *манан* в якутском языке как свидетельство языковых контактов

Е. Н. Афанасьева

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию развития семантики обозначений белого цвета *үрүҥ* и *манан* в якутском языке по данным словарей и текста эпоса – олонхо. Новизной данной работы является сопоставительный анализ якутских цветообозначений с материалом южносибирских и тунгусо-маньчжурских языков, а также определение их связей. Слова имеют разное происхождение и природу, так как отражают разные стадии развития языка и его исторические связи. Имя *үрүҥ* восходит к древневосточным тюркским языкам и имеет сакральную природу, связанную с ранними верованиями. Лексема обладает фиксированной дистрибуцией и сохраняет устойчивость семантической структуры. Как и в древнетюркском языке, имя прилагательное субстантивировано. Имя *үрүҥ* обладает большим слово- и фразеобразовательным потенциалом, является компонентом сложных слов, парных слов и фразеологизмов. В тексте эпоса оно выполняет функцию постоянного эпитета к слову *күн* ‘солнце’. Имя *манан* относится к инновациям, заимствованным из монгольского языка в связи с коневодческой культурой. Из монгольского языка в якутский вошли не только имя прилагательное, но и однокорневой глагол. При этом обнаруживается совпадение планов выражения и содержания слов. В развитии прилагательного наблюдается незначительное преобразование; в результате семантического сдвига произошла замена актуального значения. Лексема *манан* расширила область употребления, выполняя в некоторых случаях функцию имени *үрүҥ*. В сочетании с другими именами прилагательными и существительными она образует сложные колоративы, передающие различные оттенки белого цвета, его насыщенность и яркость. В развитии семантики якутского имени прилагательного и глагола прослеживается влияние значения монгольского глагола. В сочетании со словами, обозначающими особенности ландшафта, имя *манан* реализует признак ‘широкий, просторный (о полях, лугах)’, ‘открытый, благословенный (о дороге и небе)’. В тексте, как и в монгольском языке, является постоянным эпитетом слова *халлаан* ‘небо’. Синоним *чабаан*, также заимствованный из монгольского языка, употребляется намного реже. Так как имя *манан* имеет параллели в хакасском, тувинском, маньчжурском и эвенкийском языках, в системе цветообозначений оно может представлять собой один из общих элементов сибирских языков.

Ключевые слова

якутский язык, цветообозначение, белый цвет, семантика, лексическое значение, сибирские тюркские языки

Для цитирования

Афанасьева Е. Н. Развитие семантики цветообозначений *үрүҥ* и *манан* в якутском языке как свидетельство языковых контактов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 45–56. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56

Development of Semantics of Colour Terms *үрүҥ* and *манан* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts

Evdokia N. Afanaseva

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the semantics of the terms *үрүҥ* and *манан* denoting white colour in the Yakut language. The aim of the article is to study the development of the words. The research material is based on lexicographical sources

and the text of the epic poem – Olonkho. The novelty of this work is the comparative analysis of the Yakut colour terms with the South Siberian and Manchu-Tungus languages and establishment of their relationships. Two words having different origin and nature reflect different stages of language development and its historical connections. The term *yrjŋ* dates back to ancient Eastern Turkic languages and has a sacred nature associated with early beliefs. The lexeme has a fixed distribution and retains the semantic structure. The adjective *yrjŋ* has a great word-formation and phraseological potential; it is a component of complex words, pair-words and phraseological units. As in the Old Turkic language, the word performs the function of a noun. In the text, it acts as a permanent epithet to the word *kjŋ* ‘sun’. Compared to the word *yrjŋ* the term *maŋan* is an innovation, borrowed from the Mongolian language in connection with horse-breeding culture. Another loanword *chavān* is rarely used. Not only the adjective, but also the verb *manxaix* was borrowed from Mongolian into Yakut. In the adjective there was a semantic shift; in the Yakut language the meaning ‘white’ is updated, and the meaning ‘with an asterisk on the forehead’ fades into the background. In combination with other adjectives and nouns, the word *maŋan* forms compound color names that express different shades of white, as well as its saturation and brightness. The word *maŋan* has considerably expanded the area of use, replacing in some cases the function of the adjective *yrjŋ*. In the epic text, the word serves as a permanent epithet of the word *xallaan* ‘heaven’. The word *maŋan* connects the Yakut language not only with the Mongolian and Manchu-Tungus languages, but also with the South Siberian languages, Khakass and Tuvan. In the system of colour terms, the word *maŋan* can be one of the common elements of the Siberian languages.

Keywords

Yakut language, colour term, white colour, semantics, lexical meaning, Siberian Turkic languages

For citation

Afanaseva, Evdokia N. Development of Semantics of Colour Terms *yrjŋ* and *maŋan* in the Yakut Language as Evidence of Language Contacts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 45–56. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56

Введение

Традиция изучения цветообозначений в лингвистике была заложена в связи с развитием психологизма. Чешский лингвист В. И. Шерцль связывал различие в способах означивания цветов у разных народов с их перцептивными особенностями [1884]. Анализ наименований цвета привел к разработке лингвистических теорий, связанных с проблемами познания и восприятия, например, теория прототипов Э. Рош [Rosch, Olivier, 1972; Rosh-Heider, 1972], теория универсальности развития цветовых категорий Б. Берлина и П. Кея [Berlin, Kay, 1969]. Экспериментальное исследование Э. Рош выявило роль памяти в определении фокусных и нефокусных областей цветового пространства. Фокусные цвета как наиболее яркие представители своей категории отличаются цветовой насыщенностью, легко запоминаются и лингвистически кодируются [Rosh-Heider, 1972; Rosch, Olivier, 1972].

Другие исследователи обратили внимание на влияние культурного фактора на дифференциацию базовых цветовых терминов. В восприятии цвета и определении базовых цветов Х. Цоллингер подчеркивал роль физиологических процессов человеческого организма и этнической культуры [Zollinger, 1988]. А. Вежбицкая акцентирует внимание на языковой концептуализации и воздействии культуры на образование различий в языковой концептуализации цвета [Wierzbicka, 1990].

На современном этапе изучение наименований цвета в русле когнитивной лингвистики является одним из популярных направлений (Т. А. Комова, В. Г. Кульпина и др.). В работах активно обсуждается теория Берлина – Кея, согласно которой в языках последовательно формируются от 2 до 11 базовых цветообозначений: белый, черный, красный, зеленый, желтый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый, серый [Berlin, Kay, 1969. P. 2–3]. В свете этой теории проводятся экспериментальные исследования с использованием колориметрических систем В. Оствальда и А. Манселла. Интерпретация базовых цветов по системе Оствальда дана Е. Якобсоном, который описал принципы организации цвета и цветовой гармонии (основные цветовые ощущения, развитие оттенков, объединение цветов и т. д.) [Jacobson, 1948]. Проблема восприятия цвета в искусстве и науке на основе цветовой системы Манселла была освещена С. Кокрейн [Cochrane, 2014]. Система как стандарт имела зна-

чение в развитии науки о цвете и широко обсуждалась как психологами, так и физиками. В изучении цвета лингвисты часто обращаются к полевому методу Я. Дэвиса и Г. Корбетта, суть которого состоит в подборе наименований цветов для 65 цветных стимулов. Экспериментальным путем они установили 12 базовых цветов в русском языке, включая наименования голубого и синего цветов [Davies, Corbett, 1994]. Специфика колоративной лексики рассматривается на материале разных языков. На основе теории Берлина – Кея выявляют базовые цветообозначения, вводят уточнения, касающиеся в основном оттенков синего цвета. В некоторых языках обнаружено 12 базовых имен, включая наименование светло-голубого цвета в греческом языке и темно-синего – в турецком [Serakioti, 2015; Özgen, Davies, 1998]. Сопоставительное исследование цветообозначений в эстонском, финском, венгерском, русском и английском языках, проведенное М. Уускюла, установило лучшие образцы цвета по системе Оствальда, а также сходства и различия названий в указанных языках [Uusküla, 2006]. В настоящее время актуально изучение колоративов с использованием лингвистического корпуса и компьютерных технологий [Масевич, Захаров, 2019].

Названия белого и черного цветов считаются универсалиями, существующими во всех языках. В сербском и английском языках И. Влайкович и Д. Стаменкович выделили концептуальные метафоры, согласно которым с белым цветом ассоциируются добро, невинность, миролюбие, счастье, а с черным – грязь, несчастье, беспорядок, печаль, зло [Vlajković, Stamenković, 2013]. В языковом сознании европейцев семантика белого и черного цветов создает оппозицию «добро / зло», «чистота / грязь», «благопристойность / бесчестие». В США белый и черный цвета приобретают коннотацию, связанную с характеристикой расовых групп и социальных норм в отношениях между ними [Longshore, 1979]. В 1960–1970-х гг. в США активно обсуждали расовую проблему как социальный феномен. Например, журнал «Daedalus» (1967. Т. 96, № 2) опубликовал статьи К. Дж. Гергена о роли цвета кожи во взаимоотношениях людей, Р. К. А. Гардинера о влиянии цвета кожи и расы на международные отношения, Э. Р. Брейтуэйта о цветных мигрантах в Великобритании и др. Традиционная метафорика белого и черного цветов и в современном англоязычном медийном дискурсе имплицитно дополняет оценочное толкование, основанное на расовой оппозиции [Фефелов, 2017].

В данной статье проводится сопоставительный анализ семантики синонимичных обозначений белого цвета *урун* и *манан* в якутском языке с целью выявления особенностей их развития. В связи с этим ставятся следующие задачи: проследить этимологию лексем, изучить лексическое значение по данным словарей и употребление слов в тексте, рассмотреть лексические параллели в других языках. Примеры для иллюстрации собраны из текста эпоса – олонхо «Дьуллуруйар Ньургун Боотур», записанного П. Ойунским, как одного из экземпляров, сохранивших архаические образцы словоупотребления.

Изучение цветообозначения ‘белый’ в тюркских языках

Подробный анализ семантики основных цветообозначений тюркских языков **ак**, **кара**, **кёк**, **сарыҕ**, **кызыл** и **ала** проведен А. Н. Кононовым. Он установил широкое использование наименований цвета в этнонимике, топонимике, антропонимике, титулатуре и пространственном ориентировании. Автор отметил, что геосимволическое значение имен цвета, указанное в уйгурских письменных памятниках, сохраняется у азиатских кочевников: восток – синий / зеленый, запад – белый, юг – красный, север – черный [Кононов, 1978].

В тюркских языках выявлены два варианта обозначения белого цвета **aq** (**ак**, **аҕ**, **а:к**) и **ürüŋ**. А. Н. Кононов выделил следующие значения лексемы **ак**: 1) *белый*, 2) *чистый, незапятнанный, невинный, честный, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный*, 3) *сивый* (масть лошади), 4) *белизна, белок* (глаза, яйца), 5) *бельмо*, 6) *молочные продукты*. В некоторых сочетаниях оно может реализовать значения *проточный, быстротекущий* [Кононов, 1978. С. 170]. Слово является компонентом онимов, социальной терминологии, назва-

ний фауны, флоры, пищи, продуктов и утвари. В «Древнетюркском словаре» приведены несколько значений слова **ürüñ**: 1) *белый, светлый*, 2) перен. *чистый, благородный*, 3) в знач. сущ. **tırqaq ürüñi** *белизна ногте* (ДТС, 1969. С. 627); **jürüñ** *белый, светлый* (ДТС, 1969. С. 287). В целом лексические значения слов **aq** и **ürüñ** совпадают.

Тюркологи полагают, что наименования **aq** и **ürüñ** могут быть маркерами праязыковых изоглосс, разделяющих древние западные языки **aq** и древние восточные языки **ürüñ** [С-ИГТЯ, 2001. С. 600]. По сведениям Махмуда Кашгари, слово **aq** определяется как свойство речи огузов, а вариант **ürüñ** зафиксирован в памятнике уйгурской письменности «Кутадгу билиг», в орхонских и енисейских текстах, в древнеуйгурском, караханидско-уйгурском, среднеуйгурском, чагатайском языках, в киргизском только в сочетании **ürüñ-baraq**, в якутском языке **ürüñ** [С-ИГТЯ, 2001. С. 601]. Н. И. Широбокова заметила, что «только халаджский и якутский сохранили древнетюркское **yryñ** 'белый' (як. үрүң, халадж. *HUrUN*)» [Широбокова, 2005. С. 34].

Результаты исследования семантики имени прилагательного **ак /aq / акъ** в современных тюркских языках показывают, что белый цвет ассоциируется с чем-то светлым, положительным и символизирует божественное начало, святость, непорочность, невинность в противоположность к черному цвету, который связан с негативными эмоциями (Р. Р. Закиров, З. Х. Файзуллина, Г. Х. Бухарова, С. З. Садыкова, К. Ж. Елибаева и др.).

Опираясь на материалы экспедиции А. Ф. Миддендорфа, В. И. Шерцль описал цветовую палитру якутского языка следующим образом: «Якутские песни воспевают не только зеленые и желтые, но и даже синие и серые листья, они же восхваляют зеленый, синий, красный и даже черный лед» [Шерцль, 1884. С. 24]. Якутские колоративы достаточно хорошо изучены в плане этимологии, семантики, словообразовательных возможностей и сочетаемости. Современные исследования направлены в основном на разработку этнокультурного, лингвокультурологического и сопоставительного аспектов. Установлено, что по происхождению наименования белого цвета **үрүң** и **манан** восходят к двум разным лексемам тюркского и монгольского языков. На заимствованный характер цветообозначения **маџан / манан** указал В. И. Рассадин [1980. С. 72]. Лексемы **үрүң** и **манан** имеют ряд различий в смысловом объеме, сочетаемости и стилистической окрашенности [Габышева, 2003]. Большинство работ подчеркивает сакральную роль белого цвета в якутской культуре. Колоративная лексика якутского языка активно изучается в сопоставлении с материалом русского языка на предмет определения степени влияния. Анализ текстов олонхо подтвердил сходство символического значения белого цвета с тюркскими аналогами как олицетворение счастья и благополучия, чистоты и благородства, честности и доброты, почета и высокого положения в обществе. Оппозиция белого и черного цветов используется для противопоставления главных героев и основных образов олонхо (Л. Л. Габышева, А. К. Башарина, М. В. Борисова). В материальной культуре якутского народа белая пища (**үрүң ас** молочные продукты) рассматривается как культуроносный центр, представляющий своеобразный пищевой культурный код [Николаева, 2016].

Результаты вышеуказанных работ по якутскому языку в целом коррелируют с выводами, полученными по другим тюркским языкам, о семантике и символическом значении обозначений белого цвета.

Лексическое значение имен прилагательных *үрүң* и *манан* по данным словарей

В современном якутском языке существуют два основных обозначения белого цвета: **үрүң** [ürüñ] и **манан / маџан** [maɟan / maʒan]. Реже встречается слово **чаџаан** [chaʒān], ср. монг. цагаан *белый; белизна* (БАМРС, 2001. Т. 4. С. 243–244).

В «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарский представил обозначения белого цвета **үрүн** и **манган / маџан** с этимологической справкой и подробным указанием контекста употребления.

Үрүн (Үрүн) тюрк. *örün светлый*; 1) *белый* противополож. хара; *белизна, молочные продукты, масло, белок; белой* (написанный набело), *беловик*; 2) *белый, светлый, чистый*. Имя **үрүн** используется при образовании сложных слов, обозначающих следующие категории понятий: а) *люди, их качества үрүн бытыктаах белобрадый*; в сказках, былинах имена героев, например, *Үрүн Уолан*; б) *млекопитающие животные үрүн сиэллээх белогривый*; в) *птицы үрүн чыычаах*; г) *рыбы үрүн балык очень мелкая рыба*; д) *растения үрүн былах (талах) белый тальник*; е) *минералы үрүн алтан, буор, көмүс*; ж) *пища, продукты, изделия үрүн арыы, үрүн ас*; з) *названия местностей Үрүн күөл, Үрүн хайа* (Пекарский, 1959. Стб. 3178–3180). Таким образом, имя прилагательное **үрүн** обладает следующими основными семантическими признаками: ‘белый’, ‘светлый’, ‘чистый’. Дополнительно функционирует как имя существительное в значении ‘молочные продукты’. Слово образует парное сочетание **үрүн манган** и является источником сложных слов. Форма интенсива основана на частичной редупликации **үп-үрүн пребелый**.

Э. К. Пекарский дает два варианта слова **манган / маџан** и посвящает две отдельные статьи: **манган** (манган) от мангай + н, ср. мангаас, койб. маџан *буланый (о лошади) = маџан* 1) *белый, белехонький, белесоватый (лошадь, волос, облако, дом)* и т. д., но не корова; *сивый (о коне)*; мунаа-манган *светлый, белый (об одежде, лице)*, араџас-манган *изкрасна-белый*, муус манган *ледовато-белый*; 2) часть имени (Пекарский, 1959. Стб. 1523); сиб. русск. маганый *белокурый*; **маџан** 1) *белый (лошадь, облако, птица, небо, день)* маџан биэ *белая кобыла*; маџан кыталык кыыл *белый стерх*; араџас маџан *желто-белый, изкрасна-белый (небо, березка)*; үүт маџан ат *бело-молочная лошадь*; 2) *белизна (лица)*; *белая масть конного скота*; 3) *название урочища* (Пекарский, 1959. Стб. 1499). В словарных статьях доминирует семантический признак, связанный с коневодством. В современном якутском языке вариант **манган** определен как орфографическая норма: **манган** прил. *белый (цвета снега)* (БТСЯЯ, 2009. Т. 6. С. 224), **манхай** глаг. *белеть, сидеть, становиться седым, белым (о волосах)* (БТСЯЯ, 2009. Т. 6. С. 228). По сути, **манган** и **маџан** являются разными способами произношения одной и той же лексемы, обозначающей белую масть животных, а именно лошадей. В сочетании с другими атрибутами она используется при передаче разных оттенков белого цвета. Форма интенсива образуется при помощи частичной редупликации **мап-маџан**.

Лексические параллели якутского слова **манган / маџан** обнаруживаются в монгольском, хакасском и тувинском языках. В монгольском языке имя прилагательное обозначает белую отметину на лбу животного, а также цветовое проявление явлений природы и неба: сущ. **манхан** 1) *со звездочкой на лбу, манхан үхэр белоголовая корова, манхан цагаан морь лошадь с белой звездой на лбу*; 2) перен. *снежный, белый*; хөх манхан тэнгэр *голубое небо* (БАМРС, 2001. Т. 2. С. 327). Производный глагол реализует признаки ‘светлый, высокий, открытый и большой’: глаг. **манхайх** 1) *быть светлым, белесым, светлеть, белеть*; 2) *быть высоким, открытым (о лбе)*; *быть большим* (БАМРС, 2001. Т. 2. С. 322). В хакасском языке основное значение ‘белый’ относится к масти лошади и коровы: хак. **манган** 1) *белой масти (о лошади)*; ах манган ат *лошадь снежно-белой масти*, 2) *с белым пятном на лбу (о лошади и корове)* (ХРС, 2006. С. 233). Тувинское имя прилагательное акцентирует чистоту и яркость белого цвета: **маңган** *белый-пребелый, совершенно белый*; маңган ак *белым-бело* (ТРС). В якутском, хакасском и тувинском языках актуализируется признак белизны, а значение ‘со звездочкой на лбу’ отходит на второй план. В отличие от якутского, в хакасском и тувинском языках обнаруживаются следы параллельного употребления формы **ак**, которая способствует передаче интенсивности цвета.

Ближние варианты существуют в тунгусо-маньчжурских языках: маньч. **манкара** *белоногая или белорылая лошадь или собака, у которой белая, широкая лысина во все рыло – начи-*

ная от темени, около глаз и до рта (Захаров, 1875. С. 865). Слово обозначает особенности головной части животного, как и в монгольском языке. В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» приведены параллели из монгольского и якутского языков: **манк̄ар** *плешиный*, эвенк. **манк̄ар** [*мо.*] (**маңан** [*як.*] **ман̄ас** [*як.*] 1) *плешиный*; 2) фольк. *олень верховой крылатый*; 3) *беломордый (олень с белой полосой на морде)*; маньч. **манкара** [*мо.*] *белоносый, белорылый (о лошади или собаке с белой широкой лысиной на морде)*; п.-мо. **мангхаг** *со звездочкой на лбу (о лошади)*, монг. **манхан** *со звездочкой на лбу (о лошади)*, як. **маңан** *белый, сивый (о коне)*; **ман̄ас** *беломордый*; **манхабар** *белый, седой* (ССТ-МЯ, 1975).

Из сказанного следует, что цветообозначение **үрүн** имеет тюркское происхождение, а **манан** / **маған** заимствовано якутским языком из монгольского, а также видна связь основы с тунгусо-маньчжурскими языками. Слово **манан** / **маған** связывает якутский язык не только с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, но и с южносибирскими языками, хакасским и тувинским. Как показывает материал, оно является общим признаком лексики цветообозначения сибирских тюркских языков. Ранние исследования подтверждают, что из тюркских языков более сильному влиянию монгольского языка подверглись тувинский, хакасский и якутский [Мусаев, 1984. С. 9]. Однако не исключается и тунгусо-маньчжурское влияние. Слово распространено и в сибирских русских говорах. Н. И. Широкова выделила якутско-сибирские изоглоссы, основной чертой которых явилось отсутствие общетюркских элементов [2005. С. 77].

Употребление наименований цвета **үрүн** и **маған** в тексте

Лексема ‘үрүн’. Имя прилагательное **үрүн** является источником образования сложных номинативных единиц: **үрүн көмүс** *серебро* (*көмүс золото, серебро*); **үрүн туой** *белая глина* (*туой глина*). Имена существительные с собирательным значением употребляются в высоком стиле: **үрүн илгэ** / **үрүн тунах** *молоко, молочные продукты* (*илгэ белая божественная жидкость, белое божье молоко* (Пекарский, 1959. Стб. 918); *тунах пир, пиршество, кропление земли кумысом* (Пекарский, 1959. Стб. 2815)). Парное сочетание антонимических компонентов **үрүн-хара** передает значение множественности (табунов лошадей, лесных зверей): **Үрүэм түгэхтэритгэн** / **үрүн-хара сүүрүкпүттэн** / **үүрэн ағалайамый?!!** (ДНБ, 2003. С. 98). *Не пригнать ли мне из дальних моих ручьев часть моих белых и черных скакунов?!!* Охотники обращаются к хозяину леса Байаная со следующими словами: **Үксэ-дьүүлэ биллибэт** / **үрүн-хара түүлээххитгэн...** *күөйэ көтөн кулу* (ДНБ, 2003. С. 97). *От бесконечного множества белой и черной пушины... попридержи для меня...*

Сакральное свойство цветообозначения связано с поклонением солнцу, следы которого сохранились в современном языке; белое солнце **үрүн күн** является символом жизни. Слово-сочетание часто встречается в составе фразеологизмов: **үрүн күнэ өлбөөдүдэ** (ДНБ, 2003. С. 33) *пришла пора умирать*, досл. *померкло его белое солнце*, **үрүн күнү көрдөрбөккө** (ДНБ, 2003. С. 87) *держатъ кого-л. взаперти*, досл. *не показывая белого солнца*. Признак ‘жизнь’ актуализируется при сочетании с именем существительным **тыын** *дыхание*, **үрүн тыын**, досл. *белое дыхание*: **Үрүн тыыммын иһиллээри...** (ДНБ, 2003. С. 110). *Чтобы убить меня...* досл. *чтобы прислушиваться к моему белому дыханию...* Лексема **үрүн чыычаах** *белая птичка* (*чыычаах птичка*) является компонентом устойчивого словосочетания – пожелания благополучия: **Үрүт өттүгүнэн үрүн чыычаах көппөтүн...** (ДНБ, 2003. С. 105). *Пусть над тобой не пролетает белая птичка...* Белый цвет является обязательным атрибутом верховного божества древних якутов – Белого святого старца: **Үрүн Аар** (Айыы) *тойон оҕонньор* (ДНБ, 2003. С. 79). Этимологически слова **аар** и **айыы** восходят к древнетюркскому языку: **аг̄ӣх** 1) *чистый, незагрязненный; чисто*; 2) перен. *нравственно безупречный, благородный, порядочный, непорочный*; 3) рел. *чистый, истинный, неложный, праведный, священный*

ный, святой; 4) рел. *чистый, дозволенный (о пище)* (ДТС, 1969. С. 52), **аҕах** *благоговение, почитание, почести* (ДТС, 1969. С. 26).

Лексема ‘манган / маҕан’. В олонхо используются оба варианта слова, но по частотности в тексте доминирует **маҕан**. Основное значение лексем **маҕан / манган** ‘белый, светлый’ реализуется в описании масти коня и цвета кожи человека. Каждый герой олонхо ассоциируется в культурном сознании с конем определенной масти, светлая масть лошади является характеристикой положительного персонажа: **Үрүмэччи маҕан** аттаах Үрүн Уолан обургу (ДНБ, 2003. С. 221). *Владеющий мотыльково-белым конем Юрюнг Уолан удалой*. Благородные божества Айыы белокожие и седовласые: [Аан Алахчын, **Манган** Манхалыын] Байбара маҕан санныгар / бэдэр бэрдэ сабынньаҕын / ... кэттэ кэппитинэн кэлбит (ДНБ, 2003. С. 23–24). [Госпожа Аан Алахчын, **Манган** Манхалыын] *она пришла, накинув на пышные белые плечи шубу из отборного меха рыси*.

Сочетания с другими лексемами передают различные оттенки белого цвета, например, **араҕас манган** *желто-белый*, **үүт маҕан** *молочно-белый*, **сандал маҕан** *лучезарно-белый* (Пекарский, 1959. Стб. 2076), **толомон маҕан** *лучший, превосходный белый* (Пекарский, 1959. Стб. 2715), **туналы маҕан** *белый-белый* (БТСЯЯ, 2014. Т. 11. С. 114), **ярко-белый**, **кылбаран маҕан** *ослепительно белый* (БТСЯЯ, 2008. Т. 5. С. 228), **хаар маҕан** *белоснежный*. Лексема **маҕан** снабжается дополнительными эпитетами, которые служат показателями интенсивности, яркости солнечного света: Сайынны **сандаа маҕан күнүм**... кыһынны **кылбаа маҕан күнүм** (ДНБ, 2003. С. 37). *Летнее сияющее белое солнце мое... зимнее чисто белое солнце мое*. Белизна снега ассоциируется с сединой: **кырымахтаах кылбаран маҕан хаарга**... (ДНБ, 2003. С. 20). *На белом снегу с ослепительно-белой проседью*.

Небо как один из ключевых эпических объектов играет роль фона происходящих событий: **араҕас манган халлаан** *желто-белое небо*, **үүт манган халлаан** *молочно-белое небо*, **сандал маҕан халлаан** *лучезарно-белое небо*. Небо выступает в качестве главного пространственного ориентира: ...**маҕан халлаан** / дьураатыгар тура төрүөбүт / дьулусхан субуйа сүүрүк / дьураа хара аттаах / Дьулуруйар Ньургун Боотур (ДНБ, 2003. С. 56). *Стремительный Ньургун Боотур, / стоя рожденный, / на грани белых небес, / владеющий скачущим вперед без усталости вороным конем*.

Эпитеты **толомон**, **туналы** в сочетании с именами существительными, обозначающими ландшафт, способствуют актуализации признака ‘широкий, просторный’: Кыладыкы эбэ хотунна... / Дьоллоох **туналы маҕан ньуурун** / тобуктары ортотугар диэри / тоҕо кэһэллэр эбит (ДНБ, 2003. С. 68). *Говорят, они топчут до середины колена счастливое ярко-белое лоно долины Кыладыкы*. Благородные богатыри следуют по белому пути, т. е. открытому и благословенному: Тоҕус тоҕойдоох / **толомон маҕан суолу** тобуланнар (ДНБ, 2003. С. 88). *Проторив превосходную белую дорогу с девятью буграми*. Ассоциация белого цвета с везением в дороге обнаруживается как в тюркских, так и в монгольских языках, например, в татарском языке *ак юл телэу* ‘пожелать белого пути’ [Закиров, 2003], в калмыцком языке *цаһан хаалһ* ‘счастливый путь’ досл. ‘белый путь’ [Джушхинова, 2013].

Заключение

Исследования показывают близость символики белого и черного цветов в европейской и тюркской культурах, однако тюркская символика не имеет расовой / расистской нагрузки. В якутском языке обозначения белого цвета **үрүн** и **манган / маҕан** этимологически восходят к разным языкам, **үрүн** – к древним восточно-тюркским языкам памятников уйгурской, орхонской и енисейской письменности, а имя **манган** заимствовано из монгольского языка. По сравнению с **үрүн** цветообозначение **манган** является инновацией, имеет параллели в хакасском, тувинском языках, а также обнаруживает связи с тунгусо-маньчжурскими язы-

ками. В системе цветообозначений лексема **манган** может представлять собой один из общих элементов сибирских тюркских языков, возникших под влиянием монгольского языка.

В якутском языке имя прилагательное **үрүн** сохраняет свою древнюю форму – как внешнюю, так и внутреннюю, также может принимать на себя функции имени существительного. Лексическое значение лексемы совпадает со значением общетюркского имени **ак**. В культуре белый цвет является неизменным атрибутом солнца; в тексте слово **үрүн** выполняет функцию постоянного эпитета слова **күн** *солнце (үрүн күн)* и является компонентом имен божеств Айыы, что свидетельствует о его сакральной природе. Имя **үрүн** обладает большим слово- и фразообразовательным потенциалом, образует сложные слова, парные слова и фразеологизмы. Парное словосочетание **үрүн-хара** *белый и черный* передает значение множественности по отношению к животным. В составе фразеологизмов в сочетании с компонентами **күн** и **тыын** актуализирует значение ‘жизнь’. Лексема в целом имеет фиксированную дистрибуцию и сохраняет устойчивость семантической структуры.

В речи имя прилагательное **манган** / **мабан** используется в двух произносительных вариантах. Как показывают словарные данные, слово изначально было связано с культурой коневодства, что позволяет предположить его заимствование из монгольского языка. Из монгольского языка в якутский вошло не только имя прилагательное, но и глагол. При этом обнаруживается совпадение планов выражения и содержания слов. В семантике имени прилагательного произошло незначительное преобразование; в отличие от монгольского в якутском языке актуализируется значение ‘белый’, а значение ‘со звездочкой на лбу’ отходит на второй план. Под влиянием слова **үрүн** расширилась область употребления имени **манган**, в некоторых случаях оно выступает как абсолютный синоним, например, в качестве эпитета к слову **күн**. В якутском языке как и в монгольском, сохраняется функция эпитета к слову **халлаан** (*манган халлаан*), в то время как исключено сочетание данного слова с **үрүн**. В сочетании с другими именами прилагательными и существительными **манган** образует сложные колоративы, передающие различные оттенки белого цвета, а также его насыщенность и яркость. В развитии семантики имени прилагательного и глагола якутского языка очевидно влияние значения монгольского глагола. Со словами, обозначающими особенности ландшафта, лексема реализует признак ‘широкий, просторный (о полях, лугах)’, ‘открытый, благословенный (о дороге и небе)’.

Два цветообозначения разного происхождения **үрүн** и **манган** являются свидетельством истории развития якутского языка и языковых контактов. Развиваясь каждое своим путем и в то же время взаимодействуя, имена составляют ряд идеографических синонимов, дополняющих друг друга.

Список литературы

- Габышева Л. Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира: на материале языка и культуры якутов. Москва: Изд-во РГГУ, 2003. 192 с.
- Джушхинова К. А. «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
- Закиров Р. Р. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения в английском, русском и татарском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 24 с.
- Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник – 1975. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48.
- Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков / Отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1984. 225 с.

- Николаева Т. Н.** Пища «белая» и «черная» в якутской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. С. 151–152.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- С-ИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Фефелов А. Ф.** Типы реализации переносной семантики цветообозначений black / white в мейнстримных СМИ США // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 52–67.
- Шерцль В. И.** Названия цветов и символическое значение их. Воронеж: Тип. В. И. Исаева, 1884. 70 с. URL: <https://dlib.rsl.ru>
- Широбокова Н. И.** Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Berlin, V., Kay, P.** Basic Colour Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969, 200 p.
- Cochrane, S.** The Munsell Color System: A scientific compromise from the world of art. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2014, vol. 47, p. 26–41.
- Davies, I., Corbett, G.** The basic colour terms of Russian. *Linguistics*, 1994, vol. 32, no. 1, p. 65–89.
- Jacobson, E. G.** Basic Color: An Interpretation of the Ostwald Color System. Chicago, P. Theobald, 1948, 207 p.
- Longshore, D.** Color Connotations and Racial Attitudes. *Journal of Black Studies*, 1979, vol. 10, no. 2, p. 183–197.
- Özgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: Test of Berlin and Kay's theory of colour universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, no. 36, p. 919–956.
- Rosch, E., Olivier, D. C.** The structure of the colour space in naming and memory for two languages. *Cognitive Psychology Journal*, 1972, vol. 3, p. 337–354.
- Rosch-Heider, E.** Universals in colour naming and memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1972, vol. 93, p. 10–20.
- Serakioti, D.** An empirical approach to the basic colour terms in modern Greek // Научный результат: сетевой научно-практический журнал. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 3. С. 18–26.
- Uusküla, M.** Distribution of colour terms in Ostwald's colour space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*, 2006, vol. 10, no. 2, p. 152–168.
- Vlajković, I., Stamenković, D.** Metaphorical extensions of the colour terms *BLACK* and *WHITE* in English and Serbian. In: Zbronic radova [Elektronsk iizvor] Šesti međunarodni interdisciplinarni simpozijum «Suskret kultura». Novi Sad, Filozofski fakultet, 2013, s. 547–558.
- Wierzbicka, Anna.** The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.
- Zollinger, H.** Categorical color perception: Influence of cultural factors on the differentiation of primary and derived basic color terms in color naming by Japanese children. *Vision Research*, 1988, no. 28, p. 1379–1382.

Список источников

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Академия, 2001. Т. 2. 536 с.; Т. 4. 532 с.

- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. / Под ред. П. С. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 5. 616 с.; 2009. Т. 6. 519 с.; 2014. Т. 11. 528 с.
- ДНБ – Дьулуруйар Ньургун Боотур: Олонхо / АН РС (Я) Институт гуманитарных исследований. Якутск, 2003. 544 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М., Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 715 с.
- Захаров И.** Полный маньчжурско-русский словарь. СПб: Тип. Имп. Академии наук, 1875. 1129 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: В 3 т. Л.: АН СССР, 1959. Вып. 1–13.
- ССТ-МЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю / Под ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. 470 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь. URL: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-7503.htm>
- ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас орыс сөстүк / Под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

- Berlin, B., Kay, P.** Basic Colour Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, University of California Press, 1969, 200 p.
- Cochrane, S.** The Munsell Color System: A scientific compromise from the world of art. *Studies in History and Philosophy of Science*, 2014, vol. 47, p. 26–41.
- Comparative historical Grammar of Turkic languages. Lexicology. E. R. Tenishev (ed.). Moscow, Nauka, 2002, 767 p. (in Russ.)
- Davies, I., Corbett, G.** The basic colour terms of Russian. *Linguistics*, 1994, vol. 32, no. 1, p. 65–89.
- Fefelov, A. F.** Semantic Patterns of Interpreting the Symbolic Meanings of Color Terms black / white in some US Mainstream Media. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 52–67. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L.** A Word in the Context of Mythopoetic Image of the World (a case study of the Language and Culture of the Yakuts). Moscow, Russian State University for Humanities Press, 2003, 192 p. (in Russ.)
- Guchinova, K. A.** “The White Road” as a case-sign of the Kalmyk Linguistic Culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS*, 2013, no. 2, p. 48–52. (in Russ.)
- Jacobson, E. G.** Basic Color: An Interpretation of the Ostwald Color System. Chicago, P. Theobald, 1948, 207 p.
- Kononov, A. N.** Semantics of Colour Terms in Turkic Languages. In: *Turcologica-1975*. Moscow, Nauka, 1978, p. 159–179. (in Russ.)
- Longshore, D.** Color Connotations and Racial Attitudes. *Journal of Black Studies*, 1979, vol. 10, no. 2, p. 183–197.
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.)
- Musaev, K. M.** Lexicology of Turkic languages. Ed. by A. A. Yuldashev. Moscow, Nauka, 1984. 225 p. (in Russ.)
- Nikolaeva, T. N.** “White” and “black” Food in the Yakut Linguoculture. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 7, p. 151–152. (in Russ.)
- Özgen, E., Davies, I. R.** Turkish color terms: Test of Berlin and Kay’s theory of colour universals and linguistic relativity. *Linguistics*, 1998, no. 36, p. 919–956.

- Rassadin, V. I.** Mongolian-Buryat borrowings in Siberian Turkic languages. Moscow, Nauka, 1980, 115 p. (in Russ.)
- Rosch, E., Olivier, D. C.** The structure of the colour space in naming and memory for two languages. *Cognitive Psychology Journal*, 1972, vol. 3, p. 337–354.
- Rosch-Heider, E.** Universals in colour naming and memory. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1972, vol. 93, p. 10–20.
- Serakioti, D.** An empirical approach to the basic colour terms in modern Greek. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 2015, vol. 3, p. 18–26.
- Šercl, V. I.** Names of colors and their symbolic meaning. Voronezh, V. I. Isaev Printing House, 1884, 70 p. (in Russ.)
- Shirobokova, N. I.** Yakut language attitude to Turkic languages of Southern Siberia. Novosibirsk, Nauka, 2005, 268 p. (in Russ.)
- Uusküla, M.** Distribution of colour terms in Ostwald's colour space in Estonian, Finnish, Hungarian, Russian and English. *Trames*, 2006, vol. 10, no. 2, p. 152–168.
- Vlajković, I., Stamenković, D.** Metaphorical extensions of the colour terms *BLACK* and *WHITE* in English and Serbian. In: Zbronic radova [Elektronski izvor] Šesti međunarodni interdisciplinarni simpozijum «Susret kultura». Novi Sad: Filozofski fakultet, 2013, s. 547–558.
- Wierzbicka, Anna.** The meaning of color terms: semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.
- Zakirov R. R.** Frazeologicheskie edinitiy s komponentom tsvetooboznacheniya v angliiskom, ruskom i tatarskom yazykakh. Cand. Philol. Sci. Diss. Kazan, 2003, 24 p. (in Russ.)
- Zollinger, H.** Categorical color perception: Influence of cultural factors on the differentiation of primary and derived basic color terms in color naming by Japanese children. *Vision Research*, 1988, no. 28, p. 1379–1382.

List of Sources

- Ancient Turkic Dictionary. Eds. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. V. Scherbak. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)
- Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials for Etymological Dictionary / Ed. by V. I. Tsintsius. Leningrad, Nauka, 1975, 470 p. (in Russ.)
- Khakass-Russian dictionary. Ed. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)
- Niurgun Bootur the Swift: Olonkho / Academy of Science Republic of Sakha (Yakutia), Institute of Humanitarian Studies. Yakutsk, 2003, 544 p. (in Yak.)
- Pekarsky, E. K.** The Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1959, iss. 1–13. (in Russ.)
- The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Eds. A. Luvsandendev, Ts. Tsendendamba, G. Pyurbeev. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. 2, 536 p.; vol. 4, 532 p. (in Russ.)
- The Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Ed. by P. Slepsov. Novosibirsk, Nauka, 2008, vol. 5, 616 p.; 2009, vol. 6, 519 p.; 2014, vol. 11, 528 p. (in Russ.)
- Tuvan-Russian Dictionary. URL: <http://www.classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian-term-7503.htm> (in Russ.)
- Zakharov I.** A Complete Manchu-Russian Dictionary. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1875, 1129 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
06.11.2019

Сведения об авторе / Information about Author

Афанасьева Евдокия Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского 1, Якутск, 1677007, Республика Саха (Якутия), Россия)

Evdokiia N. Afanaseva, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Science, Siberian Branch (1 Petrovsky Str., Yakutsk, 1677007, Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation)

lukow@mail.ru

ORCID 0000-0002-4373-9441

УДК 811.134.2

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-57-70

Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте

М. М. Раевская¹, И. В. Селиванова²

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

² *НИУ «Высшая школа экономики»
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена исследованию произнесенных в период с 1975 по 2018 г. рождественских обращений испанских монархов Хуана Карлоса I и Филиппа VI как ритуального жанра институционального дискурса. Рождественская речь рассматривается в контексте политической риторики как ориентированный на массового адресата акт представительской коммуникации, нацеленный на публичное воздействие. В статье описываются конститутивные характеристики и коммуникативные детерминативы рождественских речей двух испанских монархов с точки зрения жанрового пространства данного вида дискурса в современном политическом контексте Испании (1975–2018 гг.). Особое внимание уделяется исследованию используемых в данном ритуальном жанре институционального дискурса стратегий эффективного воздействия на аудиторию, обеспечивающих акт торжественного красноречия, помещенного в переживаемый страной проблемный политический, социальный и экономический контекст конца XX – начала XXI в., а также центральным образам прошлого, будущего, адресанта, адресата (общества) и страны, конституирующим концептуальное пространство рождественского послания. Научная новизна исследования заключается в сравнительном анализе коммуникативного и образного потенциала рождественских речей испанских монархов, который позволяет проследить некоторые тенденции в его реализации на протяжении рассматриваемых периодов (1975–2013 и 2014–2018 гг.), а также определить инвариантные и вариативные признаки данного жанра институционального дискурса. Выявлено, что для рождественских посланий Хуана Карлоса I и Филиппа VI характерен как общий набор атрибутов (ключевые образы, транслируемые ценности, стратегии речевого воздействия), обеспечивающих ритуальный акт институциональной коммуникации, так и ряд особенностей (невербальные проявления, степень эмоциональности, смещение тематического фокуса, специфика самопозиционирования, лексические изменения), соответствующих современному историческому контексту бытования испанского общества.

Ключевые слова

рождественская речь, новогоднее обращение, испанский монарх, ритуальный жанр, институциональный дискурс, политический дискурс

Для цитирования

Раевская М. М., Селиванова И. В. Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 57–70. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-57-70

© М. М. Раевская, И. В. Селиванова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

The Spanish King's Christmas Messages as a Ritual Genre of Institutional Discourse: A Comparative Study

Marina M. Raevskaya¹, Irina V. Selivanova²

¹ *Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics"
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the Christmas messages of two Spanish monarchs, Juan Carlos I and Philip VI, issued from 1975 to 2018. These texts are considered to be a ritual genre of institutional discourse and are analyzed in the context of political rhetoric. Since the restoration of the monarchy in Spain in 1975, the Spanish King's Christmas messages are thought to be the main instrument of communication of the Head of State with his citizens. Although they do not have any legal status and belong to the realm of customs and traditions, these speeches receive wide media coverage because they are one of the few occasions when the monarch addresses the Spanish people on television. This paper highlights the idea that the messages are ideologically driven and politically motivated since their major purpose is to strengthen the image of the monarchy and to convince people of the necessity and advantages of peaceful coexistence, respect for the law, and national pride. The article also focuses on the images of the past, the future, the speaker, the addressee (Spanish society), and the country. The scientific value of this paper is in providing a comparative analysis of the communicative potential of the Christmas speeches issued by Juan Carlos I and Felipe VI. It was revealed that the two monarchs appealed to the same values and feelings of their people. Juan Carlos I and Felipe VI underlined the importance of peaceful coexistence in Spain, a highly democratic country where the monarch is the symbol of its unity and permanence. As for linguistic aspects, the speeches comply with the rules of classical oratory and are characterized by a set of common features: for instance, both monarchs employ the same rhetorical devices and communicative strategies in order to impact the audience and make the message more direct and influential. Nevertheless, Felipe VI makes his messages more personal, emotional and appealing, in comparison with the messages of his predecessor. The authors described invariant and variative features of the Christmas speeches issued by two Spanish monarchs taking into account some differences which can be explained by the social, economic and political context of modern Spain.

Keywords

Christmas message, New Year's Message, Spanish monarch, ritual genre, institutional discourse, political discourse

For citation

Raevskaya, Marina M., Selivanova, Irina V. The Spanish King's Christmas Messages as a Ritual Genre of Institutional Discourse: A Comparative Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 57–70. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-57-70

Введение

В последние три десятилетия понятие политического дискурса как одной из самых востребованных в общественно-политической жизни страны практик институционального типа находится в центре пристального внимания политологов и лингвистов, однако именно в лингвистике *политический дискурс* стал рассматриваться в качестве самостоятельной научной категории в рамках направления *политическая лингвистика*, основы которого были заложены в трудах А. П. Чудинова, Э. В. Будаева, Е. И. Шейгал, О. И. Воробьевой и др. (см.: [Воробьева, 2008; Будаев, Чудинов, 2011; Чудинов, 2012; Шейгал, 2004]). В настоящее время развитие теории политического дискурса применительно к отдельной личности политика следует таким направлениям, как лингвоперсонология, лингвосемиотика, коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, когнитивистика, корпусная лингвистика, медиалингвистика, развивающимся в рамках антропоцентрической парадигмы науки о языке. Особый научный и практический интерес представляет изучение институционального дискурса в риторическом аспекте, которое позволяет определить основные стратегии и выявить приемы эффективного воздействия на аудиторию (в данном случае – самую широкую).

Предметом настоящего исследования стали рождественские речи Хуана Карлоса I и Филиппа VI, произнесенные ими в период с 1975 по 2013 и с 2014 по 2018 г. соответственно

и рассматриваемые как одна из форм ритуального жанра институционального дискурса в контексте политической риторики. В статье рождественские речи двух испанских монархов анализируются в соответствии с вышеуказанной хронологией. Цель работы заключается в сравнительном исследовании коммуникативного и образного потенциала рождественских речей испанских монархов, которое позволяет проследить некоторые тенденции развития и определить инвариантные и вариативные признаки данного жанра институционального дискурса на протяжении рассматриваемых периодов 1975–2013 и 2014–2018 гг.

За исходное положение в статье принято рассмотрение языковой личности монарха как элитарной, имеющей высокий социальный и культурный статус, обладающей высоким уровнем языковой компетенции и владеющей приемами успешной реализации речевого общения. Под стратегией в тексте статьи понимается направленность речевого поведения в конкретной ситуации для достижения определенной цели коммуникации. Рождественская речь рассматривается как ориентированный на массового адресата монологический жанр политического дискурса, акт представительской коммуникации, нацеленный на публичное воздействие.

Во многих странах обращение главы государства накануне Рождества или Нового года представляет собой традиционный акт политической коммуникации, во время которого первое лицо обращается с поздравлением к своему народу, подводит итоги уходящего года, определяет основные векторы дальнейшего развития страны и делает прогнозы на будущее [Абрамова, Агаркова, 2019; Гаврилова, 2017; Кондратенко, 2007; Ласица, 2017; Ослопова, 2009; Сладкевич, 2016; Фадеева, 2016; Casado Velarde, 2010; Medina López, 2016; Ventero Velasco, 2010]. Однако, несмотря на ритуальный формат и событийный праздничный контекст, рождественская речь является своего рода общеполитическим посланием обществу, и произносящий его глава государства в силу своего институционального статуса полностью осознает ответственность за его содержание и выступает не только заказчиком, но и соавтором текста.

1. Жанровые характеристики рождественских обращений испанских монархов

Рассматриваемый в аспекте социолингвистики данный вид дискурса представляет собой общение в рамках заданных статусно-ролевых отношений и относится прежде всего к институциональному типу [Лукьянова, 2016], имеющему ограничение в виде социальной роли коммуниканта – в данном случае монарха, выполняющего возложенную на него функцию обращения к нации. С этой точки зрения данные выступления принято относить к ритуальному (эпидейктическому) жанру институционального дискурса, направленному на сохранение существующего политического устройства и государственного порядка и понимаемому как особая связанная со значимыми событиями в жизни человека и общества коммуникативная практика, имеющая формальную фиксацию, символическую нагруженность и характеризующаяся цикличностью, а также тематической, прагматической и лингвостилистической спецификой. Кроме того, рождественская речь (новогоднее обращение) главы государства является диффузным образованием, сочетающим в себе признаки двух жанровых форм – обращения (как акта побудительного воздействия) и поздравления (этикетный речевой жанр), а также демонстрирующим приемы консолидирующего красноречия [Ослопова, 2009].

Занимаемая монархом позиция главы государства накладывает отпечаток на тематику рождественской речи: ее содержание всегда касается внутривнутриполитических и международных проблем. С учетом традиционно затрагиваемой в предновогоднем обращении политической тематики данный вид дискурса внутри институционального следует расценивать как прототипический образец ритуальной политической коммуникации, несмотря на то что монарх является надполитической фигурой, не участвующей в политической борьбе в силу особенностей своего правового положения (закрепленной Конституцией абсолютности или ограниченности власти, передающейся по праву наследования).

Рождественская речь – типичный пример направленного на воспитание определенных качеств торжественного красноречия, помещенного в проблемный политический и экономический контекст, переживаемый страной. При этом монарх выступает значимой общественной фигурой, обладающей правом не только толковать факты и события действительности (в данном случае в целях сохранения единства нации и стабильности государства), но и обсуждать нравственные проблемы, основываясь на общечеловеческих ценностях как духовных скрепах социума.

Интересно, что некоторые испанские исследователи [Llorca, 1985; García-Ramos, 2016; Medina López, 2016] предлагают разграничивать жанры речи (*discurso*) и послания (*mensaje*) по отношению к данному виду публичного выступления испанских монархов, ссылаясь на радикальное изменение его содержания во время правления Хуана Карлоса с целью отмежеваться от политической ответственности: по их мнению, в данном случае предпочтительнее употреблять термин «сообщение» (*mensaje*).

При исследовании конкретных форм ритуального жанра институционального дискурса как коммуникативного события (согласно функциональной модели коммуникации Р. О. Якобсона) – в данном случае рождественской речи главы государства – необходимо учитывать, помимо вербальных конститuent, определяющие ее коммуникативные (ситуации порождения и восприятия текста, участников и контекст коммуникативного события, коммуникативную цель) и прагматические (прагматическую установку) факторы [Гаврилова, 2017; Хазагерев, 2002]. С точки зрения структуры рождественская речь содержит обращение к адресату, конгратуляторную часть (поздравление), констатирующую часть и оптатив (пожелания).

Отсутствие прямого контакта со зрителями, а следовательно, и их непосредственной ответной реакции дает выступающему возможность, несмотря на строгие временные рамки, последовательно выполнять преследуемые им цели: донесение строго нормированной информации, убеждение в правильности своей позиции по актуальным для страны и общества вопросам, создание положительного образа будущего (агитация или обращение к нации с призывом), формирование эмоционального настроя у зрительской аудитории (поздравление) и опосредованное построение своего имиджа. В качестве ответа на обращение и поздравление первого лица государства рассматривается вызванный у адресата перлокутивный эффект в виде эмоционального состояния, когда аудитория в большей степени настроена на ритуальный характер послания. Однако следует отметить явную тенденцию к конкретной контекстуальной перцепции фигуры испанского монарха, когда любое заявление, тем более сделанное на широкую аудиторию, воспринимается исключительно в свете актуальных событий, и прежде всего связанных с образом всей королевской семьи. В данном случае молниеносная реакция общества на имидж института монархии явно превалирует над впечатлением от высокого пафоса послания.

Главное событие, к которому приурочено выступление (*Mensaje de Navidad de Su Majestad el Rey*), является профессиональным праздником, отмечаемым всеми христианами мира (при этом его отнесенность к дате католического Рождества закреплена национальной исторической традицией в Испании), а наступающий Новый год – важным предлогом для обращения к нации (независимо от вероисповедания подданных) для подведения итогов уходящего года и определения планов на будущее.

С точки зрения ситуативного контекста рождественская речь характеризуется фиксированностью локации (рабочий кабинет в Королевской резиденции, в которой находится глава государства, – дворец Сарсуэла (*Palacio de Zarzuela*), за исключением 2015 г., когда трансляция велась из Королевского дворца – *Palacio Real*), и не прямой формой реализации (телевизионная трансляция при отсутствии непосредственного контакта с аудиторией). Ритуальная атрибутика рождественского телеобращения испанского монарха четко обозначена и призвана подчеркнуть базовые ценности общества: флаг Испании и Европейского Союза, гимн, рождественская ель, семейные фотографии, рождественский вертеп.

Участниками данного события выступают король Испании (в данном случае Хуан Карлос I и Филипп VI в качестве адресантов) и самая широкая зрительская аудитория (в основном жители Испании). Адресатом рождественского обращения является страна и каждый индивид в отдельности, не имеющий эксплицитного выражения. В силу своего социального статуса категория адресанта в рассматриваемом жанре (рождественское обращение) является ключевой, поскольку во многом определяет форму и содержание текста.

Рождественские речи двух испанских монархов выстроены по классическому типу и содержат обозначение повода (наступление Рождества), итоги уходящего года, планы на будущий год, упоминание общеполитической ситуации в мире и стране, демонстрацию идеологической и патриотической позиции, отсылку к морально-этическим ценностям, поздравление с праздником и пожелания адресату. Оба монарха подчеркивают в начале своего выступления важность момента, который дает возможность сблизиться (*un momento de cercanía y de reencuentro*). Примечательно, что в текстах рождественских посланий не используются традиционные речевые формы обращения к адресату (обобщенное наименование); исключением являются лишь речи Хуана Карлоса 1978 г. (*españoles*) и 2000 г. (*queridos compatriotas*), в остальных случаях монархи либо приветствуют телезрителей (*Buenas noches*), либо сразу начинают свою речь с поздравления.

Исследование содержания рождественских выступлений Хуана Карлоса I и Филиппа VI позволяет выделить три тематические оси данного вида текста: а) ситуация в стране (*temas nacionales*); б) события в мире (*temas internacionales*); в) образ испанской Королевской семьи (*temas relacionados con la Casa del Rey*). Постоянно упоминаемыми в рождественских речах обоих монархов темами являются единство нации и Родины (94 %), монархия (89 %), терроризм (80 %), экономика (77 %), Испания (77 %) [Ventero Velasco, 2010]. В зависимости от важности / напряженности момента к ним добавляется тематика проблем молодежи, гендерного неравенства, безработицы, иммиграции и эмиграции, ответственности власти, экологии, воспитания и образования, наркотиков, коррупции, здравоохранения, кризиса ценностей, проявления национализма, беженцев и др. [García-Ramos, 2016].

При этом если в период 1975–1979 гг. Хуан Карлос уделял основное внимание консолидации демократического общества, то послания 1980-х и 1990-х гг. были в основном посвящены темам единства нации, юридических прав и свобод граждан, упрочения испанской монархии как гаранта стабильности. Начиная с 2000 г. в рождественских выступлениях преобладает социальная проблематика [Medina López, 2016], а с 2008 г. отмечается повышенное внимание к основным (не только социальным) проблемам испанского общества – правам наиболее незащищенных слоев населения и проблемам молодежи [García-Ramos, 2016]. Тем не менее рождественское послание Филиппа в 2015 г. стало предметом острой критики в национальной прессе (*El País*, 2015) за его неопределенность и туманность.

Кроме того, помимо тематической ориентированности на меняющийся политический, экономический и социальный контекст, Хуан Карлос I и его наследник демонстрируют отличия и в плане эмоциональной подачи материала. Разный подход монархов к использованию средств невербальной коммуникации является главным отличием речей при их сравнительном анализе. Хуан Карлос I более скован в выражении своих эмоций (даже в особо сложные для страны моменты, среди которых, например, попытка государственного переворота в 1981 г.). Эмоциональная подача материала является характерной чертой выступлений Филиппа VI, который более активно, чем его предшественник, использует средства невербальной коммуникации (сопровождающий ударение на конкретном слове жест «удар в воздухе сжатой в кулак рукой», демонстрирующий решительность; нахмуривание бровей как свидетельство недовольства существующим положением вещей и неприятия ситуации; открытая поза и отсутствие визуальных барьеров между оратором и зрителями (стол, за которым сидит Хуан Карлос, создает впечатление преграды) транслируют видимый психологический комфорт и доброжелательность между адресатом и адресантом) с целью подчеркнуть важность рассматриваемых проблем и свою вовлеченность в происходящие общественно-

политической жизни страны. Активная жестикуляция и мимика служат визуальной поддержкой высказываемых идей и тесно связаны с содержанием речи.

Оратор в своем выступлении может опираться либо на эмпирические данные, либо на логику, либо на психологию [Хазагеров, 2002]. Рассуждения главы государства накануне Рождества выстроены в соответствии с риторическими традициями и прежде всего опираются на систему доводов к очевидным фактам, имевшим место в действительности, к коллективной морали, к эмоциональной и коллективной памяти нации. В рассматриваемых текстах фактуальная информация сведена к минимуму, поэтому практически отсутствуют естественные и логические доказательства. Оба монарха в первую очередь апеллируют к эмоциональной и коллективной памяти нации (к пафосу и этосу). Мирное сосуществование и благосостояние, спокойствие и мир, борьба и усилия во имя всеобщего блага, единство и жертвенность, демократия и прогресс (*convivencia, bienestar, sosiego, paz, lucha, grandes esfuerzos, unión, sacrificio, paz, democracia, progreso*) являются ключевыми словами в рождественских посланиях обоих монархов вне зависимости от исторического контекста.

В рождественских речах подача информации всегда сопряжена с апелляцией к личным и национальным чувствам, сформированным на основе эмоциональной памяти социума, не раз оказывавшегося на протяжении истории в самых противоречивых и не только приятных ситуациях. Эмоциональная память испанской нации основана на двух чувствах – боли (*dolor, dolorosas experiencias, doloroso drama, sufrimiento*) и гордости (*orgullo*), среди которых доминирует последнее. Так, лексема *orgullo* и ее дериваты (*orgullosa, orgullecerse*) могут встречаться в одном послании несколько раз (при этом Филипп в отличие от своего предшественника употребляет их в каждой речи без исключения); лексемы «печаль» и «боль» употребляются только в особо критичные для страны моменты (например, после террористических актов или природных катастроф). В своих посланиях Хуан Карлос и Филипп также часто упоминают такие превалирующие в современном испанском обществе эмоции, как обеспокоенность, пессимизм, неопределенность, неудовлетворенность (*preocupación social, desasosiego, pesimismo, incertidumbre, malestar social*):

El desempleo es, con toda seguridad, la causa de mayor **desasosiego**... – Можно с уверенностью сказать, что безработица является главной причиной **беспокойства**... (1996)

La dureza y duración de la crisis económica produce en muchas familias **incertidumbre** por su futuro... – Серьезный и длительный экономический кризис стал причиной **неуверенности** в будущем для многих семей... (2014)

В первой рождественской речи Филиппа (2014) обращает на себя внимание более высокий градус эмоционального накала, отражающий настроение испанского общества: в его тексте появляются такие лексемы, как «раздражение», «недовольство», «упадок духа» (*inquietud, indignación, desencanto, desánimo*), что свидетельствует о серьезном духовном кризисе, обусловленном текущей политической и социально-экономической ситуацией. Следует отметить, что высокая степень эмоционального напряжения сохраняется до сих пор: в 2017 г. три раза повторяется лексема *preocupación* («озабоченность»), а в 2018 г. – лексемы *desencanto* («недовольство») и *pesimismo* («пессимизм»).

Принимая во внимание, что обращение к массовой аудитории может достичь эффекта только с помощью эмоционального, а не логического посыла, в особо важные для страны моменты оба монарха апеллируют к личным чувствам граждан. Так, после попытки государственного переворота в 1981 г. Хуан Карлос в этот и последующие годы призывает общество сохранять традиционные ценности, которые составляют основу государственного строительства, подчеркивая, что Испания – это одна большая семья, главой которой он является:

[...] la **gran familia** que hemos de construir todos... (1981)

[...] en la confianza que como **padre** me une a tantos de vosotros... (1982)

[...] constituimos una **gran familia**... (1984)

Несмотря на традиционную общую нейтральность институционального дискурса, в рождественских обращениях можно проследить эмоциональный настрой оратора: *me alegra, me duele, me preocupa* (радость, боль, печаль, тревога, недовольство). Именно сквозь призму личных чувств преподносится каталонский кризис (*me duele, me preocupa, fracturas emocionales, rupturas emocionales o sentimentales*), который определил тематику и тон последующих обращений Филиппа VI. Ярким примером этого может служить отсылка к образу Каталонии в сердце каждого гражданина (*llevamos a Cataluña en el corazón*). Настойчивый посыл идеи сохранения единства нации после волнений в этой автономной области реализуется с помощью частого употребления лексем *convivencia* («мирное сосуществование», 7 раз в речи от 24 декабря 2018 г.), *un tronco común* («единый организм»), *nos necesitamos* («мы нужны друг другу»).

Идея будущего всегда связана с определением миссии и стоящих перед обществом целей, выступающих квинтэссенцией смысла существования страны в мировом масштабе и одновременно играющих важную роль в объединении ее граждан. Задачи, которые обозначают оба монарха, укладываются в традиционный формат, отражающий исторический контекст бытования испанского социума: достижение духовного единства общества, сохранение территориальной целостности (единство в многообразии), борьба с коррупцией, безработицей и терроризмом, создание достойных условий труда, развитие государства всеобщего благосостояния и укрепление демократических институтов, сотрудничество с Европейским Союзом и странами Латинской Америки.

В рождественских текстах Хуан Карлос и Филипп стараются выстроить доверительные отношения со своими подданными, поэтому предпочтительно обращаются к ним в форме второго лица множественного числа (*vosotros*, употребляемую для обращения к близким людям в отличие от формы *ustedes*, используемой в официальной обстановке или для обращения к незнакомым или малознакомым людям): *tenéis talento; creéis en la paz; sois y os sentís europeos*. Нередко употребляются глаголы в первом лице множественного числа, что подчеркивает вовлеченность монарха в общее дело (*tenemos que apreciarlo, sigamos construyendo, estamos construyendo, sintámonos unidos, miremos todos hacia delante, nos encontramos en el camino adecuado*).

Оптатив как обязательный рамочный элемент обычно реализован в речах обоих монархов в максимально нейтральной фразе (поздравление с Рождеством). Примечательно, что в своих первых рождественских посланиях Хуан Карлос использует поздравительную формулу-универсалию, апеллирующую к образу Бога как дарителя-помощника:

[...] que Dios nos conceda una **Feliz Navidad**... (1983)

[...] pido a Dios que a todos os **proteja**. – [...] прошу Бога, чтобы он всех нас защитил (1988).

Однако начиная с 2000-х гг. компонентный состав традиционного благопожелания претерпевает изменение – монархи предпочитают личное поздравление:

[...] mejores deseos para estas Fiestas de Navidad y para el Año Nuevo 2007 (2006).

[...] os deseo... una muy feliz Navidad. – я желаю вам... счастливого Рождества (2018).

Интересно, что Филипп в отличие от Хуана Карлоса в конце каждого послания поздравляет всех своих подданных на четырех официальных языках (испанском, каталанском, галисийском и баскском), тем самым желая подчеркнуть значимость и уникальность каждого региона.

В рождественских речах отсутствует апелляция к авторитетам или национальным героям, однако оба монарха в каждом послании (начиная с 1978 г.) постоянно упоминают о роли Конституции, которая является основой демократического общества в Испании и залогом процветания государства и общества в целом (*la garantía de una convivencia democrática, ordenada, en paz y libertad*).

Политическая и экономическая ситуация в мире и стране обычно характеризуется при помощи общих выражений с прилагательными оценочной семантики (*complejo, difícil, inaceptable, inadmisible, irrenunciable, indispensable, fundamental, esencial*), при этом прилагательные *inaceptable* и *inadmisible* наиболее ярко демонстрируют радикальную позицию монархов по отношению к терроризму, гендерному насилию и безработице (впервые встречаются в 2007 г.):

[...] un **inaceptable** ataque a nuestros derechos y libertades. – [...] **неприемлемым** нарушением наших прав и свобод (2007).

[...] la **inaceptable** violencia de género... – [...] **неприемлемое** гендерное насилие... (2009)

[...] una cifra de parados **inaceptable**... – [...] **неприемлемое** число безработных... (2011)

Los índices de desempleo son todavía **inaceptables**... – Уровень безработицы до сих пор остается **неприемлемым**... (2016)

[...] la violencia de género. Una lacra **inadmisible** que nos hiere en nuestros sentimientos más profundos y nos avergüenza e indigna. – [...] гендерное насилие. Это **неприемлемая** рана, которая задевает наши самые глубокие чувства, заставляет стыдиться и негодовать (2017).

В речах обоих монархов в роли врага выступают исключительно социально-экономические проблемы, а в роли союзника – страны ЕС и Латинской Америки, с которыми Испания разделяет единые ценности и идеалы. Примечательно, что в последнее время явно обозначена роль Испании как стратегического партнера Евросоюза:

Somos **una parte esencial** de una Unión Europea... – Мы являемся **важной частью** Европейского Союза... (2017)

Институциональный (государственный) статус монарха обязывает его к демонстрации политической и идеологической нейтральности, уважения прав и свобод всех членов общества:

Cree en esa España abierta en la que cabemos todos. – Верит в Испанию, в которой есть место для всех (2013).

Nadie en la España de hoy es adversario de nadie. – Мы друг другу – не враги (2014).

[...] en la España constitucional caben todos los sentimientos y sensibilidades, caben las distintas formas de sentirse español... – [...] в конституционной Испании есть место для всевозможных чувств и настроений, есть место для разных форм проявления и выражения патриотических чувств... (2015)

Как показывает исследование, в современном открытом информационном обществе Филипп VI гораздо более уязвим, нежели его предшественник, и поэтому должен быть не только более осторожен и объективен во внешних проявлениях, но и в высшей степени безупречен с точки зрения оценки происходящих событий. В частности, высказывание Хуана Карлоса в 2011 г. о единой для всех справедливости (*La justicia es igual para todos*) подверглось резкой критике в средствах массовой информации из-за скандала, связанного с финансовыми махинациями супруга инфанты Кристины Иньяки Урдангарина, в результате чего Филипп VI был вынужден лишить их герцогских титулов. Этот эпизод из жизни Королевского дома нашел отражение в последующих рождественских речах Филиппа VI (с 2015 по 2018 г.), в которых он не раз высказывал свое негативное отношение к коррупции и желание активно бороться с этим недугом.

Оценка итогов уходящего года в речах обоих монархов имеет сдержанный характер и реализуется чаще всего с помощью прилагательных *difícil, complejo, complicado* и существительных *problemas, dificultades, retos, desafíos*, однако наибольшее внимание уделяется перечислению достижений общества и страны в целом (*avances, logros, buena marcha del país*). Положительные итоги передаются с помощью традиционного набора характеристик, выраженных прилагательными «хороший», «открытый», «современный», «аутентичный», «энергичный», «креативный», «свободный», «справедливый», «равноправный», «сбалансированный», «толерантный», «щедрый» в сравнительной степени (*un país mejor, más creativo, más dinámico; un país más abierto, más moderno; una España más auténtica, más vital*,

más creativa; una sociedad cada vez más libre, más igualitaria y justa, más equilibrada, tolerante y generosa).

Центральными в рождественской речи Хуана Карлоса и Филиппа являются образ адресата (общества) и образ страны. Традиционно оба монарха создают положительный образ сплоченной, трудолюбивой, самоотверженной нации, отмечают мужество, терпение и стойкость простых граждан:

[...] habéis soportado tan duros sacrificios con coraje... – [...] вы пережили невзгоды с мужеством... (2013)

[...] tenemos capacidad y coraje de sobra... – [...] нам не занимать талантов и мужества... (2014)

[...] he visto... trabajo duro, honesto, sacrificado; mucha capacidad y talento... – [...] я видел... упорный, честный и самоотверженный труд; способности и таланты... (2015)

На протяжении рассматриваемых периодов в рождественских обращениях последовательно создается образ сильной и развитой в экономическом и социальном плане страны (*una nación que no sabe rendirse, una España moderna, de profundas convicciones democráticas, diversa, abierta al mundo, solidaria, potente y con empuje; gran Nación europea de larga historia y de inmenso patrimonio; una España próspera y en orden*), ставшей важным политическим игроком на международной арене и примером для подражания (*una nación respetada y apreciada en el mundo*). Испания у обоих монархов предстает как стабильное правовое процветающее государство (*Estado de Derecho, Estado de Bienestar*), в котором смена власти осуществляется в соответствии с демократическими принципами правления (*una democracia consolidada*). Следует отметить, что Филипп VI в отличие от своего предшественника не использует лексику *patria* («Родина») [Раевская, 2012], что объясняется иным социально-политическим контекстом: страна приняла за последние пять лет миграционного кризиса значительное количество новых граждан, для которых Испания не является родиной.

В рождественских посланиях обоих монархов постоянно подчеркивается идея единства в многообразии – *suma de nuestras diferencias, nuestra pluralidad, nuestra diversidad cultural y territorial, convivencia, extraordinaria riqueza de un país diverso, de culturas y sensibilidades distintas*. В приведенных примерах ключевым связующим элементом является притяжательное местоимение «наш / наше»: *наши различия, наш плюрализм, наше разнообразие / единство / богатство разнообразия*.

Государственные, гражданские, политические, социальные и общечеловеческие ценности в рождественских посланиях рассматриваемых периодов транслируются через традиционный набор таких номинаций, как «патриотизм», «независимость», «единство», «стабильность», «развитие», «модернизация», «прогресс» (государственные ценности); «демократия», «правосудие», «ответственность», «соблюдение законов», «Конституция», «единство нации» (гражданские ценности); «мир», «свобода», «равенство», «справедливость» (политические ценности); «семья», «трудолюбие», «солидарность», «помощь ближнему» (социальные ценности); «счастье», «любовь», «дружба» (общечеловеческие ценности).

Необходимо принимать во внимание еще одну функцию монарха как верховного главы нации, стоящего над партийной борьбой, – его нравственное воздействие на общество, что находит непосредственное отражение в текстах его речей и позволяет анализировать их содержание в морализаторском ракурсе. В данном случае монарх выступает как гомилет, опирающийся на понятные всем нравственные и этические ценностные доминанты (взаимопомощь, взаимопонимание, милосердие, толерантность, трудолюбие, верность, уважение и пр.) и уделяющий особое внимание институту семьи, которая выступает символом стабильности (особенно в годы экономического кризиса) и по-прежнему играет исключительную роль в современном обществе:

[...] sintámonos unidos como verdaderos hermanos, como miembros de una misma familia... – [...] давайте будем едины, как настоящие братья, как члены одной семьи... (1981)

He comprobado, una vez más, el valor que tiene en nuestra sociedad la familia... – Я еще раз убедился в том, что семья играет важную роль в нашем обществе... (2016)

Такая позиция обязывает говорящего быть искренним и непосредственно влияет на его образ: степень убеждения не только во многом зависит от одномоментной правдивости и искренности речи, но и закономерно переносится на все прошлые и будущие деяния личности.

2. Стратегии речевого воздействия в рождественской речи испанских монархов

В соответствии с коммуникативными целями рождественского обращения выстроены стратегии речевого воздействия как способы реализации замысла. Так, например, **информационно-интерпретационная стратегия** предполагает употребление в первую очередь прилагательных параметрической и оценочной семантики (часто в сравнительной степени), призванных задать эталон восприятия событий и фактов (*grande, inmenso, profundo, potente, fuerte; distinto, nuevo, moderno, avanzado, único, atractivo*):

Hemos alcanzado **grandes** metas... – Мы достигли **значительных** целей... (1990)

[...] hemos conseguido hacer realidad un país **nuevo** y **moderno**, un país entre los más **avanzados** del mundo... – [...] мы смогли построить **новую** и **современную** страну, одну из самых **развитых** в мире... (2017)

Стратегия убеждения осуществляется с помощью широкого спектра тропов, среди которых особо следует отметить метафору. Согласно проведенному исследованию, в силу своего прагматического потенциала в рождественских посланиях обоих монархов наиболее часто используются метафорические модели «Путь», «Строительство» и «Война» [Селиванова, 2019]:

España aspira a **construir** una sociedad económica y socialmente avanzada. – Испания желает построить развитое в экономическом и социальном плане общество (1999).

[...] debemos seguir **luchando** para **derrotar** al terrorismo. – [...] мы должны продолжать **бороться**, чтобы **одержать победу** над терроризмом (2008).

Si seguimos por ese **camino** [...] yo estoy convencido de que el año que viene. – y los que vendrán después – serán mucho mejores – Если мы дальше продолжим идти по этому **пути** [...], я уверен, что последующие годы будут намного лучше (2017).

Стратегия создания положительного образа будущего реализуется через традиционный призыв с надеждой смотреть вперед на светлое будущее:

[...] avanzar juntos hacia un futuro mejor... – [...] идти на встречу к лучшему будущему... (1980)

[...] labrar nuestro mejor futuro, que empieza ya, que ha empezado ya – [...] создавать лучшее будущее, свидетелями которого мы уже являемся (2014).

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата осуществляется с помощью поздравления и реализуется в оптативной части:

[...] vuestro Rey os desea lo mejor. – [...] ваш король желает вам всего самого наилучшего (1992).

[...] os deseo a todos una muy feliz Navidad. – [...] я вам всем желаю счастливого Рождества (2015).

С другой стороны, данная стратегия воплощается также с помощью апелляции к положительным эмоциям (чувству национальной гордости) и эксплицируется посредством использования лексики с положительной коннотацией *valioso* («ценный»), *triumfo de todos los españoles* («триумф всех испанцев»), *gran Nación* («великая нация»), *gran país* («великая страна»):

Pronunciemos una vez más la palabra España y que ella llene nuestro corazón porque España es **lo más valioso** de nuestro destino común. – Произнесем еще раз слово «Испания», и пусть оно будет в наших сердцах, потому что Испания – это **самое ценное**, что у нас есть (1987).

Porque la historia de la España [...] es la historia de **un gran triunfo de todos los españoles**. – Потому что история Испании [...] – это история **великого триумфа всех испанцев** (2017).

Стратегия самопозиционирования в рождественских речах обоих монархов предполагает конструирование собственного политического имиджа исключительно как юридической

личности (*la propia personalidad jurídica del monarca*) и реализуется посредством тактик *отождествления* (подчеркивание принадлежности к обществу с помощью местоимения «мы» с размытым содержанием), *солидаризации* (желание произвести впечатление общности ценностей и убеждений с помощью отсылки к общим моральным ценностям) и *установления авторитета* (демонстрация ответственности за происходящие события, наставление на будущее). Следует отметить, что оба монарха неоднократно подчеркивают свою миссию, заключающуюся в служении обществу (образ монарха как слуги народа):

[...] quiero servir con absoluta entrega... – [...] хочу служить с абсолютной отдачей... (1981)

[...] ser valedor fiel de los derechos y libertades de todos los españoles, y su primer servidor. – [...] быть блюстителем прав и свобод всех испанцев и их первым слугой (2000).

[...] como el primer servidor de los españoles... – [...] как первый слуга испанцев... (2014)

Идея ответственности власти за свои деяния впервые прослеживается в рождественской речи Филиппа VI от 2014 г. (об этом не говорил Хуан Карлос), который уделяет особое внимание этому вопросу:

[...] la gran mayoría de servidores públicos desempeñan sus tareas con honradez y con voluntad de servir a los intereses generales... – [...] большинство госслужащих работают честно и с желанием служить интересам общества...

La honestidad de los servidores públicos es un pilar básico de nuestra convivencia en una España que todos queremos sana, limpia. – Честность госслужащих составляет основу нашего сообщества в Испании, которую мы все хотим видеть чистой и здоровой.

Стратегия самопозиционирования также включает в себя тактику *интимизации*, первоначально используемую Хуаном Карлосом для демонстрации близости испанского Королевского дома к народу:

Permitidme... ofreceros esta Casa... – Позвольте открыть вам двери нашего дома... (1983)

Однако Филипп идет дальше своего отца, подчеркивая идею почти родственной близости и постоянной ответственности за соблюдение социальной справедливости и благополучие граждан:

[...] estaré siempre a vuestro lado... – [...] я всегда буду рядом с вами... (2014)

Как показывает исследование, в рождественском послании как одном из видов институционального дискурса отсутствуют стратегия борьбы за власть, которая подразумевает дискредитацию и нападение на противника, а также стратегия самозащиты, что связано с аполитичностью фигуры монарха.

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что рождественские обращения обоих испанских монархов полностью соответствуют требованиям торжественного публичного выступления как особого коммуникативного события и характеризуются традиционным набором образов (*адресата, адресанта, государства, страны, семьи*), транслируемых ценностей (*уважение, права человека, всеобщее благо, демократия*) и стратегий речевого воздействия (*информационно-интерпретационная, убеждения, создания положительного образа будущего, формирования эмоционального настроения адресата, самопозиционирования*), обеспечивающих ритуальный акт институциональной коммуникации и подчеркивающих роль монарха как хранителя и гаранта коллективной идентичности.

При этом было установлено, что рождественские выступления Хуана Карлоса I и Филиппа VI характеризуются рядом **вариативных** признаков: речи последнего отличаются большей эмоциональностью за счет использования средств невербальной коммуникации и апелляции не только к национальным, но и сугубо личным чувствам (радость, боль, печаль, забота). В посланиях Филиппа отмечен более высокий градус эмоционального накала, отра-

жающий настроение испанского общества на современном этапе (лексемы «раздражение», «недовольство», «упадок духа»). В контексте текущей политической ситуации в Испании позиционируется тематика выступления (смещение внимания в сторону исключительно социальных вопросов). Определенные изменения касаются и лексических способов отображения ключевых символов и идей (отсутствие лексемы *patria*, поздравление на четырех языках), соответствующих современному контексту бытования испанского общества. Кроме того, в настоящее время востребован образ монарха как действенного гаранта социальной справедливости, постоянно находящегося на службе народа. Филиппа VI отличает более близкая позиционированность к социуму, что обусловлено желанием установить доверительные отношения на новом этапе развития страны, когда требуется обновление института монархии, сокращение дистанции между властными структурами и обществом и реальное соблюдение заявленных нравственных ориентиров.

Список литературы

- Абрамова Е. К., Агаркова О. А.** Новогодние обращения Эммануэля Макрона: особенности композиции и содержания // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 351–353.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Современная политическая лингвистика. Екатеринбург: УрГПУ, 2011. 252 с.
- Воробьева О. И.** Политическая лингвистика. Современный язык политики. М.: Изд-во ИКАР, 2008. 296 с.
- Гаврилова М. В.** Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования // Политическая наука. 2017. № 2. С. 54–72.
- Кондратенко Н. В.** Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог-2007». М.: РГГУ, 2007. С. 302–306.
- Ласица Л. А.** Новогоднее обращение главы государства: семантические особенности ритуального жанра политического дискурса // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2017. № 1 (201). С. 19–24.
- Лукьянова С. В.** К вопросу о типологии дискурса // Вестник Псков. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 150–154.
- Ослопова В. Ю.** Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. № 329. С. 19–22.
- Раевская М. М.** Базовые символы национального самоопределения в испанской лингвокультуре (исторический ракурс) // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 67–76.
- Селиванова И. В.** Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании // Политическая лингвистика. 2019. № 4 (76). С. 61–65.
- Сладкевич Ж. Р.** Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000–2005 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168–193.
- Фадеева Г. М.** Рождественское телеобращение главы государства как медиасобытие // Вестник Моск. гос. лингвист. ун-та. Языкознание. 2016. Вып. 7 (746). С. 273–285.
- Хаззагерев Г. Г.** Политическая риторика. М.: Никколо-Медиа, 2002. 320 с.
- Чудинов А. П.** Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.
- Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
- Casado Velarde, M.** Lenguaje, valores y manipulación. Pamplona, Eunsa, 2010, 176 p. (in Span.)

- García-Ramos, A.** Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? *SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social*, 2016, no. 2, p. 15–50. (in Span.)
- Llorca, C.** Los discursos de la Corona en las Cortes. Madrid, Plaza & Janés Editores, 1985, 321 p. (in Span.)
- Medina López, J.** Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013). *Pragmática Sociocultural*, 2016, no. 4 (1), p. 25–73. (in Span.)
- Ventero Velasco, M.** Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, La Ley, 2010, 440 p. (in Span.)

References

- Abramova, E. K., Agarkova, O. A.** Emmanuel Macron's New Year speeches: the features of composition and its contents. *World of Science, Culture, Education*, 2019, no. 3 (76), p. 351–353. (in Russ.)
- Budaev, E. V., Chudinov, A. P.** Modern political linguistics. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2011, 252 p. (in Russ.)
- Casado Velarde, M.** Lenguaje, valores y manipulación. Pamplona, Eunsa, 2010, 176 p. (in Span.)
- Chudinov, A. P.** Discursive characteristics of political communication. *Political Linguistics*, 2012, no. 2 (40), p. 53–59. (in Russ.)
- Fadeeva, G. M.** Head of State Christmas address as a media event. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Linguistics*, 2016, no. 7 (746), p. 273–285. (in Russ.)
- García-Ramos, A.** Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país? *SOCIOLOGIADOS. Revista de Investigación Social*, 2016, no. 2, p. 15–50. (in Span.)
- Gavrilova, M. V.** Linguistic analyses of Head of State speeches: the theme, direction and methods of research. *Political Science*, 2017, no. 2, p. 54–72. (in Russ.)
- Khazagerov, G. G.** Political rhetoric. Moscow, Niccolo-Media Publ., 2002, 320 p. (in Russ.)
- Kondratenko, N. V.** New Year's message as a ritual genre of political discourse: macrostructural components and means of expression. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialogue-2007"*. Moscow, RSHU Publ., 2007, p. 302–306. (in Russ.)
- Lasitsa, L. A.** New Year's message of the Head of State: semantic features of the ritual genre of political discourse. *Bulletin of the Orenburg State University*, 2017, no. 1 (201), p. 19–24. (in Russ.)
- Llorca, C.** Los discursos de la Corona en las Cortes. Madrid, Plaza & Janés Editores, 1985, 321 p. (in Span.)
- Lukyanova, S. V.** To the discourse typology. *Bulletin of the Pskov State University*, 2016, no. 3, p. 150–154. (in Russ.)
- Medina López, J.** Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975–2013). *Pragmática Sociocultural*, 2016, no. 4 (1), p. 25–73. (in Span.)
- Osloпова, V. Yu.** New Year's message of the Head of State as a genre of political discourse. *Tomsk State University Journal*, 2009, no. 329, p. 19–22. (in Russ.)
- Raevskaya, M. M.** Basic symbols of Spanish national identity in a historical perspective. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, 2012, no. 4, p. 67–76. (in Russ.)
- Selivanova, I. V.** War Metaphors in the Christmas Messages of the Spanish King. *Political Linguistics*, 2019, no. 4 (76), p. 61–65. (in Russ.)
- Sheigal, E. I.** Semiotics of political Discourse. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 326 p. (in Russ.)
- Sladkevich, Zh. R.** The organization of the semiotic space of the New Year's president's greetings (based on the New Year messages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000–2015). *Political Science*, 2016, no. 3, p. 168–193. (in Russ.)

- Ventero Velasco, M.** Los mensajes de Navidad del Rey. Madrid, La Ley, 2010, 440 p. (in Span.)
Vorobyova, O. I. Political Linguistics. The modern language of politics. Moscow, IKAR Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
09.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Раевская Марина Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119234, Россия)

Marina M. Raevskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

mraevskaya@gmail.com
ORCID 0000-0002-7724-0403

Селиванова Ирина Владимировна, преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Irina V. Selivanova, Instructor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russian Federation)

selivanova-irina@inbox.ru
ORCID 0000-0003-1578-0620

УДК 316.72:81'37

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83

Образ матери в языковой картине мира русских и японцев

А. Д. Палкин

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

На материале ассоциативных экспериментов рассматривается образ матери в мировидении русских и японцев. Ассоциативные реакции русских и японских респондентов классифицируются в соответствии с четырьмя смысловыми компонентами. Кроме того, попарно рассчитывается показатель близости между выборками. Языковая картина мира русских анализируется на двух временных срезах – постперестроечный период и начало XXI в. Языковая картина мира японцев относится к началу XXI в. Ожидаемо в обеих лингвокультурах образ матери наиболее тесно связан с образами отца, любви и детей. При этом в русской лингвокультуре не наблюдается существенных сдвигов в восприятии образа матери на рассматриваемых временных отрезках. Японцы демонстрируют характерное для них кинестетическое восприятие окружающей действительности, ассоциируя мать с теплом, которое окружает ребенка, и с кормлением грудью. Русские воспринимают мать прежде всего как женщину и родителя, т. е. на первый план выходят социальные функции матери. Вместе с тем образ матери является знаковым для обеих лингвокультур. В этом прослеживается универсальность рассматриваемого образа. Одним из важных наблюдений является яркое проявление женской солидарности в выборке начала 1990-х гг. Показано, что в сложных социально-экономических условиях, когда многие находились в состоянии повышенной эмоциональной напряженности, именно русские женщины продемонстрировали готовность сплотиться во имя укрепления семейных ценностей. Также обнаружен тот факт, что в оценках матери речь русских мужчин отличается более частотным использованием бранных слов по сравнению с женской речью, что указывает на устойчивость демонстрации мужественности через бранное (т. е. табуированное) слово независимо от объекта оценки. Это норма для современной культуры.

Ключевые слова

мать, отец, гендер, языковое сознание, русские, японцы, реакция

Для цитирования

Палкин А. Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 71–83. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83

The Image of Mother in the Language Picture of the World of Russians and the Japanese

Alexei D. Palkin

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper elucidates the image of mother in the worldview of Russians and the Japanese on the basis of association experiments. Associative reactions obtained from Russian and Japanese respondents are listed along four semantic components – logical-notional, axiological-semantic, bodily-perceptive, and emotional-affective. Besides, the index of proximity is calculated for each pair of samplings analyzed. The language world view of Russians is scrutinized over two time periods. They are the early 1990s and the early 21st century. The language world view of the Japanese refers to the early 21st century. The image of mother in both linguocultures is predictably intertwined with the images of father, love, and children. It is noteworthy that the two Russian samplings demonstrate insignificant changes in the

© А. Д. Палкин, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

perception of the image of mother. The Japanese prove to be predominantly kinaesthetic when perceiving the environment as long as they associate mother with warmth that embraces a child and breast-feeding. For Russians, mother is primarily a woman and a parent, that is, her social functions predominate over her physical functions. The archetype of multi-child family used to be topical in the 1990s Russia, although the rate of childbirth was relatively low at the time due to economic problems. The Japanese and the Russians of the early 21st century lost this archetype. A large family was no longer a priority for them. Meanwhile, the image of mother is clearly vital for both linguocultures. This makes it possible to state the universal character of the image of mother. Another important observation is that Russian women of the early 1990s demonstrated unity in their treatment of current events. The experiments conducted have shown that the early 1990s saw an increase in mood swings for many people in Russia. However, Russian women turned out to be less affected by negative developments and more family-minded. One more important conclusion concerns the fact that male speech is ruder than female speech. This has been observed by other authors numerous times and has been confirmed in the association experiment discussed.

Keywords

mother, father, gender, language consciousness, Russians, Japanese, reaction

For citation

Palkin, Alexei D. The Image of Mother in the Language Picture of the World of Russians and the Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 71–83. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-71-83

Введение

Данная статья продолжает проект, посвященный исследованию образов сознания в языковых картинах мира русских и японцев на материале ассоциативных исследований. На этот раз речь пойдет об образе матери – образе знаковом и во многом ключевом для любой лингвокультуры. Мы проследим, с какими образами связан образ матери в языковой картине мира каждой отдельно взятой группы испытуемых и сопоставим полученные результаты.

Вслед за Л. Вайсгербером мы рассматриваем языковую картину мира как наивную в ее противопоставленности научной картине мира [Weisgerber, 1929]. Именно языковая картина мира объединяет носителей некоторого языка, формируя элементы мировидения через призму данного языка, в результате чего формируется национально-культурная специфика мировидения того или иного этноса. Термин «языковая картина мира» многократно дефинировался самыми различными учеными. Сложно выбрать наиболее удачную дефиницию, но наиболее практичной нам представляется определение, предложенное Т. Е. Владимировой, которая рассматривает языковую картину мира как «культурное наследие народа, которое вбирает в себя его когнитивно-коммуникативный опыт, базирующийся на ценностных представлениях, идеалах, установках, ориентирах речевого поведения и принятия решений» [2014. С. 191]. Ассоциативный эксперимент позволяет пролить свет на «фрагменты картины мира, особенности менталитета и национального характера носителей языков, запечатленные в ассоциативно-вербальных сетях, которые отражают предречевую готовность носителя, его текстовый потенциал» [Караулов, 2000. С. 191].

Актуальность образа матери непреходяща и будет существовать до тех пор, пока существует человечество. Мать – это носительница жизни и любви, это тот человек, который заботится и опекает своего ребенка, в связи с чем не менее актуальным выступает союз матери и ребенка как мельчайшая группа общества.

Что касается отца, то он не мог рассматриваться в качестве *первого* воспитателя. «По мнению Руссо¹, мать является первым воспитателем ребенка. Это предназначено ей самой природой. Участие мужчин исключено, ибо если бы природа захотела поручить это дело мужчинам, то она дала бы им грудь» (цит. по: [Джибладзе, 1983. С. 41]). Данная позиция в современном мире, по крайней мере западном, не выдерживает критики, но приведенная цитата знаменательна, поскольку показывает, какой важной представлялась роль матери

¹ Имеется в виду Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau), зарекомендовавший себя не только как философ, но и как педагог-теоретик.

в прежние века. Впрочем, не менее важной она остается во многих культурах и в наши дни, несмотря на все попытки унифицировать семейные роли отца и матери.

Материал, ход и методика эксперимента

В данной статье мы рассмотрим три выборки испытуемых, являющиеся результатом проведения серии ассоциативных экспериментов. Первую выборку составляют русские начала 1990-х гг., вторую – русские начала XXI в., третью – японцы начала XXI в. Первая выборка основывается на данных «Русского ассоциативного словаря» [РАС, 2002], которые собирались с конца 1980-х по середину 1990-х гг., т. е., усредняя, получаем период развития России, называемый постперестроечным. В качестве испытуемых выступили главным образом студенты различных российских вузов. На стимул «мать» было получено 536 реакций. Вторая выборка основана на анкетировании, организованном автором данной статьи в 2006 г. среди студентов московских и одного подмосковного вуза. В общую базу данных для выборки попали 140 анкет. Так как некоторые респонденты предложили более одной реакции, суммарное количество реакций на стимул «мать» составило 144. Третья выборка включает себя данные анкетирования, проведенного автором статьи в Осацком университете в 2001–2002 гг. среди студентов различных факультетов, являвшихся носителями японского языка. Так же, как и в случае со второй выборкой, в общую базу данных вошли 140 анкет. Соответственно, в нашем распоряжении оказалось 140 ассоциативных реакций на стимул «мать». В России эксперименты проводились на русском языке, в Японии – на японском. Возраст русских испытуемых варьировался в диапазоне от 17 до 25 лет, японских – от 18 до 23 лет. Ассоциативные эксперименты часто проводятся с испытуемыми такого возраста, поскольку молодежь является тем слоем населения, который в обозримом будущем станет определяющим звеном при формировании родной культуры. Однако следует принять во внимание возраст испытуемых в ходе анализа экспериментальных данных: мы имеем дело с реакциями молодежи, однако перед нами в любом случае носители исследуемых культур, поэтому с определенными оговорками мы экстраполируем полученные данные на соответствующие культуры в целом.

Необходимо подчеркнуть, что промежуток в 15 лет между двумя сериями экспериментов, проведенных в России, является значимым, поскольку на рубеже XX–XXI вв. в России произошли серьезные социально-экономические перемены. Очевидны существенные отличия России постперестроечного периода от России начала XXI в. Такое развитие событий неминуемо влечет за собой изменения в области языкового сознания носителей русского языка. Япония в последние десятилетия является островом стабильности: «японское экономическое чудо» сменилось «безобидным» застоём. По этой причине представляется целесообразным сопоставление двух русских выборок и одной японской.

Анализ всех трех выборок осуществляется по следующему принципу: мы не просто описываем интересующие нас ассоциативные поля, но разбиваем их на смысловые компоненты, после чего проводим анализ каждого отдельно взятого компонента и подводим итоги. За основу выделения смысловых компонентов взята схема, предложенная в коллективной монографии «Ментальность россиян...» [1997. С. 268–277]. В соответствии с разработанной методологией ассоциативные поля подразделяются на следующие смысловые компоненты: логико-понятийный (знания, основанные на понятийной обработке чувственных данных), телесно-перцептивный (знания, опирающиеся непосредственно на представления о чувственно-телесной реальности), ценностно-смысловой (знания, связанные с духовными идеалами) и эмоционально-аффективный (знания, возникшие на основе субъективных переживаний). Такая комбинация параметров анализа дает нам возможность получить исчерпывающую гносеологическую структуру исследуемого образа сознания, в которой два компонента (телесно-перцептивный и эмоционально-аффективный) указывают на индивидуально-личностную сферу сознания, а два других (логико-понятийный и ценностно-смысловой) связаны с обще-

ственной сферой, которая в значительной степени объективирует индивидуальные и субъективные представления. При этом во имя все той же объективности и достоверности мы устанавливаем порог отсека: в табл. 1 (см. далее) указываются все реакции, набравшие в каждой выборке не менее 1,25 % (т. е. не менее 1,5 % в округленном значении).

Все вошедшие в таблицу реакции (или – при необходимости – группы реакций, выделенные по принципу семантической близости) пронумерованы. Эти цифры получают расшифровку в приводимой далее табл. 2. Для каждого компонента и для каждой выборки в конце каждой строки таблицы в скобках приводится суммарный удельный вес всех членов данной строки. Единичные реакции, как правило, не учитываются при рассмотрении как не обладающие достаточной достоверностью.

Образ матери: семантическое исследование

Итак, рассмотрим стимул «мать» и его японский эквивалент *hahaoya*.

Слово «мать» в Толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова, 1999] эксплицируется как 1) Женщина по отношению к своим детям; 2) Источник (во 2 значении), начало чего-нибудь, а также о том, что дорого, близко каждому. (ИСТОЧНИК: 2. То, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь.); 3) Самка по отношению к своим детенышам; 4) Обращение к пожилой женщине или к жене как к матери своих детей (прост.); 5) Название монахини, а также (разг.) обращение к ней. Из перечисленных значений наиболее часто в речи и сознании актуализируется первое, что и нашло отражение в ассоциативных реакциях, приведенных ниже.

Слово *hahaoya* в Большом толковом словаре японского языка [Daijirin, 1995] трактуется проще: родитель женского пола плюс ряд дефиниций, использующих абсолютные синонимы. Как видим, русская семантика значительно шире японской, но, забегая вперед, следует отметить, что именно первое значение стимула «мать» оказалось максимально актуальным для респондентов всех исследуемых выборок.

Перейдем к рассмотрению содержания ассоциативных полей, отражающих образ матери в языковом сознании русских и японцев.

В первую очередь обратимся к показателям близости между выборками. В статье А. А. Григорьева и М. С. Кленской [2000] подробно описываются методы вычисления данного показателя. Говоря коротко, сопоставляются все реакции, входящие в два сравниваемых ассоциативных поля, и выявляются совпадающие. По количеству совпадающих реакций делается вывод о близости ассоциативных полей. Чем ближе полученное значение к единице, тем в большей степени совпадает восприятие исследуемого образа у представителей сравниваемых выборок, и наоборот: чем ближе полученное значение к нулю, тем меньше общих черт в восприятии данного образа обнаруживается между выборками. Практика показывает, что реального приближения данного показателя к единице ожидать не приходится, так как формирование ассоциативного поля любого стимула определяется в том числе и индивидуальными предпочтениями испытуемых. По этой причине показатель близости двух выборок в диапазоне от 0,4 до 0,5 (и выше) будем считать высоким, от 0,3 до 0,39 – выше среднего, от 0,2 до 0,29 – средним, от 0,1 до 0,19 – ниже среднего, показатель близости ниже 0,1 – низким. Данные границы выбраны несколько произвольно, но их выбор основывается на опыте масштабного сравнительного анализа ассоциативных реакций. Примером могут служить предыдущие наши статьи (например, [Палкин, 2017; 2018]).

Итак, показатели близости (W) для ассоциативных полей «мать» и *hahaoya* следующие:

$$W (Я/P1) = 0,23; W (Я/P2) = 0,29; W (P1/P2) = 0,46.$$

Показатели близости свидетельствуют о том, что образ матери во многом универсален. Анализ многих других стимулов (см., например, [Палкин, 2010]) нередко обнаруживал значительно более низкие коэффициенты близости. Однако в данном случае для двух русских

выборок этот показатель является высоким, при этом совпадение реакций между японской и русскими выборками также сравнительно велико, хотя соответствующие коэффициенты ожидаемо ниже, чем в случае с сопоставлением двух русских выборок.

При самом поверхностном рассмотрении ассоциативных реакций нельзя не заметить, что во всех трех выборках самой частотной реакцией является антоним – парадигматическая реакция «отец». Логичность связки «мать – отец» очевидна и не нуждается в дополнительных комментариях. Более того, само существование и частотность этой связки может указывать на искусственность попыток скорректировать их гендерные роли и обозначить их как «родитель 1» и «родитель 2». Другими словами, сам механизм эксперимента позволяет выявить реакцию языкового сознания на подобную замену означающих.

Далее между выборками начинаются расхождения. Второй по частотности в японской выборке идет реакция «добрая» (10 %). Именно доброты ожидают японцы от матери. Аналогичные реакции в русских выборках набирают по 3 %. Это существенное различие, подчеркивающее, что русские не рассматривают доброту как основное качество матери. Главным качеством становится сам факт родства, на который указывают 13 % респондентов первой русской выборки и 6 % – второй. В русском языковом сознании родная мать априори наделяется положительными характеристиками. Не случайно в современном информационном пространстве тиражируется идея о латентном матриархате в России, т. е. о том, что ключевую роль в обществе играют женщины, которые диктуют условия своим мужьям, тогда как последние лишь формально становятся инициаторами тех или иных решений. Приведенный тезис является крайне спорным, но оттого не менее популярным. Показательно, что в 2010-х гг. в российском сегменте Интернета стал активно использоваться ироничный хештег #Яжемать (или #Яжмать), под которым размещаются отзывы о матерях, чье поведение расценивается как не вполне адекватное и не соответствующее традиционному восприятию образа матери. Образ матери-благодетельницы воспет во многих народных, бардовских и даже «блатных» песнях, что в очередной раз подчеркивает значимость данного образа в русском языковом сознании. Мы полагаем, что обилие в японской выборке реакций, свидетельствующих о связи образов матери и доброты, связано с тем фактом, что в японской культуре мать традиционно берет на себя все хлопоты по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, тогда как от отца ожидается прежде всего материальное обеспечение семьи. В русской культуре практикуется сильное участие женщины в зарабатывании денег и сильное участие мужчины в домашних хлопотах и вопросах воспитания. В результате образ доброй матери стал конкурировать с образом доброго отца.

Еще одна исключительно «русская» реакция – «женщина». Эта реакция восходит к устойчивому выражению «женщина-мать», подразумевающему, что женщине имманентно присущ материнский инстинкт. В нестабильные 1990-е гг. об этом вспоминали 2,5 % респондентов, а в относительно стабильные 2000-е гг. соответствующий показатель возрос до 4 %. Для японского языка данное выражение не характерно и на передний план выходят кинетические ощущения: с матерью ассоциируется «тепло», которым она «окружает» своего ребенка. В русских выборках реакция «тепло» является низкочастотной.

Связка «мать – ребенок» присутствует на периферии всех ассоциативных полей: у японцев 2 % набирает собственно реакция «ребенок»; у русских постперестроечного периода 2 % набирает реакция «дочь» и 0,5 % приходится на реакцию «сын»; у русских начала XXI в. обнаруживаем реакции «дитя» (1,5 %), «сын» (1,5 %) и «дочь» (0,5 %). Причина, по которой в начале XXI в. мальчики в русской семье стали более желанными, чем девочки, требует дальнейшего изучения. Можно предположить, что в начале XXI в. в российском обществе возник запрос на наличие «добытчика» в семье, и по этой причине родители стали отдавать приоритет отпрыскам мужского пола, тогда как в начале 1990-х гг. многие мужчины стали «пушечным мясом», брошенным в топку афганской и чеченской войн. Однако мы ограничимся данной гипотезой и не станем переходить к категоричным выводам по затронутому вопросу.

Еще один важный образ, связанный с образом матери, – образ любви. Он не столь ярко выражен в японской выборке (3,5 %), так как японцы предпочитают акцентировать внимание на качествах, а не на чувствах. Похожая ситуация в первой русской выборке, где реакции «любимая» и «любовь» в сумме набирают 4,5 %. Наиболее представительна семантика любви во второй русской выборке (10 %). Очевидно, что эти цифры указывают на возрастание роли матери в современной русской жизни по сравнению с началом 1990-х гг. Лишнее подтверждение тому – реакция «дом» (3,5 % во второй русской выборке и всего 0,5 % – в первой): мать снова воспринимается как хранительница домашнего очага. Те же 0,5 % реакция «дом» набирает в японской выборке, но на роль женщины в ведении домашнего хозяйства указывает реакция «покупки» (1,5 %). Тем самым японская мать также является «хранительницей домашнего очага».

Интересны реакции «грудь» и «молоко» (по 1,5 %) из японской выборки. В японском языковом сознании мать репрезентирована как кормилица. Эта важная функция матери не нашла отражения в русских ассоциативных полях, вероятно, по той причине, что в русской культуре не принято говорить о таком интимном моменте, как кормление ребенка грудью.

Русские начала 1990-х гг. демонстрируют свою начитанность, неоднократно упоминая М. Горького в связи с его романом «Мать». Во второй русской выборке реакция «Горький» единична. Японцы в данном случае никак не проявили своих литературных пристрастий, скорее всего по той причине, что не знакомы с романом М. Горького «Мать». В то же время в японской выборке обнаруживаем указания на то, что быть мамой «тяжело» (1,5 %), иногда ей бывает «одинок» (1,5 %), так как муж много работает, и иногда она может «сердиться» (1,5 %).

На уровне низкочастотных реакций все три выборки объединены парадигматическими реакциями «родитель» и «жизнь», семантическая связь которых со словом-стимулом очевидна.

В русских выборках фигурируют клише, характерные исключительно для русского языкового сознания. Это реакция «Родина» как отсылка к крылатому выражению «Родина-мать». Не осталась без внимания и синтагматическая реакция «твою», отсылающая нас к ругательству «мать твою». В первой русской выборке присутствует реакция «героиня» (2,5 %), указывающая на многодетную мать и осведомленность испытуемых о существовании в СССР ордена «Мать-героиня». В наших предыдущих исследованиях мы показали, что для русских постперестроечного периода архетип многодетной семьи еще сохранял свою актуальность, хотя немногие на тот период были готовы заводить большие семьи как по экономическим, так и по социальным причинам. К началу XXI в. намечается утрата этого архетипа [Палкин, 2010. С. 276]. В данном случае наблюдаем аналогичную картину: во второй русской выборке реакция «героиня» единична (0,5 %). Из других клише отметим реакцию «анархия» (1,5 %) из второй русской выборки, которая восходит к известному слогану «Анархия – мать порядка».

В целом все три выборки пронизаны уважением к матери. Японцы открыто признаются в любви к ней («очень люблю»), русские употребляют такие эпитеты, как «святое», «нежность», «уважение».

Перейдем к анализу смысловых компонентов соответствующих ассоциативных полей (см. табл. 1, 2).

Анализ смысловых компонентов ассоциативных полей

Логико-понятийный компонент имеет заметный удельный вес во всех трех выборках, что является распространенным явлением в ассоциативно-вербальной сети. Высокий показатель данного компонента в японской выборке обеспечивается парадигматическими реакциями «отец» (26,5 %) и «папа» (2 %). Следует иметь в виду, что реакция 父, которая здесь переведена как «папа», является именно логико-понятийной, но – в отличие от русского языка –

несет в себе минимальные аффективные признаки. Выбор между словами 父親 и 父 в обыденной речи делается исходя не из эмоциональной нагрузки, а из родовых и социальных отношений между собеседниками. В любом случае, с точки зрения японцев, мать активно контактирует с отцом, с одной стороны, и с ребенком, с другой стороны. Кроме того, в ее обязанности входит ведение домашнего хозяйства, в том числе «покупки». Заметим, что все реакции парадигматические.

Аналогична ситуация с русскими выборками. Рассмотрим ее подробнее.

В первой русской выборке мать также ассоциируется с отцом, но вместо ребенка упоминается «дочь». Показательно, что данная реакция была упомянута девятью женщинами и лишь одним мужчиной. Это свидетельство женской солидарности, которая приобрела особую актуальность в русской лингвокультуре в переломный период начала 1990-х гг., когда многие мужчины оказались неспособны справиться с «шоковой терапией» и перестали брать на себя ответственность за благополучие своей семьи.

Научно доказано, что женщины отличаются большей стрессоустойчивостью, чем мужчины. Исследования показали, что женщины в стрессовых ситуациях склонны к эмпатии, тогда как мужчины под воздействием стресса становятся более эгоцентричными и асоциальными [Tomova et al., 2014]. В России начала 1990-х гг. женщины были вынуждены взять на себя ряд присущих мужчинам функций, по причине чего женская солидарность окрепла на фоне отчасти агрессивного, отчасти безответственного поведения мужчин. Вместе с тем сохранялся архетип большой семьи, который выразился в реакции «героиня» (2,5 %). В начале 1990-х гг. многодетные семьи еще пользовались особым почетом. Большинство русских уже не могли позволить себе рождение большого количества детей по соображениям финансового и социального характера, но выработавшийся веками стереотип еще продолжал существовать в русском языковом сознании.

Те же 2,5 % в первой русской выборке набрала реакция «женщина», подчеркивающая гендерную принадлежность матери. Ее социальная принадлежность выражена в реакции «семья» (1,5 %). Отдельно следует упомянуть реакции «Горький» и «и мачеха» (обе – по 1,5 %). Эти реакции свидетельствуют о том, что литература занимала значимый пласт в языковом сознании русских постперестроечного периода. Как уже говорилось, известный советский писатель М. Горький упомянут в связи с его романом «Мать». Реакция «и мачеха», по всей вероятности, навеяна сюжетами русских народных сказок, в которых нередко фигурирует злая мачеха, плетущая интриги вокруг главной героини.

Что касается второй русской выборки, то реакция «отец» заметно опережает другие реакции по частотности, однако можно констатировать и заметно возросшую гендерную роль матери: 7 % русских респондентов начала XXI в. предложили реакцию «женщина», причем эта женщина отвечает за «дом» (3,5 %), являясь «родителем» (1,5 %) и членом «семьи» (1,5 %). Не осталась без внимания и связка «мать и дитя»: собственно реакция «дитя» набрала 1,5 %. Тогда как в первой русской выборке реакция «дочь» (2 %) была популярнее реакции «сын» (0,5 %), во второй русской выборке обратная ситуация: «сын» (1,5 %) упоминается чаще, чем «дочь» (0,5 %). Перед нами ослабление женской солидарности и отмирание архетипа большой семьи ввиду отсутствия повторяющихся реакций, указывающих на возможную многодетность матери. Здесь необходимо подчеркнуть, что, по единодушному мнению отечественных исследователей, «и православная церковь, и народный обычай на протяжении веков формировали идеал женщины – многодетной матери, в задачу которой входило прежде всего поддержание жизни многочисленного потомства и воспроизводство семейных традиций. Многодетная семья пользовалась всеобщим почтением. При этом ценность детей определялась в первую очередь их будущим предназначением быть кормильцами и опорой в жизни» [Соколюк, 2010. С. 119]. Нахождение образа ребенка на периферии соответствующих ассоциативных полей свидетельствует об отмирании архетипа многодетности в современной русской культуре.

Таблица 1

Разбиение ассоциативных полей «мать» и *hahaoya* по смысловым компонентам

Table 1

Breakdown of association fields *mat'* and *hahaoya* along semantic components

Респонденты	Компоненты			
	логико-понятийный	телесно-перцептивный	ценностно-смысловой	эмоционально-аффективный
Японцы	1; 6; 12 (33 %)	3; 5; 9; 10 (11 %)	2; 8 (12 %)	4; 7; 11; 13; 14 (10 %)
Русские из РАС	2; 5; 9; 10; 12; 13; 15 (26 %)		1; 4; 6; 11; 14 (27 %)	3; 7; 8 (14%)
Русские 2006 г.	1; 4; 5; 6; 13; 14; 15; 17; 19; 20 (40,5 %)	16; 22 (3 %)	3; 7; 9; 10; 11; 18; 21 (18 %)	2; 8; 11; 12; 23 (18 %)

Таблица 2

Расшифровка нумерации групп реакций, выделенных по принципу семантической близости

Table 2

Detailed interpretation of reactions indexed along semantic components

Реакции японцев Reactions of the Japanese	Реакции русских из РАС Reactions of 1990s Russians	Реакции русских 2006 г. Reactions of 2006 Russians
1: 父親 / отец + 父 / папа (26,5 + 2 = 28,5 %)	1: родная + моя родная + родной человек (12 + 0,5 + 0,5 = 13 %)	1: отец (19,5 %)
2: やさしい / добрая + 優しさ / доброта (10 + 0,5 = 10,5 %)	2: отец + и отец (12 + 0,5 = 12,5 %)	2: любовь + любимая + любить (7,5 + 2 + 0,5 = 10 %)
3: あたたかい / теплая + あたたかさ / тепло + 温もり / теплота (3,5 + 0,5 + 0,5 = 4,5 %)	3: любовь + любимая (4,5 + 3,5 = 8 %)	3: родная + родное + родной человек + самое близкое и родное (3,5 + 1,5 + 0,5 + 0,5 = 6 %)
4: 愛 / любовь + 大好き / очень люблю (2 + 1,5 = 3,5 %)	4: моя (7 %)	4: женщина (4 %)
5: 包む / окружать + 包みこむ / окружать (3 + 0,5 = 3,5 %)	5: Горький + Горького + М. Горький (1,5 + 1 + 0,5 = 3 %)	5: дом (3,5 %)
6: 子ども / ребенок + 赤ん坊 / дитя + 赤ちゃん / малыш (2 + 0,5 + 0,5 = 3 %)	6: добрая (3 %)	6: родители + родитель (2 + 1,5 = 3,5 %)
7: おかん / маманя (2 %)	7: мама + мамочка + моя мама (2 + 0,5 + 0,5 = 3 %)	7: добро + добра + добрая (2 + 0,5 + 0,5 = 3 %)

Окончание табл. 2

Реакции японцев Reactions of the Japanese	Реакции русских из PAC Reactions of 1990s Russians	Реакции русских 2006 г. Reactions of 2006 Russians
8: 偉大 / величие (1,5 %)	8: твою + вашу (2,5 + 0,5 = 3 %)	8: мама + мамочка (2 + 0,5 = 2,5 %)
9: 胸 / грудь + 乳房 / грудь + おっぱい / грудь (0,5 + 0,5 + 0,5 = 1,5 %)	9: героиня (2,5 %)	9: жизнь (2 %)
10: お乳 / молоко (1,5 %)	10: женщина (2,5 %)	10: забота (2 %)
11: さびしい / одиноко (1,5 %)	11: Родина (2,5 %)	11: Родина + родина (1,5 + 0,5 = 2 %)
12: 買い物 / покупки (1,5 %)	12: дочь (2 %)	12: твою + вашу (1,5 + 0,5 = 2 %)
13: おこる / сердиться (1,5 %)	13: и мачеха + мачеха (1,5 + 0,5 = 2 %)	13: анархия (1,5 %)
14: 大変 / тяжело (1,5 %)	14: дорогая (1,5 %)	14: дитя (1,5 %)
	15: семья (1,5 %)	15: начало (1,5 %)
		16: нежность (1,5 %)
		17: род (1,5 %)
		18: святое (1,5 %)
		19: семья (1,5 %)
		20: сын (1,5 %)
		21: твоя (1,5 %)
		22: тепло (1,5 %)
		23: уважение (1,5 %)

Если провести параллели с японской выборкой, то в ней обнаруживаем единичные реакции «сын» и «маменькин сынок». Можно говорить о том, что в России и Японии XXI в. ребенок мужского пола становится несколько более желанным, чем ребенок женского пола. И вместе с тем в Японии также не прослеживается архетип многодетной семьи.

Телесно-перцептивный компонент ярко демонстрирует преобладание кинестетического канала восприятия в японской лингвокультуре. Для японца важно увидеть или прикоснуться к предмету, чтобы максимально его прочувствовать. Отсюда обилие реакций, отраженных в пунктах 3 и 5 табл. 2 для японской выборки: мать ассоциируется с теплом, которое она дарит своему ребенку. Любопытно, что реакцию «тепло» предложили только женщины. Японские женщины в целом заметно более теплолюбивые, чем мужчины. Даже в жару они могут

кутаться в пледы, что не характерно для мужчин. В то же время прагматизм японцев наталкивает их на описание матери-кормилицы. Аналогичные реакции в русских выборках отсутствуют.

Русские постперестроечного периода никак не обозначили телесно-перцептивный компонент в связи с образом матери, если не считать единичной реакции «тепло», которая не вошла в сводную таблицу по причине своей низкочастотности. Русские начала XXI в. более активно упоминали кинестетические особенности, присущие матери: реакции «нежность» и «тепло» набрали по 1,5 %. Тем не менее по суммарному удельному весу реакций в данном компоненте русские заметно отстают от японцев, т. е. кинестетика играет для русских меньшую роль.

Обратимся к анализу ценностно-смыслового компонента. Из японской выборки в этот компонент вошли только две повторяющиеся реакции, но реакции знаковые. Это синтагматическая реакция «добрая» (10 %) и парадигматическая реакция «величие» (1,5 %). Японская мать отличается добротой, и в этом проявляются ее лучшие качества. Как отмечала еще Р. Бенедикт в ходе исследования японского образа жизни, японские дети подобны «маленьким богам с своим маленьком мире» [Бенедикт, 2004. С. 204]. Воспитывающая их мать старается предоставить им все возможные удовольствия, вводя минимум ограничений. Однако такая ситуация длится только до школьного возраста. Когда дети идут в школу, они тут же знакомятся с многочисленными ограничениями, которые накладывает на человека японское общество. В связи с этим бытует ироничное мнение о том, что матерью для японца становится коллектив окружающих его людей (сначала в школе, затем на работе). Русская мать также бывает доброй, но в три раза реже (по 3 % в обеих русских выборках).

Интересна реакция «моя» из первой русской выборки. Этой реакцией подчеркивается индивидуализм русских. В других работах мы неоднократно писали о том, что веками формировавшийся в России коллективизм в результате многочисленных социально-экономических «экспериментов» над людьми в советский и постсоветский периоды утрачивает свои позиции, уступая место индивидуализму, что в условиях глобализации является большим недостатком. Русские респонденты начала 1990-х гг. предложили именно реакцию «моя», а не «наша», «твоя» или «ваша». Такой сдвиг в реакциях указывает на приоритет личных интересов «новорусских» над общественными. Любопытно, что женщины предлагали данную реакцию в четыре раза чаще, чем мужчины. На примере предпочтения пола ребенка мы уже выяснили, что женщины постперестроечного периода обнаруживают солидарность друг с другом. В данном случае они солидаризируются друг с другом в неосознанном стремлении к индивидуализму².

Иначе обстоит дело со второй русской выборкой. В ней реакция «моя» отсутствует, но фигурирует реакция «твоя» (1,5 %), отмеченная исключительно мужчинами. Следовательно, в связи с образом матери тенденция на усиление индивидуализма среди русских не прослеживается. По всей видимости, это связано с укреплением в XXI в. института семьи, который в начале 1990-х гг. переживал далеко не лучшие времена. Реакция «твоя» – это реакция коллективистского характера, поэтому возрождение былых традиций коллективизма в России возможно вокруг образов матери и семьи.

Образ матери действительно имеет высокую ценность в русской лингвокультуре. Еще одним подтверждением этому является высокий показатель реакций со значением «родная» в обеих русских выборках (в первой русской выборке ее упоминали главным образом женщины). В этот же ряд встраиваются реакции «дорогая» (1,5 % в первой русской выборке и 0,5 % – во второй) и «семья» (по 1,5 % в обеих выборках). В выборке начала XXI в. также обращают на себя внимание реакции «жизнь», «забота» (обе – по 2 %), «святое» и «род» (обе – по 1,5 %).

² Мы говорим о неосознанном стремлении, поскольку ассоциативный эксперимент вскрывает те пласты языкового сознания, которые не до конца осознаются самими респондентами.

Отдельно следует отметить реакцию «Родина». Она набирает 2,5 % в первой русской выборке и 2 % – во второй. Несмотря на то что образ «Родины-матери» активно использовался в военной пропаганде советского времени, мы видим, что он не утратил своей актуальности и в современной России. В дореволюционной России большей популярностью пользовалось выражение «Россия-матушка». Советская пропаганда нуждалась в новом термине. Выбор пал на менее распространенное, но на тот момент более актуальное словосочетание «Родина-мать». Во время Второй мировой войны плакат «Родина-мать зовет!» стал тиражироваться по всей стране с целью привлечения добровольцев на фронт. Как следует из данных ассоциативных экспериментов, этот образ остался востребованным и после развала Советского Союза.

Перейдем к эмоционально-смысловому компоненту. В него вошли в основном низкочастотные реакции, если не считать реакцию «любовь».

Связь с образом матери и любви объединяет все три выборки. В японском ассоциативном поле образ любви набирает 3,5 %, что немного уступает 4,5 % первой русской выборки и заметно уступает 10 % второй русской выборки. Тем не менее любовь – универсальный атрибут матери, которая дарит самые теплые чувства своим детям и сама является объектом обожания.

Разговорные варианты наименования матери также вошли в эмоционально-аффективный компонент. Фамильярное обращение к матери подразумевает близкую степень родства и, следовательно, особую эмоциональную нагрузку. В табл. 2 для японской и первой русской выборки эти лексемы фигурируют под пунктом 7, во второй русской выборке – под пунктом 8.

Реакции «одинок», «сердиться» и «тяжко» из японской выборки свидетельствуют о том, что матерью быть нелегко. Во второй русской выборке подчеркивается, что мать достойна «уважения» (1,5 %).

Нельзя оставить без внимания реакции «твою» и «вашу» из русских выборок. Это синтагматические реакции, отсылающие нас к ругательству «мать твою!». В первой русской выборке эта группа реакция набирает 3 %, во второй – 2 %. Вполне ожидаемо в первой русской выборке почти все респонденты, упомянувшие данные реакции, были мужчинами, а во второй русской выборке данные реакции принадлежат исключительно мужчинам. Объясняется это тем, что, как не раз было отмечено лингвистами, мужская речь (и, следовательно, языковое сознание мужчин) грубее женской. Мужчины чаще употребляют бранные слова и реже используют вежливые обороты речи. Эта закономерность проявилась в данном случае на материале ассоциативных реакций.

Заключение

Подведем итог. И в русском, и в японском языковом сознании образ матери репрезентирован в тесной связи с образами отца и любви. На периферии всех ассоциативных полей упоминается соположенность образов матери и ребенка. Это универсальные для обеих культур связи в рамках ассоциативно-вербальной сети.

Японская мать характеризуется носителями японского языка как добрая и способная окружить теплом. Вместе с тем быть матерью нелегко, о чем не раз упоминают японские респонденты. И только в японском ассоциативном поле затрагивается образ матери-кормилицы.

Русские выборки на монокультурном уровне обнаруживают много параллелей между собой. Русская мать – прежде всего «женщина», «родная» и «родитель». Вместе с тем следует отметить ряд различий между двумя русскими выборками. Русские начала 1990-х гг. более начитаны, чем русские начала XXI в. Здесь следует, конечно, учитывать изменение программы чтения в школе на протяжении последних десятилетий и изменение культурной политики в целом. Нужно также признать, что в современной России М. Горький – не столь популяр-

ный писатель, как в советское время, но русские народные сказки не утратили актуальности. Тем не менее реакция «мачеха» фигурирует только в первой русской выборке. Показательно, что не всё советское предано забвению. Клише «Родина-мать» по-прежнему занимает заметное место в русском языковом сознании.

Реакции японцев свидетельствуют о важности для них кинестетического восприятия образа матери: процент реакций, отражающих семантему «тепло», достаточно высок. Русские начала 1990-х гг. продемонстрировали стремление к индивидуализму, причем в основном это были женщины. Видимо, это связано с тем, что в условиях экономического кризиса и слабой социальной защиты женщины были вынуждены полагаться на собственные силы при воспитании детей. К началу XXI в. наметилось укрепление института семьи на фоне внедрения государственных программ по защите материнства и детства. В результате стремление к индивидуализму в связи с образом матери не фиксируется в выборке начала XXI в. О росте значимости семьи в русском языковом сознании свидетельствует ряд низкочастотных реакций из второй русской выборки: образ матери связан с образами заботы, семьи и рода.

Несмотря на все различия между выборками, образ матери в обеих лингвокультурах является знаковым, отражая семейные ценности в языковом сознании.

Список литературы

- Бенедикт Р.** Хризантема и меч: модели японской культуры: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 256 с.
- Владимирова Т. Е.** К истокам русского языка и русской ментальности (на материале терминов родства) // Вопросы русской филологии и методики преподавания русского языка и литературы: Коллективная монография / Отв. ред. К. Р. Нургали, В. П. Синячкин. М.: Алмавест, 2014. С. 191–217.
- Григорьев А. А., Кленская М. С.** Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 313–318.
- Джибладзе Г. Н.** Сущность руссоизма. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1983. 131 с.
- Караулов Ю. Н.** Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
- Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / Под ред. И. Г. Дубова. М.: Имидж-контакт, 1997. 478 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 939 с.
- Палкин А. Д.** Образ времени в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 5–15.
- Палкин А. Д.** Образ жизни в языковом сознании русских и японцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 2. С. 91–105.
- Палкин А. Д.** Россия и Япония: динамика нравов. М.: Наталис, 2010. 432 с.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М.: АСТ, Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 782 с.
- Соколюк Н. В.** Проблема родительства в русской философской традиции // Вестник ТГЭУ. 2010. № 3. С. 119–134.
- Daijirin. Tokyo, Sanseido, 1995. (in Jap.)
- Tomova, L., von Dawans, B., Heinrichs, M., Silani, G., & Lamm, C.** Is stress affecting our ability to tune into others? Evidence for gender differences in the effects of stress on self-other distinction. *Psychoneuroendocrinology*, 2014, vol. 43, p. 95–104.
- Weisgerber, J. L.** Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1929. 170 S.

References

- Benedict, R.** The Chrysanthemum and the Sword: Models of Japanese Culture. Moscow, ROSSPEN, 2004. 256 p. (Transl. from Eng. into Russ.)
- Daijirin. Tokyo, Sanseido, 1995. (in Jap.)
- Dzhibladze, G. N.** Essence of Rousseauism. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1983, 131 p. (in Russ.)
- Grigoryev, A. A., Klenskaya, M. S.** Problems of quantitative analysis in the comparative research of associative fields. In: Language Consciousness and the Image of the World. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, IL RAS, 2000, p. 313–318. (in Russ.)
- Karaulov, Yu. N.** Indicators of national mentality in associative-verbal network. In: Language Consciousness and the Image of the World. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, IL RAS, 2000, p. 191–206. (in Russ.)
- Mentality of Russians (Specificity of Consciousness of Big Groups of Russia's population). Ed. by I. G. Dubov. Moscow, Imidzh-kontakt, 1997, 478 p. (in Russ.)
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu.** Russian Explanatory Dictionary. Moscow, Azbukovnik, 1999. 939 p. (In Russ.)
- Palkin, A. D.** Image of life in language consciousness of Russians and the Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 2, p. 91–105. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** Image of time in language consciousness of Russians and the Japanese. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 4, p. 5–15. (in Russ.)
- Palkin, A. D.** Russia and Japan: Dynamics of Morals. Moscow, Natalis, 2010, 432 p. (in Russ.)
- Russian Associations Dictionary. In 2 vols. Eds. Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Moscow, AST, Astrel, 2002, vol. 1: From Stimulus to Reaction, 782 p. (in Russ.)
- Sokolyuk, N. V.** Problem of parenthood in Russian philosophical tradition. *Vestnik TSEU*, 2010, no. 3, p. 119–134. (in Russ.)
- Tomova, L., von Dawans, B., Heinrichs, M., Silani, G., & Lamm, C.** Is stress affecting our ability to tune into others? Evidence for gender differences in the effects of stress on self-other distinction. *Psychoneuroendocrinology*, 2014, vol. 43, p. 95–104.
- Vladimirova, T. E.** To the origins of the Russian language and Russian mentality (on the basis of kinship terms). In: Problems of Russian Philology and Methodology of Teaching Russian and Literature: Joint Monograph. Eds. K. R. Nurgali, V. P. Sinyachkin. Moscow, Almavest, 2014, p. 191–217. (in Russ.)
- Weisgerber, J. L.** Muttersprache und Geistesbildung. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Verlag, 1929. 170 S.

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

12.07.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (ул. Остоженка, 38, Москва, 119034, Россия)

Alexei D. Palkin, Doctor of Sci. (Linguistics), Professor of the English Language Department, Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation)

p-alexis@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9865-1693

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

УДК 378 + 81'11

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного *

Б. Петерс

*Австралийский национальный университет
Канберра, Австралия*

*Грифитский университет
Брисбен, Австралия*

Перевод с французского А. Ф. Фефелова

Аннотация

Анализируемые в данной статье культурные стереотипы служат отправной точкой для разработки методики, позволяющей доказать реальность существования во французской лингвокультуре особого подхода к формулированию своей позиции, что дает право отнести его к [обыденным] культурным ценностям. Авторская методика целиком базируется на принципах прикладной этнолингвистики, которая представляет собой комплекс лингвокультурных процедур, называемых протоколами. Они ориентированы на достаточно продвинутый уровень изучающих иностранный язык, что позволяет им эффективно использовать различные языковые ресурсы, чтобы самостоятельно найти в них различные *культурные ценности*, связанные с изучаемой лингвокультурой. Реальность таких ценностей всегда более-менее гипотетична и потому требует подтверждения, чтобы стать объективной данностью. С этой целью разработан специальный протокол; в этой статье описан способ его надлежащего применения. Культурная ценность, описываемая словами «формулирование своей позиции / выражение своего мнения», раскрывается с помощью особого сценария, называемого (методико-)педагогическим. Этот сценарий представлен средствами *французского минимального* – французской версии универсального естественного семантического языка. Определяются границы объективности и надежности полученных студентами выводов: они являются, в конечном счете, результатом неизбежного обобщения, обязательного отвлечения от конкретных лингвокультурных ситуаций, которые всегда асимметричны и гетерогенны.

Ключевые слова

прикладная этнолингвистика, культурные ценности, культурные стереотипы, французский как иностранный, выражение своего мнения

Для цитирования

Петерс Б. Прикладная этнолингвистика о правильном использовании стереотипов в курсе французского как иностранного (пер. с фр. А. Ф. Фефелова) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

* Перевод осуществлен по публикации: Bert Peeters. Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE. Le cas de l'ethnolinguistique appliquée. DIRE n°9 | 2017 : *La stéréotypie des altérités : clichés, formules, langue de bois, lieux communs*. <http://epublications.unilim.fr/revues/dire> – ISSN 2260-1155. Published under a creative commons licence. Creative Commons Attribution – Pas d'Utilisation Commerciale – Pas de Modification 4.0 (CC BY-NC-ND 4.0).

© Б. Петерс, 2020

© А. Ф. Фефелов, пер., 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom *

Bert Peeters

*Australian National University
Canberra, Australia*

*Griffith University
Brisbane, Australia*

Abstract

The stereotypes envisaged in this paper serve as a starting point for a research protocol aimed at corroborating the reality, in French languaculture, of the cultural value of stance-taking. The protocol adopted here is part of a research paradigm called applied ethnolinguistics, elaborated for use with and by foreign language students whose linguistic competence is sufficiently advanced to enable them to use their language resources to discover, through essentially (but not uniquely) linguistic means, the cultural values typically associated with the languaculture they study. Since the posited values are hypothetical, corroboration will be required. A specific protocol (the one illustrated here) has been set aside for this purpose. The cultural value of stance-taking will be presented in the form of a pedagogical script expressed in *minimal French*, a descriptive tool based on the French version of the natural semantic metalanguage. Precautions are taken to ensure that end-users of such scenarios are aware that they are dealing with generalisations (which are unavoidable as languacultures are never homogeneous).

Keywords

applied ethnolinguistics, cultural values, stereotypes, L2 French, stance taking

For citation

Peeters, Bert. Making Proper Use of Stereotypes in the L2 French Classroom (translated from French by A. F. Fefelov). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 84–104. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-84-104

Краткое предисловие переводчика

Цель данного перевода больше, чем просто переложить содержание статьи на актуальную межкультурную и потому сопоставительную тему с основного для статьи французского и дополнительного английского языков на русский. Журнал, объявляя публикацию серии статей Берта Петерса в 4-м номере за 2019 г., планирует привлечь внимание к проблеме, если не стандартизации, то хотя бы некоторой гармонизации терминологии в области лингвокультурологии, называемой в иных странах и Linguoculturology, и Cultural Linguistics. Именно по этой причине метод семантизации терминов и слов, обладающих определенной значимостью («ценностью») в сопоставляемых или контактирующих культурах, реализован на базе несколько экспериментального подхода А. Ф. Лосева (см.: «Бытие. Имя. Космос». М., Изд-во «Мысль», 1993. С. 527–528, примеч. 212), что предполагает использование терминологических вариантов и смысловых связей «от переводчика» в квадратных скобках в самом тексте. При этом подразумевается не только текст от автора, но и текст его «свидетельств», т. е. анализируемый материал статьи, взятый из различных источников, в том числе художественных. Иная, более привычная стратегия реализована О. Н. Дубровской в переводе другой статьи этого же голландского по своим ономастическим корням автора (но ставшего Питерсом), опубликованной в журнале «Жанры речи» (2017. № 1 (15). С. 37–50). В терминах Ю. Найды ее перевод можно определить как ближайший естественный.

Следует также отметить, что статья опубликована в «новой» французской орфографии от 1991 г., почти повсеместно и дружно саботируемой, особенно во Франции (см., например, Фелов А. Ф. Грамматический аспект орфографических новаций в современном французском языке // Теоретические и методические аспекты прагматики: Сб. науч.-метод. тр. / Под

* Translated from: Bert Peeters. Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE. Le cas de l'ethnolinguistique appliquée. DIRE n°9 | 2017 : *La stéréotypie des altérités : clichés, formules, langue de bois, lieux communs*. <http://epublications.unilim.fr/revues/dire> – ISSN 2260-1155.

ред. Т. А. Перминовой; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 58–68. Что касается «атмосферы» вокруг реформы орфографии, то см.: *Фефелов А. Ф.* Защитники языка и лингвистическая наука // *Иностранные языки в научном и учебно-методическом аспектах: Сб. науч.-метод. тр.* / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 67–78). Ее следы видны в ряде цитируемых французских свидетельств, и эти орфографические раритеты не являются ошибками.

I. Нужно ли опасаться стереотипов?

«Поосторожнее со стереотипами!», «Я вам больше скажу – не следует доверяться стереотипам!» Таково на первый взгляд мудрое предостережение, которым многие спешат поделиться и там и сям, вопреки позиции двух авторитетнейших бельгийских литературных детективов Дюпона и Дю Пона¹, никогда не бравших на себя роль советчиков.

На страницах газет: «Вы еще молоды, будьте открыты! Учитесь познавать мир, других людей, их культуры, но не доверяйтесь расхожим стереотипам. Расизм начинается с них!» (Из выступления одного писателя перед учащимися коллежа в Либурне, деп. Жиронда. См. *Sud Ouest*, 22 mars 2011).

В воспоминаниях и мемуарах: «Самым открытым в этой семейной паре был якобы человек из северной Франции. Самой закрытой – женщина из южной Франции, гасконка. Не верьте, это стереотип» («Лионель о семье Жоспен». = *Lionel raconte Jospin* Paris, Seuil, 2010, p. 17)².

В книгах для бизнесменов: «Не доверяйтесь этим стереотипам. На самом деле, есть индонезийцы, отличающиеся маниакальной точностью, и неординарные японцы-экстраверты (хоть в это и трудно поверить) (Bruno Marion, «Как вести успешный бизнес с азиатами», Paris, Eyrolles, 2012, p. 29).

В соцсетях: «Если вы думаете, что вы, живущие здесь, лучше, чем они, живущие вон там, то это стереотип, который вводит вас в заблуждение» (*Viadeo*, 27 avril 2012).

В блогах: «Ни в чем не полагайтесь на расхожие или общепринятые мнения, остерегайтесь стереотипов и всевозможных догм (как политических, так и религиозных), все проверяйте и сверяйте (и не доверяйте это дело журналистам и, тем более, политикам) (<<http://amvdd.fr/php/blog.php?article=63>>, consulté le 23 aout 2016).

На интернет-форумах: «Нет, я как раз хотел сказать, что стереотипам доверяться не стоит, что не все евреи ювелиры или банкиры, что есть бельгийцы, которые не любят картошку-фри, и итальянцы, которые не едят макароны³...» (<<http://www.forum-religions.com/t57-juifs-messianique>>, consulté le 23 aout 2016).

Во всех этих призывах не доверять и не доверяться, приведенных выше, фигурируют стереотипы одного и того же типа, обозначенные у Шапира (Schapira, 1999, p. 1) и ранее у Гулиха (Gulich, 1981, pp. 344–345) как стереотипы мышления (*stéréotypes de pensée*)⁴⁽¹⁾. Они дефинируются следующим образом: «...способы фиксации различных верований, убеждений, общеизвестных мнений, предрассудков и даже суеверий, принятые в данном языковом сообществе», функция которых состоит в том, они «формируют совокупный образ членов дан-

¹ В оригинале чуть иначе: Dupond и Dupont с **одинаковым** произношением, что и нужно показать в переводе. Два героя бельгийского сериала комиксов *Les Aventures de Tintin*, созданные художником Hergé. – *Примеч. пер.*

² То есть Лионель Жоспен (Lionel Jospin), видный французский государственный деятель о себе и своей семье. – *Примеч. пер.*

³ Одна из французских дразнилок итальянцев (в классическом переводе) – макаронники, а не спагеттники. – *Примеч. пер.*

⁴⁽¹⁾ См. по этому вопросу Kauffer (2011). (Второй номер сноски в скобках здесь и далее **указывает на порядковый номер сноски в оригинале статьи.**)

ного сообщества и их представления о тех, кто к ним не относится» (цит. по: Amossy & Herschberg Pierrot, 2015, pp. 31–32). На этом основании они относятся к объекту исследования как социологии, так и другой, близкой к ней дисциплины, – социальной психологии. Последняя изучает, в частности, как и в какой степени «эти устойчивые коллективные представления обуславливают наше восприятие [социальной]⁵ реальности и ее интерпретации» (Galatanu & Gouvard, 1999, p. 3). Почти во всех этих случаях мы имеем дело со стереотипами, называемыми «этническими».

Среди стереотипов мышления есть категория таких, которые имеют и «вербальную форму фиксации», что и позволяет обозначить их как языковые или лингвистические стереотипы. Они представляют собой «устойчивые иногда спаянные словосочетания, состоящие из двух и более слов, образующие синтагматические единства и даже [цельнооформленные] предложения» (Scharifa, 1999, p. 2). Примером тому служат клише, афоризмы, лозунги, [знаменитые] цитаты, речевые формулы, пословицы, поговорки, и этот список можно легко продолжить.

Во многих случаях к таким стереотипам языка, как и к стереотипам мышления в целом, нужно, вне всяких сомнений, относиться с осторожностью. Но разве можно усомниться в обоснованности такого популярного речения, как «Да, это мое мнение, и я готов его отстаивать»? Или таких общеизвестных пословиц, как «Сколько голов, столько умов»?⁶ Есть и еще один момент. Если стереотипные суждения не заслуживают ничего, кроме недоверия и опасений, то почему наши высокоуважаемые коллеги-лингвисты рискнули выстроить на их основании целую теорию? Пусть пишут о них, исследуют, объясняют механизм их функционирования в речи, но можно ли воздвигать целую научную конструкцию на столь ненадежном фундаменте?

Оказывается, можно^{7 (2)}. Но, пожалуй, самый яркий пример тому мы находим в лице польского лингвиста Ежи Бартминьского, основателя Люблинской школы этнолингвистики. Его труды долго оставались недоступными «западной» лингвистике лишь потому, что были написаны на польском языке и были переведены на английский (см. Bartmiński, 2009) относительно недавно, оформившись в виде *когнитивной этнолингвистики*. Коллеги и ученики польского лингвиста по-прежнему издаются, в основном, на польском, хотя некоторые из них стали писать статьи и на английском. Название дисциплины связано с тем, что исследуемые стереотипы (извлекаемые из сознания) эксплицируются с помощью особого типа дефиниций, называемых когнитивными (Bartmiński, 2013), что дает возможность лучше, как они полагают, понять польскую народную культуру и хранимые в ней ценности. В трудах, опубликованных в 2009 г., Бартминьский сам употребляет термин польские стереотипы в связи с исследованием таких понятий [концептов], как *мать, дом, Родина... и немцы*, и это дало ему возможность получить интересные выводы о польской языковой картине мира (*l'image linguistique polonaise du monde*)⁸.

⁵ Первое появление квадратных скобок. Функция дополнений здесь и далее состоит в том, чтобы максимально полно раскрыть предметный и культурный контекст цитируемого высказывания – имеется в виду не вся и не любая реальность. – *Примеч. пер.*

⁶ В оригинале не умов, а мнений (*avis*). Это ключевое для статьи слово приходится менять. – *Примеч. пер.*

^{7 (2)} На основе идей американского философа Хилари Патнем (см., в частности, Putnam, 1990, 1994) и независимо от исследований школы Бартминьского во французской лингвистике, благодаря Жану-Клоду Анскомбру и Освальду Дюкро (Jean-Claude Anscombe et Oswald Ducrot), появилось научное направление, называемое *аргументативной семантикой* (*sémantique argumentative*), в котором понятие «стереотип» получило оригинальную теоретическую разработку, похоже вообще не связанную с понятиями «языковой стереотип» и «стереотип мышления». Это нисколько не унижает достоинств данного подхода, получившего развитие в ряде теоретических моделей, из числа которых стоит упомянуть семантику потенциальных аргументативов Ольги Галатану (*Sémantique des Possibles Argumentatifs*), относительно полное изложение принципов которой см. в (Galatanu, Olga. 2009).

⁸ На русском, именно в языковой картине, реконструируемой через языковое сознание, а не лингвистической, которая является продуктом научной лингвистики. – *Примеч. пер.*

II. Внутренние и внешние свидетельства, они же – полезные стереотипы

Вникая в содержание подходов Бартминьского, автор оригинала в полной мере понял восторг господина Журдена, поскольку осознал вдруг, что в течение нескольких лет он сам тоже имел дело с этническими стереотипами^{9 (3)} всякий раз, когда ему требовалось постулировать собственные гипотезы о существовании культурных ценностей в [культурной] реальности, или же подтвердить существование таковых, но выдвинутых другими исследователями. Отличие состояло только в том, что в своих рассуждениях он называл их по-другому: «внутренние» и «внешние» свидетельства. Так, в своем исследовании ценности [т. е. значимости] для французской культуры понятия *недоверия, сомнения* (*méfiance*) он [т. е. я] отталкивался от одного врезавшегося ему в память наблюдения майора Томпсона, ставшего *alter ego* французского писателя Пьера Даниноса (*Pierre Daninos*), согласно которому француз «с недоверием приходит в этот мир, не может избавиться от этого чувства, ни пока взрослеет, ни когда женится, ни на чиновничьей службе; и даже отправляясь на тот свет, он опасается какого-то подвоха, поскольку, пытаясь неоднократно преодолеть свою недоверчивость по примеру тех трусишек, у которых время от времени случаются приступы безумной храбрости, он неизменно становится жертвой своего внезапно нахлынувшего позыва доверчивости»¹⁰. Его осенило, что это ведь и есть *автостереотип*, т. е. образ самого себя или, другими словами, внутреннее свидетельство, которое, однако, подано и явлено как *гетеростереотип*, т. е. как образ другого, как внешнее свидетельство. Ранее эта связь, увы, прошла мимо авторского внимания Петерса (см. 2013а)... Еще в одной статье автора сей статьи (Peeters, 2015а) анализируется значимость для французской культуры [букв. *valeur culturelle française*] умения выкрутиться из затруднительной ситуации, обозначаемого словом *débrouille*, в связи с чем цитируется одно тонкое наблюдение члена Французской академии Бертрана Пуаро-Дельпеша¹¹ (*Bertrand Poirot-Delpech*), содержание которого таково: «Вам нужен пример кретина? Так, далеко ходить не надо – это бельгиец, все знают. Француз, он такой... Всегда сумеет вывернуться и выкрутиться... Грех называть такого хитрилу кретином. [Ферштейн?]».

В этом стереотипе реализуется [двучленное бинарное] противопоставление французов и бельгийцев, и потому его можно обоснованно отнести к разряду *биполярных*. В третьей моей статье (Peeters, 2013b) анализируется феномен французского *бухтенья и ворчанья* (букв. *râlage*)¹², и потому в ней приводится множество примеров на эту тему («*Les Français sont des râleurs*», «*La France, une nation de râleurs*» и т. п.), что позволяет выйти на тему значимости для французской бытовой культуры [снова от букв. французская культурная ценность] понятия «дух противоречия, несогласия» (*l'esprit de contestation*). Люди, хорошо знающие Францию и французов, вполне понимают, о чем идет речь, но в условиях обучения за границей требуется проводить своеобразное исследование, поскольку в учебниках по французскому языку такие вопросы не затрагиваются.

^{9 (3)} Работы Васюты (*Wasiuta*, 2008) и Небшеговской-Бартминьской (*Niebrzegowska-Bartmińska*, 2013) позволяют составить более полное представление о ней. Глава 5 книги Бартминьского (2009) – это перевод на английский язык старой польской версии статьи, опубликованной в 1985 г., что несколько снижает ее информативную ценность и актуальность.

¹⁰ В замечательном переводе с французского Р. Закарьян и Г. Сафроновой («Записки майора Томпсона». М.: Изд-во «Прогресс», 1970) этот пассаж находится в начале главы 2: Чудесная страна недоверчивости... и легковерия. К сожалению, в моей копии PDF страницы не указаны. Начало предложения в оригинале статьи опущено, поскольку оно никак не связано с темой недоверия. – *Примеч. пер.*

¹¹ У него их гораздо больше, конечно. – *Примеч. пер.*

¹² Предлагая соответствие *ворчанье*, русские словари не справляются с этим словом. Оно не чуждо, конечно, семантической структуре данного концепта (или культурного феномена, называемого автором ценностью). Но форма его проявления нарочито, даже преувеличенно экспрессивна, и поэтому для адекватной передачи лучше использовать глаголы и глагольные речения: *бухтеть, спорить по поводу и без, драть глотку, качать права*. К тому же надо напомнить о существовании почти полного лингвокультурного французского синонима *rouspéter*, неупоминаемого в статье. – *Примеч. пер.*

Можно ли использовать в целях изучения иностранного языка ту разновидность стереотипов, которая выше была задана рядом примеров? Вне всяких сомнений. Должны ли мы заниматься этим? Да. Цель состоит в том, чтобы заполнить, худо-бедно, ту лауну, которая уже многократно, но всякий раз безрезультатно обозначалась в специальной литературе (см., например, Fernández, 2016, p. 195). В учебниках по французскому языку приоритет отдается Культуре с большой буквы (т. е. высокой культуре); особенно тем ее областям, которые связаны с национальными традициями, историей, гастрономией, [классической] литературой, [классической] музыкой, искусством и другими «высокими сферами» (ср. Wang, 2010, p. 183); ну и, естественно, четырем базовым видам речевой деятельности с добавлением к ним грамматики и, иногда, практики перевода (Fernández, 2016, p. 191). Но в них не уделяется особого внимания проблематике культурных ценностей (*valeurs culturelles*)¹³. Культурой «с маленькой буквы», реализующейся в «поведенческих моделях, ценностях и убеждениях, жизненных установках, которые определяют ход жизни, как отдельного человека, так и культурного сообщества в целом» (Arismendi Gómez, 2014, p. 366), «связанной по преимуществу с коммуникативными компетенциями говорящих» и их обыденной жизнью (Wang, 2010, p. 183), эти учебники пренебрегают. Большинство преподавателей французского языка следуют их примеру и ориентируются исключительно на высокую культуру, Культуру с заглавной буквы. Обратная сторона такой ориентации состоит в том, что студенты не имеют возможности получить представление о реальных культурных нормах [букв. = ценностях, *valeurs*] той или иной лингвокультуры. Их знание рискует остаться не более чем поверхностным даже по окончании полного цикла изучения иностранного языка в государственных учебных заведениях. В качестве решения для преодоления указанного недостатка в свое время было уже предложено целенаправленно разрабатывать прикладную этнолингвистику (Peeters, 2013c, 2016), первый набросок которой появился онлайн на английском языке (Peeters, 2009) в то же время, что и английский перевод текстов Бартминьского. Обе этнолингвистики, и когнитивная, и прикладная, возникли и развивались независимо друг от друга, но их сблизило не только название, но и нечто более важное, а именно глубинная философия и той, и другой. Среди отличий следует указать на дидактическое предназначение прикладной этнолингвистики и ее специфический метаязык, особенности которого мы кратко раскроем в следующем разделе.

III. Базовые принципы прикладной этнолингвистики

В основание представляемой далее прикладной этнолингвистики положена идея (или гипотеза, если будет угодно) о необходимости и возможности «умного» использования некоторых культурнозначимых ресурсов преподаваемого языка, предполагающая поэтому выборочный анализ культурнозначимых моделей коммуникативного поведения и наблюдение некоторых тщательно отобранных общественных норм в качестве инструмента формирования у обучаемых свода релевантных для дальнейшего общения знаний о культуре. Данные ресурсы, будь то слова, метафоры, характерные устойчивые словосочетания или синтаксические структуры, равно как и характерные нормы [и «практики»] коммуникативного поведения будут выступать в таком случае в качестве катализатора процессов ознакомления с культурными ценностями и их усвоения.

Прикладная этнолингвистика предлагает комплекс исследовательских протоколов (этнолексикологический, этнориторический, этнофразеологический, этносинтаксический, этнопраг-

¹³ Здесь возникает серьезная культурная асимметрия: культурные ценности (понятие и выражение) давно и устойчиво ассоциируются в русской действительности с очень высокими явлениями и достижениями национальной культуры, а не с «феноменами» обыденной, низкой, бытовой, «этнографической» культуры вроде бухте-ня или самогонварения, как это следует из авторского контекста. Автор предлагает ведь различать культуры графически. Высокая – всегда Культура. А низкая – всегда культура. Это крайне ненадежный способ передачи содержательных различий в русской лингвокультуре. – *Примеч. пер.*

матический), разработанный для студентов с достаточно продвинутым уровнем языковой подготовки с целью дать им инструмент для распознавания и извлечения из доступных им языковых ресурсов различных культурных ценностей и установок, ассоциируемых с изучаемой лингвокультурой и ее носителями. Поскольку само заключение наблюдателя о существовании такой ценности носит гипотетический характер, для его подтверждения требуется провести процедуру валидации [проверку на соответствие реалиям культуры]. Для выполнения таковой разработан специальный протокол, называемый этноаксиологическим.

Начало работы с любым протоколом предполагает в качестве первого шага формирование подборки «свидетельств» – как внутренних, так и внешних. В нашем случае ответственность за такую подборку несут не студенты^{14 (4)}, а преподаватель, который может выбрать релевантные примеры из читаемых текстов или извлечь их из работ по прикладной этнолингвистике. Их оформление в виде размеченного корпуса не требуется, но материал может быть структурирован по различным признакам: по типу источника (внутренний / внешний); по часто повторяющимся (рекуррентным) формальным характеристикам; по типу тематической информации, содержащейся в примерах. Допускается и подборка, не имеющая строгой классификации. Основная цель состоит в том, чтобы организовать работу по анализу собранного материала на предмет извлечения из него стереотипных свидетельств (формы его проведения различны) и их последующей *дестереотипизации*. Суть этой последней заключается в том, чтобы определить степень стереотипности представленной культурной информации, разумеется, если таковая вообще там обнаруживается. Конкретное развитие анализа и его ход определяются фактором наличного времени.

Если объектом анализа стал какой-нибудь языковой факт или коммуникативная ситуация, то за этапами классификации и разбора примеров-свидетельств должно, в принципе, идти выяснение степени распространенности исследуемого языкового факта или коммуникативной ситуации, для чего понадобится поиск аналогичных фактов, а также углубленный лингвистический анализ, по завершении которого станет ясно, удалось ли выявить искомую культурную ценность. Если же отправной точкой анализа выступает сама гипотетическая культурная ценность и поэтому сразу задействуется этноаксиологический протокол, то классификация и разбор свидетельств позволят предложить сразу один или несколько культурных или педагогических гипотетических «сценариев», которые предстоит затем подтвердить [либо отклонить] с помощью новой подборки релевантных фактов речевого или коммуникативного характера.

В качестве иллюстрации сказанного далее будет дан анализ некоторых в большей или меньшей степени стереотипных свидетельств, связанных с феноменом выражения собственного взгляда во французской лингвокультуре. Свидетельства были классифицированы по тематико-семантическому признаку. Выражение собственного взгляда на вещи или отношения к ситуации является с точки зрения прикладной этнолингвистики гипотетической культурной ценностью, и потому для анализа нужно применить этноаксиологический протокол.

IV. Выражение собственного взгляда на вещи через призму стереотипов

А. Сколько французов, столько и мнений

«Что значит быть французом»? В этом вопросе, многократно возникавшем на протяжении веков, ясно просматривается аллюзия на знаменитый пассаж из «Персидских писем» Монтескье (ср. Mogeels, 2014, p. 68), а его риторика подразумевает стереотипный ответ. Вот первый, который задал сам себе британец Уильям Бойд (William Boyd) и сам же откровенно ответил на него, обозначив эту тему ключевыми словами *поспешное обобщение, французы, все они (généralisation hâtive, les Français, tout le monde)*. Цитирую:

^{14 (4)} Правила действий, предписываемые различными протоколами, могут варьироваться. Описываемая в статье процедура соответствует той, которая обычно реализуется самим автором в ходе учебного процесса.

«Мне придется ограничиться здесь своим поспешным обобщением. У меня сложилось впечатление, что французы заняты [анализом] своего жизненного опыта (= *le vécu*) более, чем какой-либо другой известный мне народ. Они размышляют, анализируют, [разбирают на винтики], смакуют, обсасывают, обглаживают его. О чем бы ни шла речь, – о чашке кофе, любовной интрижке, выборе места для саженца, глобализации, вине, иностранцах, погоде на дворе, молодом поколении или о громком политическом скандале, – **буквально каждый, все до одного стремятся донести свое личное мнение (*tout le monde, tout le monde, je crois, a une opinion*)**. При этом они стараются и как-то аргументировать его (качество аргументации оставляю в стороне). Я такого не наблюдал больше нигде» (François Armanet et Gilles Anquetil. «*Comment peut-on être français ?*», *Le Nouvel Observateur*, 1er juin 2006).

Самые важные тематические слова, выделенные мной жирным шрифтом, образуют [во французском языке] в силу своей повторяемости нечто вроде привычного устойчивого словосочетания, что подтверждается также словами словено-швейцарского актера-юмориста Гаспара Пруста (cf. IV, B ; IV, E): «Что-что, а мнение у каждого есть... Подумаешь!». Однако дело не только в том, что мнение есть у каждого француза. Бойд (да и прочие) намекает скорее на то, что французы не держат его при себе, а *спешат поделиться им* [с ближним]. Об этом как раз свидетельствуют американцы Ричард Гудман, побывавший во французской глубинке, и Давид Лебовиц, посетивший Париж. Они говорят как бы словами Бойда¹⁵:

«Трудно было ожидать, что предметом спора станет такая привычная в обыденной жизни вещь, как полив сада с огородом. Но это так. На юге Франции спорят. И особенно горячо – в деревушке, называющейся Сент-Себастьян Декэссон (St. Sébastien de Caisson). Разногласия возникли по поводу времени полива: утром или вечером? [...] Селяне и селянки разделились примерно на два равных лагеря и принялись излагать свою точку зрения по вопросу с такой горячностью, что я не переставал изумляться. Даже те, у кого не было ни сада, ни огорода также позволяли себе – да что позволяли! Считали своим долгом, я бы сказал! – высказаться по этому волнующему вопросу. [...] Я не знал, за кем пойти! Даже патрон газетного киоска в соседнем городке, куда я поехал за газетой, тоже **имел свое мнение по этому вопросу. Как и все остальные! (...had an opinion; everyone did!)** Вот она, настоящая дилемма! Полный сомнений и опасений, я решил перенести полив на вечер, когда лучи солнца потеряют свою жгучую силу (Goodman, 1992, pp. 118–119, 123).

«Когда я пришел в аптеку за выписанным мне врачом средством для разжижения крови, аптекарь вручил мне упаковку длиннющих игл для подкожных инъекций, а также вкладыш, в котором рассказывалось и показывалось, куда и как всаживать их (*to jab myself*). Глаза мои полезли на лоб, чему он был немало удивлен. Я подзабыл, что находился во Франции, где **всякий** стоящий за прилавком, равно как и все покупатели, **имел свое мнение [everyone... had an opinion]** и спешил поделиться своими советами и наработками по этой части. «Да, что вы, это проще простого. Вы сами справитесь – никаких проблем! Не надо только бояться. Действуйте только посмелее», хором посыпались подбадривания, и ни в одном голосе я не услышал и грана сочувствия» (Lebovitz, 2009, p. 114).

Поняв, что выражение собственного мнения является какой-то неотвратимой обязанностью для всех и каждого, Гудман испытывает потрясение, что подчеркивается употреблением местоимения *even* и восклицательного знака. Лебовица, напротив, этот факт французской культурной реальности не удивляет, и он принимает его как данность, как норму (*This being France, of course...*).

Что касается англичанина Уилла Рэндалла (Will Randall), то он, комментируя в схожей ситуации одну личную привычку, которую его соотечественники ценят, как ему показалось, меньше, чем он сам, сформировал *биполярный* стереотип «французы vs мои сермяжные соотечественники» («*French people*» vs «*my fellow countrymen*»). Категоричность стереотипа смягчается в некоторой степени наречием *normally* и словосочетанием *often seem to be*: «Как

¹⁵ Перевод английского текста, т. е. «свидетельств» на английском языке, мой. – *Примеч. пер.*

уж у меня повелось – никак не могу избавиться от этой привычки, – я тут же принялся объяснять “с разбивкой по пунктам”, кто я такой, почему оказался здесь и что я думаю об основных вопросах современности. Этот номер очень хорошо проходит обычно с французами, которые часто проявляют гораздо больше интереса, как мне кажется, к тому, что творится на нашей планете, чем мои соотечественники» (Randall, 2008, p. 159).

А что же говорят сами носители своей культуры, французы?

Слово [бывшему] депутату от [некогда влиятельной партии] Union pour un mouvement populaire Тьерри Мариани (Thierry Mariani): «Франция – это экстраординарная страна, в которой **каждый спешит высказать свое мнение** о телепередаче («**tout le monde a une opinion sur**») еще до того, как ее съемки закончатся» (в программе *Le Journal du Dimanche*, 11 décembre 2014)

Кутюрье Марк Жакоб (Marc Jacob): «У всех теперь свое мнение (я сужу по комментариям в своем Instagram’е), и все они правомерны» (recueillis par Carine Bizet, *Le Monde*, 22 avril 2016)

Еще один способ сказать примерно то же самое состоит в том, чтобы подчеркнуть низкое, близкое к нулю число тех, кто **не имеет** [своего] **мнения** («sans-opinion» или «sans-avis»):

«По всем поставленным вопросам доля “sans-opinion” часто крайне незначительна, и ею можно пренебречь. [Респонденты] почти без колебаний выбирают ответ “за” или “против”» (Kodmani, 2001, p. 31).

Jean-François Renaut: «Результаты показывают, что есть те, кто “за пешеходную” и те, кто “против”. Категории нейтралов (“ни за, ни против”) и отказавшихся (“**sans avis**”) отсутствуют» («Lafayette piétonne ou pas ? », *Sud Ouest*, 23 aout 2006).

Таким образом, если исходить из этих свидетельств, первое из которых принадлежит натурализованной француженке сирийского происхождения, а второе коренному французскому журналисту, то нужно принять как факт, что французы не любят попадать в категорию людей, не имеющих своего мнения, что и показывают результаты цитированных опросов.

В. Обо всем

Некоторые наблюдатели отмечают, что французы охотно высказывают свое мнение, суждение, «свое личное соображение» по любому вопросу – «обо всем» (*sur tout*). Американский социолог Лоуренс Уили (Laurence Wylie, 1909-1995) давно уже убедился в этом:

«А может быть дело в том, что **французам нравится высказывать свое “личное соображение” о чем угодно... (...avoir leur petite idée sur tout...)**. Американский врач будет говорить с вами о медицине, об интересных случаях из его практики, о новых методах лечения. А французский врач станет рассуждать с вами о музыке, о художественной литературе, обо всем, но только не о медицине» (Sophie Lannes, «Les Français épinglés », *L’Express*, 1er aout 1977).

В тональности свидетельства Уили нет поначалу особой категоричности (ср. *peut-être, en effet*), но далее она возникает (ср. *toujours, de tout*). Само свидетельство может быть отнесено к разряду *частично биполярных*, что прослеживается по грамматическим показателям: сначала – французы вообще, затем отдельный их представитель и обратная последовательность в представлении американского типа, который задан через отдельного, но типичного американского врача.

Это «первое впечатление», поведенное некогда иностранцами Уили (и совсем недавно Гаспаром Прустом, см. Gaspard Proust, IV, E) распространено также среди аутентичных носителей французской культуры, т. е. среди посвященных и приобщенных (*initiés*), которые, впрочем, могут фактически проживать как во Франции, так и за ее пределами. В свидетельствах Жилия Асселена (Gilles Asselin), перебравшегося в США, и журналистки из Лондона Аньес Пуарье (Agnès Poigier) встречаются все те же лексические маркеры: местоимение *tout le monde* (= *everybody*) и словосочетание *sur tout* (= *on all subjects*). Асселен не скупится, кроме того, и на интенсификаторы:

«Все и каждый имеет [здесь] свое мнение “обо всем” (**a une opinion sur tout**) и с завидной энергией провозглашает его» (Asselin & Mastron, 2005, p. 156);

«Во Франции каждый француз считает себя специалистом во всем» (**...they are a specialist on all subjects**) (Poirier, 2007, p. 142).

Ален Ремон и Ив Рукот наблюдают за французской лигвокультурой (*la langue-culture*) изнутри. Первый выражает свое мнение словами Асслена (*tout le monde a une opinion sur tout*), тогда как второй склоняется в пользу неопределенного местоимения *chacun* (= каждый). Кроме того, Рукот акцентирует малочисленность категории «француз без своего мнения». Вот их свидетельства:

«Я бы сказал, что все эти люди с положением в обществе ничуть не уронили своего достоинства от того, что признали свою неосведомленность и не стали скрывать отсутствие у них какой-то бы ни было позиции [по этому вопросу]. В конце концов, такое не часто встречается в нашем политико-информационном сообществе, представители которого (= **tout le monde**) обычно не стесняются заявлять о своем мнении по любому вопросу» (Alain Remond, «Pas de commentaires», *La Croix*, 17 mai 2011);

«[В силу того, что] свобода совести имеет [здесь] статус священного права, а гражданственность [возводится в ранг] второй природы, все пестуют свое мнение и добиваются права высказать его. Ох, как **редки те французы** [и француженки], которые живут просто так, **без мнения. В принципе, оно имеется [и высказывается] обо всем (a une opinion sur tout)**» (Roucaute, 2012, p. 246).

Адвокат Франсис Спинер и журналист из газеты «*Фигаро*» Брюно Сезнек обозначают действующих лиц с помощью местоимения 3 л. ед. ч.: «Француза понукают [и приучают] иметь свое мнение обо всем» (Szpiner & Seznes, 1999, p. 10). Конечно же, их единственное число имеет родовое [собирательное] значение. Таким образом, стереотипность [речевого поведения] имеет место, и она подтверждается массой примеров, подталкивающих к определению своей позиции [по тому или иному вопросу] и сообщению того, «что вы об этом думаете».

С. О том, чего я не знаю и в чем не смыслю

Недостаточная информированность крайне редко является сдерживающим фактором при выражении своей позиции по вопросу. Как заметил в этой связи Маньи, рисуя [с необходимостью] стереотипный портрет парижанина, «**иметь и [выражать] свое мнение о том, чего не знаешь (= sur ce qu'il ne connait¹⁶ pas)**» [– это искусство], которое требует особого «таланта» (Magny, 2010, p. 152). Впрочем, не будет ошибкой сказать, что этот типаж встречается и за пределами Парижа. С ним солидарен писатель и критик Арно Вивиан (Arnaud Viviant), указывающий на то, что «В наше время с его культурой, функционирующей как промышленное производство, каждый претендует на своё собственное мнение (= *tout le monde a une opinion*) и выкладывает его в Интернете». Это, однако, не стоит рассматривать как прогресс, поскольку, добавляет он, «эти интернет-активисты [доминируют не потому, что] **отличаются знанием предмета – они берут числом (mais leur avis prévaut)**» (см. Pascal Landré, *La Nouvelle République*, 25 septembre 2013). Увы, мало что изменилось с тех пор, когда Дюамель констатировал, «что ангажированный интеллектуал [считает своей обязанностью] **высказаться по любому вопросу (= sur tout), и прежде всего по тем, в которых он не разбирается (...qu'il connait mal)**. ... Какая-нибудь авангардная писательница-феминистка высказывает безапелляционное мнение по заковыристому юридическому вопросу; светило медицины столь же категоричен в вопросах о развитии ядерной энергетики; знаменитый астрофизик готов без колебаний вмешаться с авторитетным мнением в дискуссию об абортах. Специалист по Древней Греции охотно делится мнением об организации избирательного процесса. Отставной генерал судит о [французском и бельгийском] епископате, на что [фран-

¹⁶ Вот она, «новая» французская орфография от 1991 г.: акцент (циркумфлекс) опущен. – *Примеч. пер.*

пузский] епископат без колебаний отвечает симметричным контрударом и дает пространственные советы по вопросам оборонной стратегии» (Duhamel, 1985, p. 109).

То же вещают с амвона менее или совсем не сведущие знатоки, например голландка Хелена Остервельд (Heleen Oosterveld): «Когда дело доходит до [высокой] кухни, то каждый француз дает понять, что знает все ее секреты; даже тот, который никогда не стоял у плиты» (Oosterveld, 1999, p. 143).

Или цитированная выше Хала Кодмани:

«У них можно поднимать любую тему по любому вопросу – экономики, кризиса в международных отношениях, религий, природных катастроф, естественных наук или медицины, – и мало будет тех, кто признается в незнании или некомпетентности. У них, конечно же, все уже обдумано, и [потому] они не стесняются делиться своей точкой зрения по массе проблем [настоящего и прошлого], включая и те, по которым нет достаточной информации» (Kodmani, 2001, p. 28). И она приводит затем множество конкретных примеров о французах, рискующих показывать свое компетентное мнение в ситуациях, когда оно явно выглядит нефундированным, необдуманым или неуместным. Вот некоторые из них:

«Вполне резонно, когда управляющий супермаркета бросается объяснять особенности эволюции потребностей французских покупателей, но когда он с тем же апломбом решает поведать об опасностях видеоигр для здоровья подрастающего поколения, то есть повод усомниться в [истинности] его откровений. Французы любят выставлять напоказ свою подкованность в различных областях, очень далеких от сферы их деятельности. Ревматолог, у которого я лечусь, беспрестанно разглагольствует об обоснованности союза между Саддамом Хусейном и США. А моя парикмахерша – «спец», каких мало, по гомеопатии. Если бы не мой банковский советник, я бы и не знала, что выхлопные газы автотранспорта никак не влияют на наше здоровье. А вот курение, ну это совсем другое дело... оно-то и губит...» (Kodmani, 2001, p. 29).

Подобные интеллектуальные претензии настолько раздражают журналистку, [представляющую сирийско-французскую культуру], что резкость ее заключения уже не удивляет:

«Французы убеждены, что их здравый смысл самый здравый, а их опыт жизни [не может подвести], безошибочно направляя мысль (*les meilleurs guides de leurs pensées*). Им и в голову не приходит проявить хоть толику скромности, когда они имеют дело с суждениями компетентных специалистов, подтвержденными практикой» (Kodmani, 2001, p. 29).

В представленных выше свидетельствах обнаруживаются те же формальные признаки, что и в предыдущих случаях.

Д. О том, что еще неизвестно с достоверностью

Та легкость, с которой некомпетентность [исследуемого «культурного контингента»] массово демонстрирует себя в выражении собственного мнения, взгляда или позиции, сопоставима у них лишь со страстью формулировать **свои** версии и догадки в условиях недостатка информации.

Так, французский писатель Жан Тирелли предлагает на суд читателей своего «романа»¹⁷ *Le journal d'une cloche* («Дневник одного клоша»), хронику раздумий французского клошара [т. е. колоритного бомжа] Жанно Клоша. 16 мая тот делает следующую запись о [нашумевшем] деле, кодируемом во Франции тремя заглавными буквами ДСК (от DSK^{18 (7)}) (Jean Tirelli 2012, p. 125).

¹⁷ Слово заключено в кавычки автором статьи. – *Примеч. пер.*

^{18 (7)} Эта дата, как и упоминание в ней других характерных деталей, опущенных здесь, неопровержимо указывает на то, что речь в дневнике идет именно о деле Доминика Стросс-Кана (т. е. DSK), [известнейшего] французского политического деятеля, экономиста, возглавлявшего некогда МВФ, ставшего фигурантом дела по обвинению в изнасиловании [чернокожей] горничной в номере одной нью-йоркской гостиницы.

Эта запись гласит: «Самое смешное в этой истории то, что никто не знает [еще], что же произошло на самом деле. Но **все уже торопятся поделиться своим мнением. Чем меньше знаешь, тем больше у тебя фактов**».

Уклонение Жанно от этой нормы поведения, вызывает [закономерное] раздражение, направленное недоверчивостью, со стороны другого персонажа, Робера, переданное в следующих словах:

«Робер пристаёт и допытывается, что я обо всем этом думаю. Когда я ему ответил, что ничего не думаю, что надо еще подождать, он мне бесцеремонно: “Не ломайся! Давай выкладывай!”» (Jean Tirelli 2012, p. 125).

Во французском языке есть специальные обороты, которые обычно указывают на преждевременность выражения своего мнения или формулировки позиции. Это глагольная конструкция у *aller de*, также существительные *idée* и *théorie*, которые могут дополняться прилагательным *petit*.

Покажем их в действии. Жюльен Кокэ (Julien Coquet) сообщает о причинах закрытия двух пляжей так: «**Tout le monde y va de son idée** mais personne ne sait ce qu’il se passe vraiment ». В русском варианте получаем: «Здесь все гадают и пытаются понять, но на самом деле никто толком ничего не знает». И далее: «Ясно только одно, если запрет на купание затянется, то весь наш летний сезон пойдет коту под хвост» (Propos de Patrice Durvin, patron d’un bar-tabac à Plougonvelin (Finistère), rapportés par Julien Coquet, « Plougonvelin: deux plages fermées pour pollution », *Ouest France*, 29 juillet 2011).

Аналогичный пример из другой региональной газеты с тем же оборотом **tout le monde y va de sa petite théorie**: «У нас нет никакой информации о ходе расследования. Впечатление складывается такое, что оно застопорилось... Ну и понятно, что у **каждого появилась своя скромная теория** на этот счет» (Propos anonymes rapportés par M.R., « Des témoignages d’affection pour une jeune femme de tous les combats, et la colère contre “celui ou ceux qui ont fait ça” », *La Voix du Nord*, 24 juin 2011).

Описывать в цитированных выше словах состояние дел – значит поступать по стереотипным образцам. Суть не в том, все (*tout le monde*) или не все. По этим двум оборотам видно, что каждый хочет откликнуться и потому формулирует свое мнение. Местных жителей это настолько задело (первый пример) и напугало (второй пример), что они без колебаний и предубеждений обсуждают ситуацию, не обращая внимания на то, что новые факты могут легко показать несостоятельность их «личных теорий» произошедшего.

Впрочем, в примерах приведенного типа вместо местоимения *tout le monde* в функции подлежащего может употребляться неопределенное местоимение *chacun* без изменения смысла высказывания:

«[Однажды], на заснеженной дороге, всего в нескольких шагах от дома появились чьи-то следы. С тех пор каждый [житель деревни] ведет свое личное расследование» = **chacun y va de son idée** (J.C., « Cierp-Gaud: un ours a-t-il traversé le village ? », *La Dépêche du Midi*, 16 février 2010);

«Чтобы разрешить возникшую проблему с жильем, каждый предлагает свой план = **chacun y va de sa petite idée**» (Julie Joly, « Trois idées pour une crise », *L’Express*, 30 novembre 2006);

«Причина появления анонимок окутана мраком тайны. Кто это сделал? Неизвестно. Зачем? Просто глупая шутка? Или это жертва давней обиды, решившая, наконец, расквитаться? Личная месть? **У каждого** жителя деревни Saint-Symphorien [не Гадюкино ли это?] **есть своя собственная версия** (= **Chacun y va de sa petite théorie**), и отдел жандармерии не исключает пока ни одну из них» (Amandine Bourgoïn, « Sur les traces du corbeau de Saint-Symphorien », *Paris Match*, 30 mai 2014).

Во всех трех приведенных примерах описывается некое нарушение привычного хода жизни, вызывающее обеспокоенность местного общества. Причина аномалии во всех случа-

ях еще не установлена. В результате все начинают строить догадки, каждый хочет вложить свою лепту, и этот процесс развивается по стереотипным [лингвокультурным] моделям.

Е. Воздержание противопоказано

Выражение своей позиции [во Франции] ценится [и приветствуется]. Вот недвусмысленная позиция по этому пункту одного информанта, аутентичного носителя [французской лингвокультуры], причем в его формулировке личной точки зрения нет ни малейшей стереотипности:

«Высказывать свою точку зрения надо (= **Il faut donner son opinion**). Все время. Постоянно. Если есть, что сказать – не молчи. Без этого в жизни будет застой» (см. Mullan, 2010, p. 33).

Тем не менее сама эта точка зрения является очень распространенной и потому тоже может формулироваться по стереотипной модели (= *se prêter au stéréotypage*). Это хорошо видно в свидетельстве уже упомянутого словено-швейцарского актера и юмориста Гаспара Пруста (*фр. Gaspard Proust, слов. Gašper Pust*), где стереотипность подчеркивается интенсификаторами *bien français* и *forcément*:

«А! Мнения? Что-что, а мнения есть у каждого. Я даже не вижу причин говорить о своих! Не понимаю, что в них может быть особо интересного. Вам интересно знать, кто моя девушка-подружка? Держу ли я собаку? А вот для французов все наоборот! Вынь да положь свое мнение и обязательно расскажи о нем всем» = *Mais ça, c'est bien français ! Il faudrait forcément avoir des opinions sur tout et les donner à tout le monde* (см. Antoine Delacou, “Le costume du bouffon me va bien”, *La Montagne*, 28 novembre 2013).

В период избирательных кампаний, когда число не пришедших на голосование или опустивших в урну незаполненный бюллетень [во Франции эту категорию обозначают словом *sans-opinion*, т. е. букв. «без мнения»] начинает расти, всех этих «абстенционистов» призывают к порядку^{19 (8)} с помощью заклинания *Il faut donner son opinion* (т. е. «надо [прийти] и выразить свое мнение»).

А вот каковы умонастроения [другого информанта] натурализованного француза родом из Буркина Фасо: «Я с нетерпением ждал момента, когда я смогу проголосовать; я считаю, что пренебрегать этим правом ненормально. Надо заявлять о своей позиции на выборах (= **Il faut donner son opinion**) даже тогда, когда ты недоволен» (см. Anon., « Assanatou peut enfin voter... », *Presse Océan*, 5 avril 2010).

Анонимный избиратель из Лезиньяна (*Lézignan*) об отношении к воздерживающимся от голосования на выборах тоже говорит стереотипной формулой: «Что касается неучастия, то, на мой взгляд, это плохо: голосовать надо – за белых, за синих, за красных – [не важно], но надо обязательно (= **Il faut donner son opinion**)» (см. « Campagne et abstention: les citoyens s'expriment », *L'Indépendant*, 31 mars 2014).

Вменение в обязанность высказывать свою позицию может, конечно, «напрягать» тех, кто не привык осознавать каждый свой шаг. Ниже приведено свидетельство информантки из США, приехавшей во Францию на курсы по французскому языку, [языковые ошибки которой в переводе отражаться не будут]:

«[...] если меня будут [и дальше] заставлять говорить о вещах, которые меня не интересуют, то лучше уж сразу уехать отсюда; я не затем ехала во Францию. Я же не француженка, и не хочу становиться француженкой... в общем, за мной всегда остается право говорить только о том, о чем я хочу говорить» (см. Kinginger, 2004, p. 237).

^{19 (8)} Эрик Эшиманн напоминает в этой связи [откровенное, хотя и несколько взволнованное] мнение греко-французского философа Корнелиуса Касториадиса (*Cornelius Castoriadis*), высказанное в [далеком] 1983 году: «Какие же кретины все эти нейтралы, абстенционисты, не-поставившие-галочку, ни-за-левых-ни-за-правых!». Но, констатирует Эшиманн, «с тех пор прошло уже 25 лет, а «кретины» по-прежнему чувствуют себя неплохо [в своей социально-политической нише]. Пожалуй, пора уже признать это и воздать им должное» (*Eric Aeschmann, « Athènes sans isoloir », Libération*, 19 juin 2008).

Отсюда следует, что у информантки Алисы сложилось стойкое впечатление, что во Франции нужно уметь говорить на любую тему, в том числе на такие, которые ей не интересны. В этой позиции проявляется, конечно же, стереотипный образ страны. Не желая подвергаться аккультурации, она сохранила за собой право не следовать примеру других. Однако примерно через два года после описанного эпизода та же информантка Алиса призналась, что за прошедший период пребывания во Франции ее образ мыслей заметно изменился. Эта трансформация идентичности является чрезвычайно показательной в том, что касается различий между французской и американской лингвокультурами по вопросу о выражении своей позиции. Приведем диалог, подтверждающий сказанное, буква А в нем = Алиса Alice, а буквы СК обозначают преподавателя-исследователя²⁰ (см. Kinginger, 2004, p. 238).

А.: Этот Седрик совсем достал меня тогда... Я таких не люблю... Я стала отбиваться, как могла... А что ты думаешь, Алиса, про все эти [американские] бомбежки... А я не такая... Мне на это наплевать... Я [здесь] живу, а не там. Я не знаю, кто там кого бомбит, [и знать не хочу]. Мне это до лампочки! А он такой... настырный... Да что ты такое говоришь! Это, [видите ли,] очень безответственно! Ты же знаешь, что это вы бросаете бомбы на людей. А я такая... вот! Не я же сижу в этом самолете? Так? Ну и ты [тоже] прав [...] Ну, и все такое... а потом, вы знаете, что было? Он так давил-давил на меня, прессовал-прессовал, ну и я понемногу-помаленьку стала понимать, что к чему... стала политически информированной и подкованной, [как он говорит].

СК.: И ты думаешь, что это... что это все еще продолжается? Я хочу сказать...

А.: Да.

Цитированная выше [натурализованная француженка] Хала Кодмани также признается, что ей не удалось «достичь высот» своих новых соотечественников, когда ей нужно высказаться по какой-нибудь проблеме, не связанной с ее профессией:

«Я еще понимаю, когда от меня ждут ясного выражения позиции по вопросам, прямо касающимся меня, но с какой стати вы ждете от меня мнений по ядерной проблематике, по PACS²¹, об Интернете, о каком-то там телеведущем, о фаст-фуде?» (Kodmani, 2001, p. 32).

А в приводимом Беалем свидетельстве одного австралийца, работающего во французской компании из Мельбурна, тот жалуется, что неоднократно подвергался со стороны своих коллег-французов «интеллектуальному прессингу» (= *s'était senti « mis sur la sellette »*), поскольку иногда он не знал совсем, что сказать в ответ. Он связывает такой тип рабочих отношений с французской культурой в целом, хотя и вносит некоторые «нюансы» [впрочем, тоже типичные] в этот стереотип (см. *it seems important, just about*). Вот его признание:

«**Как я понял** (= *it seems*), во Франции ценится способность дать свое суждение **практически по** (= *on just about*) любому мыслимому вопросу. Я, видите ли, обязан (= *must*) понимать, что происходит [сейчас] в России, и что я думаю про этот их Париж... Понравился или не понравился? А почему? Будто скажу, и тогда наступит счастье [и все будет чин-чинарём]... А еще спрашивали про Лондон и про англичан, про то, что происходит в самой Австралии, про политическую ситуацию у нас...» (Béal, 2010, p. 374 – 375).

Эта французская установка [и культурная норма] на «всезнайство» поощряется, однако, не везде и не является универсальной. Об этом идет речь в свидетельстве очередной наблюдательницы-информантки японки Аими (Aïmi), которая, приехав в 2002 году во Францию, поняла, что она была совершенно не готова к жизни в новой реальности. Испытанный куль-

²⁰ Английский оригинал монолога Алисы тоже необходим. Он показывает все «прелести» понимания и перевода настоящей устно-разговорной речи, будь то американская Алиса или ее литературный прототип Эллочка.

А.: I had a huge fight with this guy named Cedric because he was like, what do you think about this whole bombing thing? I'm like, I don't care! I'm not there, I don't know what's going on, I don't care! He's like, how can you say that, that's so irresponsible! You know you're dropping bombs on people. I'm like, yeah, I'm flying the plane, that's right, you're, yeah you're right [...] and so then, you know, he actually did in a roundabout indirect way force me into having a political s-, you know hav-having a political awareness.

²¹ Точнее, *Pacs*, т. е. *le pacte civil de solidarité* – упрощенная форма легализации сожительства двух совершеннолетних лиц независимо от пола, узаконенная во Франции 15 ноября 1999. Существует и глагол *pacser*.

турный шок был суров, поведала она четыре года спустя французскому журналисту из *Journal du Dimanche*, когда ей было уже 30 лет:

«Для нас, японцев, Париж – это город мечты, где живут исключительно лишь красивые и элегантные люди. Мы идеализируем французскую кухню, моду, походы по магазинам на Елисейских полях. А потом наступает прозрение... Японец начинает понимать, что французский характер представляет собой нечто строго противоположное японскому. Здесь нас начинают понукать к [беспрестанному] высказыванию собственного мнения, а в Японии, наоборот, приучали не высовываться с ним, говорить, не размахивая руками, запрещали прикасаться друг к другу» (см. Charlotte Langrand, «Quand Paris fait déjancer les Japonaises», *Le Journal du Dimanche*, 22 octobre 2006).

В свидетельстве Аими выявляется биполярная стереотипия (un stéréotype bipolaire), поскольку в нем видны как автостереотипы (*nous, les Japonais*), так и гетеростереотипы (*les Français, vous*). В действительности ее культурный опыт вряд ли сильно отличается от образа, данного в свидетельстве, где она, указывая на японскую нацию, прячется за формами множественного числа. Французский язык она учила, вероятнее всего, в Токио или в каком-нибудь другом крупном японском городе, а в учебном материале были «темы» по кухне, моде, шопингу на Елисейских полях, но там не говорилось о «неких» культурных ценностях вроде [давней общефранцузской] установки на выражение своей позиции [т. е. критический анализ окружающей реальности]. Отсюда и описанное выше «открытие», которое она сделала по приезду в Париж. Для французской социологии в этом никакого открытия нет, поскольку, как пишет Филипп д'Ирибарн, желание «засунуть свою точку зрения себе в карман, отказавшись от ее защиты до победного конца /.../ будет воспринято /.../ как явный признак неуверенности в себе (Philippe d'Iribarne, 2006, p. 108). Другими словами, отказ от выражения точки зрения есть признак слабости.

V. Культурные и методические сценарии

Напомню, что отправной точкой в иллюстрации этноаксиологического протокола стала одна гипотетическая культурная ценность, а именно умение формулировать свою позицию / точку зрения. Простое ознакомление с подборкой свидетельств позволяет, не проводя никакой классификации, убедиться, что во французской лингвокультуре (*langue-culture*) выражение мнения и, в общем виде, свобода слова (*liberté de parole*) – это святое. Для носителя французской культуры в этом никакого секрета нет, но студентам-иностранцам, изучающим французский язык и культурные нормы Франции, эту «невидимую очевидность» (Carroll, 1987) надо эксплицировать. Прикладная этнолингвистика обращается в этом случае к естественному семантическому метаязыку²² (ЕСМ), разработанному Анной Вежбицкой и Клиффом Годдардом (см., например: Goddard и Wierzbicka, 2014), который позволяет избежать введения [сложной] лингвистической терминологии [традиционно называемой в англоязычных странах жаргоном] и прочих специальных терминов, заменив их универсальным минимальным словарем, выделенным эмпирически и включающим 65 семантических примитивов (*primitifs sémantiques*). Он дополняется [такой же экономной] универсальной грамматикой, определяющей правила комбинаторики семантических примитивов. Использование ЕСМ позволяет осуществить описание [различных лингвокультурных ситуаций и проблем] на языке, понятном не только для носителей французской культуры, но и для иностранцев, поскольку все языковые версии ЕСМ (английская, французская, японская и т. д.) строго изоморфны, что позволяет реализовать их взаимный перевод без искажений. Если выбрать в ка-

²² (9) На французском языке базовую информацию о ЕСМ можно получить в Peeters (2010, 2012). На английском она доступна в сети по адресу <https://www.griffith.edu.au/humanities-languages/school-humanities-languages-social-science/research/natural-semantic-metalanguage-homepage> [URL réduite <http://bit.ly/1XUoRRV>]. Там же представлена достаточно полная библиография по этой проблематике.

честве исходной точки лингвокультуру французов, то по теме «свобода слова / выражения» можно предложить следующий культурный сценарий^{23 (10)}.

Культурный сценарий, эксплицирующий формирование свободы слова во французской лингвокультуре (= кто-нибудь хочет сказать что-нибудь), который развивается по языковой схеме «**quand j'y pense, je pense comme ça**» (когда я задумываюсь об этом, то мне приходит в голову вот что) и подкрепляется фоновой установкой «хорошо, когда он / она могут высказать это, и плохо, когда он / она не могут высказаться»

Поскольку студент-иностранец всего лишь осваивает [французскую] лингвокультуру, имеет смысл заменить этот культурный сценарий [методико-]педагогическим, составив его в виде облегченной версии изучаемого иностранного языка на базе предлагаемого ЕСМ. В таком случае всегда остается возможность что-то подкорректировать с учетом изменяющихся педагогических задач.

Альтернатива состоит в том, чтобы разработать облегченную версию на первом языке студента-иностранца или же на английском, который уже выполняет функцию *lingua franca*. В рамках теории ЕСМ в данном случае подразумевается создание *минимального* языка (французского, английского, китайского и т. д.), при этом педагогический сценарий ориентирован от иностранной лингвокультуры [от внешней, от наблюдателя] к своей для студента [внутренней]. Если взять пример с минимальным английским²⁴, то процесс обучения и общения с обучаемыми развивается либо с точки зрения транскультурного преподавателя, либо с точки зрения обучаемого, [вынужденно] обращающегося к самому себе непременно посредством местоимения *you* в родовом значении.

Педагогический сценарий, эксплицирующий нормирование свободы слова во французской лингвокультуре на *основе минимального английского*:
 Надо [сказать] так, потому что так думают многие;
 когда вам нужно выразить свое мнение о чем-нибудь, то схема такая: «когда я размышляю / задумываюсь об этом, то я думаю так...»;
 или «хорошо, если вы можете [= имеете возможность] сказать это..., плохо, если вы не имеете возможность сказать это»
 = it is like this (because many people think like this): if you want to say about something: “when I think about it, I think like this: [...]”, it is good if you can say it, it is bad if you can't.

Что касается французского минимального, то в нем полной эквивалентностью обладают только местоимение *on* (хотя в устно-разговорном все чаще употребляется и местоимение *tu*)

^{23 (10)} Он представляет собой прямой перевод с английской оригинальной версии, представленной в (Goddard & Ye, 2015, p. 77). Это вполне приемлемо, потому что в такой предельно общей формулировке обозначенная общественная установка востребована и отстаивается очень многими лингвокультурами, включая англоориентированные (т. е. «anglo»).

^{24 (11)} Минимальный английский не есть некая неизменная постоянная величина. Он подвергается легким вариациям теми, кто его использует в качестве инструмента. Поэтому в английском языке он обязательно детерминируется неопределенным артиклем. То же самое касается и других языков, различающих *грамматическую* определенность и неопределенность. [В «безартиклевым» русском языке вариативность минимального языка тоже осознается, но на других основаниях.]

и оборот *c'est bien / mal que* + subjonctif. Есть еще оборот *c'est bien / mal si* + indicatif, практически эквивалентный первому, но в нормативном отношении предпочтительнее оборот с субжонктивом – он частотнее.

Педагогический сценарий, эксплицирующий нормирование свободы слова во французской лингвокультуре на *основе французского минимального* по схеме *c'en est ainsi (parce que beaucoup de gens pensent comme ça)*:
 когда есть желание сказать что-нибудь, то «*quand j'y pense, je pense comme ça : [...]*»,
c'est bien qu'on puisse le dire, c'est mal qu'on ne puisse pas le dire

Как было сказано выше, установка на свободу слова (= *liberté de parole*) ценится во многих лингвокультурах, однако ее содержание и реализация в различных лингвокультурах варьируется. Анализ свидетельств и, если требуется, их «дестереотипизация», позволяют прийти к выводу, что во французской лингвокультуре выражение своей точки зрения / позиции (*prise de position*) получило очень высокую, «экстремальную» значимость.

Культурный сценарий, эксплицирующий сверхвысокую значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультуре, по схеме:
c'est bien si les gens disent de beaucoup de choses : « quand j'y pense, je pense comme ça : [...] »
ils peuvent le dire quand ils savent beaucoup de choses de ces choses
ils peuvent le dire quand ils savent peu de choses de ces choses
ils peuvent le dire avant qu'ils ne sachent quelque chose de ces choses

Переписанный с помощью минимального английского, этот культурный сценарий превращается в следующий педагогический сценарий.

Педагогический сценарий, эксплицирующий значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультуре на *минимальном английском* по схеме:
it is like this (because many people think like this):
it is good if you can say about many things: "when I think about it, I think like this: [...]"
you can say it when you know a lot about these things
you can say it when you know little about these things
you can say it before you know anything about these things.

Что касается французского минимального, то снова приходится использовать неопределенно-личное местоимение *on* и оборот *c'est bien que*.

Педагогический сценарий, эксплицирующий значимость выражения своей точки зрения / позиции (*prise de position*) во французской лингвокультурной среде на *французском минимальном* по схеме

c'en est ainsi (parce que beaucoup de gens pensent comme ça) :
c'est bien qu'on puisse dire de beaucoup de choses : « quand j'y pense, je pense comme ça : [...] »

on peut le dire quand on sait beaucoup de choses de ces choses

on peut le dire quand on sait peu de choses de ces choses

on peut le dire avant qu'on sache quelque chose de ces choses

VI. Аутентификация культурного и / или педагогического сценариев

Будет самообманом полагать, что предложенные выше сценарии позволят автоматически избежать стереотипизации явлений (= *stéréotypage*). Максимум, что можно утверждать – это то, что культурные и педагогические сценарии, базирующиеся на [более объективных] подходах прикладной этнолингвистики, являются определенной гарантией от [формулировки] новых стереотипов по сравнению с часто поверхностными и поспешными свидетельствами, на материале которых они возникли. Стереотипизация связана прямо с [логической операцией] обобщения, а обобщения избежать невозможно, можно лишь постараться «не заходить в них слишком далеко» (= *trouver le juste milieu*).

Какой же вид принимает далее этноаксиологический протокол, который мы постарались проиллюстрировать в статье? Он предполагает [на своем следующем шаге] обращение к экстралингвистическим компонентам [исследуемого явления лингвокультуры], которые и позволят *подтвердить аутентичность* сценариев (= *corroborer les scénarios*), [их соответствие реальному вербальному поведению] и оценить распространенность привычки к выражению своей точки зрения / позиции (*prise de position*). К этим экстралингвистическим компонентам относится, например, «опросомания», т. е. безумное увлечение соцопросами (= «*sondomanie*»), печатные издания, формирующие общественное мнение, теледебаты, дискуссионные кафе (= *cafés philo*) и т. п.

Языковое подкрепление [лингвокультурной аутентичности] – это введение многочисленных французских адвербиальных выражений соответствующей семантики (*à mon avis, à mon idée, à mon sens, à mon sentiment, à mes yeux, à mon goût, selon moi, d'après moi, pour moi...*), столь же многочисленных глаголов «личного мнения» *je trouve que, je crois que, je pense que, j'estime que, je considère que, je juge que, m'est avis que, j'ai une théorie, j'ai ma petite idée...*, оборотов с той же семантикой (*cela n'engage que moi, c'est juste mon avis perso, c'est vrai que P mais bon, c'est mon opinion et je la partage, à chacun son opinion, chacun a sa petite idée, autant de têtes autant d'avis, du choc des idées jaillit la lumière...*) и переносных выражений вроде *défendre son bifteck, avoir son mot à dire, inspecter les travaux finis, refaire le monde, donner une réponse de Normand, rester au milieu du gué, opiner du bonnet...*, коих во французском тоже пруд пруди.

Заключение

Теперь мы можем лучше понять, какую роль играют стереотипы (если не все, то некоторые из них) с точки зрения прикладной этнолингвистики. В отличие от когнитивной этнолингвистики Бартминьского, стереотипы рассматриваются ею как средство достижения определенной [прагматической] цели. На этом пути они, находясь в самом начале цепочки, вступают во взаимодействие с другими ее звеньями, имеющими столь же большое значение

на пути к конечной цели. В результате мы получаем в распоряжение критерий, позволяющий отличить «хорошие» стереотипы (к ним мы относим те, которые могут быть признаны объективно существующими) от «плохих»; эти последние не отвечают критерию объективности и скорее представляют собой предрассудки. В первом случае, как правило, можно обнаружить достаточно большое число дополняющих звеньев-компонентов, что позволяет трактовать исследуемую культурную ценность уже как реальную, а не гипотетическую. Во втором таких дополнительных фактов оказывается недостаточно (либо же они отсутствуют вообще), заключение о существовании постулированной в начале процесса культурной ценности может быть только негативным. Другими словами, отправная гипотеза терпит крах.

Список литературы / *Références bibliographiques*

- Amossy, R., & Herschbrg-Pierrot, A.** (2016). *Stéréotypes et clichés : langue, discours, société*. Paris, Armand Colin.
- Arismendi Gómez, F. A.** (2014). Culture et formation des futurs enseignants de langues : le cas d'un programme de licence dans une université publique en Colombie. *Lenguaje*, 42, 363–387. <<http://hdl.handle.net/10495/2752>>.
- Asselin, G., & Mastron, R.** (2005). *Français – Américains : ces différences qui nous rapprochent*. Paris, Alban.
- Bartmiński, J.** (2009). *Aspects of cognitive ethnolinguistics*. London, Equinox.
- Bartmiński, J.** (2013). The cognitive definition as a text of culture. In A. Głaz, D. S. Danaher, & P. Łozowski (dir.), *The linguistic worldview : ethnolinguistics, cognition, and culture* (pp. 161–180). London, Versita.
- Béal, C.** (2010). *Interactions quotidiennes en français et en anglais : de l'approche comparative à l'analyse des situations interculturelles*. Bern, Peter Lang.
- Carroll, R.** (1987). *Evidences invisibles : Américains et Français au quotidien*. Paris, Seuil.
- Duhamel, A.** (1985). *Le complexe d'Astérix : essai sur le caractère politique des Français*. Paris, Gallimard.
- Fernández, S. S.** (2016). Possible contributions of ethnopragmatics to second language learning and teaching. In S. Vikner, H. Jørgensen, & E. van Gelderen (dir.), *Let us have articles betwixt us : papers in historical and comparative linguistics in honour of Johanna L. Wood* (pp. 185–206). Aarhus, Aarhus University.
- Galatanu, O.** (2009). L'analyse du discours dans la perspective de la Sémantique des Possibles Argumentatifs : les mécanismes sémantico-discursifs de construction du sens et de reconstruction de la signification lexicale. *Cahiers du Laboratoire de recherche sur le langage [Université Blaise-Pascal, Clermont-Ferrand]*, 3, 49–68.
- Galatanu, O., & Gouvard, J. M.** (1999). Présentation [du fascicule consacré à la Sémantique du stéréotype]. *Langue française*, 123, 3–5.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A.** (2014). *Words and meanings : lexical semantics across domains, languages, and cultures*. Oxford, Oxford University Press.
- Goddard, C., with Ye, Z.** (2015). *Ethnopragmatics*. In F. Sharifian (dir.), *The Routledge handbook of language and culture* (pp. 66–83). New York, Routledge.
- Goodman, R.** (1992). *French dirt : the story of a garden in the South of France*. Chapel Hill, Algonquin Books.
- Gülich, E.** (1981). Was sein muß, muß sein : Überlegungen zum Gemeinplatz und seiner Verwendung. In H. Geckeler, B. Schlieben-Lange, & H. Weydt (dir.), *Logos semantikos : studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu 1921–1981 : vol. 2* (pp. 343–363). Berlin, Walter de Gruyter & Madrid, Gredos.
- Kauffer, M.** (2011). « Actes de langage stéréotypés » en allemand et en français : pour une redéfinition du stéréotype grâce à la phraséologie. *Nouveaux cahiers d'allemand*, 29, 37–53.

- Kinginger, C.** (2004). Alice doesn't live here anymore : foreign language learning and identity reconstruction. In A. Pavlenko, & A. Blackledge (dir.), *Negotiation of identities in multilingual contexts* (pp. 219–242). Bristol, Multilingual Matters.
- Kodmani, H.** (2001). *Les Français sans peine*. Paris, Le Manuscrit.
- Lebovitz, D.** (2009). *The sweet life in Paris : delicious adventures in the world's most glorious – and perplexing – city*. New York, Broadway Books.
- Magny, O.** (2010). *Dessine-moi un Parisien*. Paris, Editions 10/18.
- Moreels, I.** (2014). « Comment peut-on être français ? » : le rôle de l'ironie dans la mise en scène de l'étranger chez C. de Montesquieu, P. Daninos et C. Djavann. *Carnets : revue électronique d'études françaises, IIe série, 1*, 58–74.
- Mullan, K.** (2010). *Expressing opinions in French and Australian English discourse : a semantic and interactional analysis*. Amsterdam, John Benjamins.
- Niebrzegowska-Bartmińska, S.** (2013). Stereotypes and values in the linguistic worldview. In A. Głaz, D. S. Danaher, & P. Łozowski (dir.), *The linguistic worldview : ethnolinguistics, cognition, and culture* (pp. 199–214). London, Versita.
- Oosterveld, H.** (1999). *Leven als boer in Frankrijk*. Utrecht, Spectrum.
- Peeters, B.** (2009). Language and cultural values : the ethnolinguistic pathways model. *Fulgor*, 4(1), 59–73. <<http://ehlt.flinders.edu.au/deptlang/fulgor/>>.
- Peeters, B.** (2010). La métalangue sémantique naturelle : acquis et défis. In J. François (dir.), *Grandes voies et chemins de traverse de la sémantique cognitive* (pp. 75–101). Leuven, Peeters.
- Peeters, B.** (2012). L'interculturel servi à la sauce MSN, ou A quoi sert la métalangue sémantique naturelle ? In N. Auger, C. Béal, & F. Demougin (dir.), *Interactions et interculturalité : variété des corpus et des approches* (pp. 149–180). Bern, Peter Lang.
- Peeters, B.** (2013a). Ah méfiance, quand tu tiens la France... *Cahiers de praxématique*, 60, 16 pp. <<http://praxématique.revues.org/3872>>.
- Peeters, B.** (2013b). Râler, râleur, râlite : discours, langue et valeurs culturelles. In C. Claudel, P. von Münchow, M. Pordeus, F. Pugnière-Saavedra, & G. Tréguer-Felten (dir.), *Cultures, discours, langues : nouveaux abordages* (pp. 117–141). Limoges, Lambert-Lucas.
- Peeters, B.** (2013c). Language and cultural values : towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom. In B. Peeters, K. Mullan, & C. Béal (dir.), *Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally* (pp. 231–259). Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars.
- Peeters, B.** (2015a). La France de la débrouille : étude ethnoaxiologique d'une valeur culturelle hypothétique. *Revue de sémantique et pragmatique*, 37, 103–122.
- Peeters, B.** (2015b). Bienvenue au café du Commerce : propos ethnorhétoriques. *Publif@rum*, 23, 18 pp. <http://www.publiforum.farum.it/ezone_articles.php?art_id=315>.
- Peeters, B.** (2016). Langue et valeurs culturelles : six façons d'y voir plus clair. *CoReLa, HS-19*, 17 pp. <<http://corela.revues.org/4347>>.
- Poirier, A. C.** (2007). *Touché*. London, Phoenix.
- Putnam, H.** (1990). *Représentation et réalité*. Paris, Gallimard.
- Putnam, H.** (1994). *Le réalisme à visage humain*. Paris, Seuil. Réédition Gallimard (2011).
- Randall, W.** (2008). *Another long day on the piste : a season in the French Alps*. London, Abacus.
- Roucaute, Y.** (2012). *Eloge du mode de vie à la française : the French way of life*. Monaco, Editions du Rocher.
- Schapira, C.** (1999). *Les stéréotypes en français : proverbes et autres formules*. Paris, Ophrys.
- Szpinier, F., & Seznec, B.** (1999). *Les moutons de panel : contre les sondages*. Paris, Plon.
- Tirelli, J.** (2012). *Le journal d'une cloche*. Sète, Edition de la Mouette.
- Wang, X.** (2010). Les dictionnaires bilingues français-chinois : écarts, équivalences et apprentissage de la culture. In G. Alao, H. Medhat-Lecocq, S. Yun-Roger, & T. Szende (dir.), *Implicites*,

stéréotypes, imaginaires : la composante culturelle en langue étrangère (pp. 183–193). Paris, Editions des archives contemporaines.

Wasiuta, S. (2008). Stereotype : a key concept of Lublin ethnolinguistics. *Filologija*, 13, 149–160.

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

10.12.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Петерс Берт, доцент Австралийского национального университета (Канберра, Австралия); адъюнкт-доцент Гриффитского университета (Брисбен, Австралия)

Bert Peeters, Honorary Associate Professor, Australian National University (Canberra, Australia); Adjunct Associate Professor, Griffith University (Brisbane, Australia)

Bert.Peeters@anu.edu.au

b.peeters@griffith.edu.au

Сведения о переводчике / Information about the Translator

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук (спец. 10.02.05), доцент кафедры русского как иностранного, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Anatoli F. Fefelov Candidate of Philological Sciences (French Linguistics), Associate Professor (Russian as a foreign language), Institute for Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

bobyrgan@mail.ru

SPIN 6759-3782

Трактовка темы австралийской идентичности в национальной прессе

Е. Р. Слесарева¹, О. А. Рыжкина², А. Ф. Фефелов²

¹ Университет Радбауд
Неймеген, Нидерланды

² Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Аннотация

Данная статья посвящена лингвокультурологическому анализу австрализмов как культурно значимых лексических единиц, либо отсутствующих в «материнском» британском варианте современного английского языка, либо отличающихся в той или иной степени от соответствующих единиц в британском английском. Исследовательская задача состояла в том, чтобы выявить эти единицы и установить их связь с австралийскими ценностями (национальной идентичностью) и этностереотипами (гетеро- и авто-) в современном австралийском обществе. Новизна подхода к анализу данной лексики состоит в ее рассмотрении с функциональной и прагматической точек зрения на материале наиболее чувствительного к социокультурным изменениям и подвижного типа дискурса – медийного (использовались национальные газеты *The Daily Telegraph* и *The Australian* с 2008 по 2017 г.). Методом сплошной выборки, лексикографического и контекстуального анализа были выявлены шесть ключевых концептов (*fair go*, *fair dinkum*, *larrikin*, *battler*, *bludger*, (*hard*) *yakka* – последнее слово автостонное), и определена их роль в структуре австралийской идентичности. Изучение текстовой плотности в использовании австрализмов обеими газетами показало различие в их представленности в каждой из них и в ранжировании с точки зрения преобладающих ценностей (например, *battler* – борец, боец) или антиценностей (например, *bludger* – тунеядец). Наиболее интересное наблюдение было сделано над семантикой и прагматикой данных слов и касается их оценочных коннотаций. Так, было показано, что отдельные слова с негативными коннотациями (например, *larrikin* – хулиган) со временем как бы облагораживаются, т. е. меняют маркированность, приобретая положительную оценку, и характеризуют прежде порицаемый тип личности и (или) поведения в современном обществе как нормативный. Проведенное исследование включало неполный список слов данного типа, в том числе аборигенных, которые, тем не менее, начинают использоваться в медийном дискурсе с определенной прагматической интенцией и ждут от исследователей интерпретации в терминах лингвокультурологии.

Ключевые слова

австралийский вариант английского языка, австрализмы, национальная идентичность, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, культурная ценность, этностереотип, газетный дискурс

Для цитирования

Слесарева Е. Р., Рыжкина О. А., Фефелов А. Ф. Трактовка темы австралийской идентичности в национальной прессе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119

Faces and Visions of the Australian Identity in the Aussie National Press

Ekaterina R. Slesareva¹, Olga A. Ryzhkina², Anatoli F. Fefelov²

¹ *Radboud University
Nijmegen, Netherlands*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The current paper is concerned with linguocultural (ethnolinguistic) analysis of Australianisms as culture specific words which are either not found in British English (the mother tongue) or are different from their British counterparts to some extent. The main research question was to identify the key lexemes of this type and establish correlation between them and Australian values (the national identity) as well as ethnostereotypes in modern Australian society. The novelty of the approach to studying these lexical units is in looking at them in terms of their functioning in speech and pragmatics based on the most sensitive to social change and dynamic type of discourse – the media (The material was drawn from the national papers “The Daily Telegraph, Australia” and “The Australian” over the past decade). By means of the random selection method, definitional and contextual analyses six key concepts have been identified (*fair go*, *fair dinkum*, *larrikin*, *battler*, *bludger*, (*hard*) *yakka* – the last word being aboriginal) and their place in the national identity structure defined. Also, we found some differences in how the same Australianisms were presented and ranked in either paper manifesting certain values (for example, *battler*) or anti-values (for example, *bludger*) depending on the editorial board’s opinion and/or the content. For instance, “The Daily Telegraph” clearly highlighted the idea of justice (e.g. *fair go*, *fair dinkum*), while “The Australian” put more focus on praising the stubbornness of Australians in the struggle against various obstacles (e.g. *battler*). References to the boisterous (*larrikin*) nature of Australians were somewhat more frequent “The Daily Telegraph”, although this concept was quite important for both newspapers. One of the most interesting results we got was a shift in connotations of several Australianisms. Thus, it was shown that some words (for example, *larrikin*), originally having a negative meaning, with time may become positively connoted, characterising a certain previously disapproved type of person / behavior as normal. The study can be continued to include more words of this type, especially aboriginal ones which are already used in media and call for ethnolinguistic (linguocultural) interpretation by researchers.

Keywords

Australian English, Australianisms, national identity, intercultural communication, cultural linguistics, cultural value, cultural stereotype, newspaper discourse

For citation

Slesareva, Ekaterina R., Ryzhkina, Olga A., Fefelov, Anatoli F. Faces and Visions of the Australian Identity in the Aussie National Press. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 105–119. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-105-119

Введение

Согласно Б. Качру, языки, обслуживающие несколько наций, регулируемые несколькими нормами (как эндоцентричными, так и экзоцентричными) и имеющие уникальную историю сосуществования в нескольких социоллингвистических контекстах, должны рассматриваться как «плюрицентричные» [Kachru, 1996]. В настоящее время английский язык имеет наиболее очевидный плюрицентричный характер. Являясь языком мирового сообщества, он распространился далеко за пределы Англии, приняв форму вариантов английского языка.

Для показа места австралийского языка среди них можно использовать схему представления основных типов вариантов английского языка в виде трех концентрических кругов, предложенную им же. Внутренний круг включает варианты, которые являются по преимуществу родными (первыми) языками для их носителей; внешний круг объединяет варианты, которые выполняют функцию второго (официального) языка наряду с родным (первым); и далее следует «расширяющийся» круг, в который входят варианты, функция которых заключается в основном в том, чтобы обслуживать потребности внешнекультурной коммуникации (так называемые World Englishes) [Ibid.].

Австралийский английский (далее AuE) принято относить к внутреннему кругу. Он имеет уже не только свои отличительные черты и особенности, сформировавшиеся в ходе его исторического, по преимуществу колониального, развития в специфичном этно- и лингвокультурном окружении, но и свою собственную кодифицированную норму и самодостаточную литературу. В данной статье AuE рассматривается не с привычной общекультурной, а со специфической функциональной и жанрово-стилистической точки зрения: мы изучим особенности отражения в нем национального сознания, культурных ценностей и стереотипов сквозь призму современной австралийской прессы, и поэтому предметом исследования являются функции австрализмов в современной национальной прессе. Под австрализмами мы, вслед за Г. А. Орловым, понимаем единицы любого уровня языка, принадлежащие системе AuE, которые либо отсутствуют в системе британского английского (далее BrE), либо отличаются в любой степени от соответствующих единиц в BrE по одному или нескольким аспектам: а) по произношению; б) по предметно-логическому значению; в) по стилистическому регистру; г) по линии лексической сочетаемости [Орлов, 1978, с. 19].

Лексический состав AuE в газетном дискурсе и изменения в нём представляются нам особенно интересными, так как эта лексика злободневна, поскольку она непосредственно обращена к социально-политической действительности. По этой же причине она и очень подвижна. В ней, конечно же, реализуется и кумулятивная функция языка, которая состоит в передаче внеязыкового опыта данной языковой общности и обуславливает содержание в лингвистическом знаке экстралингвистической информации, обозначаемой в лингвистике и лингвокультурологии термином «культурный компонент значения слова» [Верещагин, Костомаров, 2001]. Важно, однако, отметить, что в данном случае экстралингвистическая информация отражает очень специфическую историко-культурную и языковую ситуацию в ее масс-медийном преломлении, т. е. в текстах, не рассчитанных «на вечность», зато стремящихся самым непосредственным образом моделировать и сознание, и поведение *своего* адресата в конкретных социально-политических условиях. К таковым можно отнести, например, какую-нибудь избирательную кампанию или общественную дискуссию, когда соперничающие партии, агитируя своих потенциальных сторонников, стремятся апеллировать к тем или иным образам австралийца, которые они считают наиболее ценными. Свой адресат возникает и тогда, когда обсуждается роль и место какой-нибудь традиционной австралийской культурной ценности, зафиксированной в сознании австралийцев с помощью культурно-маркированного слова или выражения. Именно совокупность культурных ценностей и становится объектом лингвокультурологии, чаще обозначаемой на английском несколько иначе (см. [Peeters, 2017b; 2019]). Наряду с понятием «культурные ценности» можно говорить и о добродетелях как в выражении *the old Australian virtue*, которое присутствует в нашем материале и отражает риторику христианского дискурса. Кроме того, понятие «культурные ценности» поддерживает очень тесные отношения с понятием культурных стереотипов, о должном применении которых в сопоставительных лингвокультурных исследованиях также уже немало сказано в австралийской культурной лингвистике (ср. [Peeters, 2017a]).

В данной работе рассматриваются практически все традиционно выделяемые исследователями типы австрализмов:

1) австрализмы, принадлежащие системе AuE, но отсутствующие в системе BrE, т. е. относящиеся к безэквивалентной лексике [Лашкова, Сисина, 2008] и потому способные создавать лингвокультурную асимметрию и диссонанс;

2) австрализмы, по своему происхождению принадлежащие к субстандартной лексике в BrE, но получившие дальнейшее развитие в AuE [Там же] и потому сменившие свой социолингвистический и/или стилистический статус;

3) австрализмы, представляющие собой слой общественно-политической лексики [Ощепкова, 2004];

4) австрализмы, претерпевшие изменения в их коннотативном значении, и потому относимые к фоновой лексике [Гришаева, 2011];

5) ключевые слова австралийской культуры, упомянутые в работе Анны Вежбицкой (например, *to dob in* 'доносить', *to chiack* 'дразнить', *to yarn* 'рассказывать истории', *to shout* 'угощать', *to whinge* 'ныть'), вошедшие в Australian National Dictionary [Wierzbicka, 1997];

6) слова-этнонимы неформального регистра типа *Aussie*, *abo / abbo* и т. д. [Жуковская, 2010; Цебровская, 2016; Hough, 2016].

К этому перечню следует, однако, добавить австрализмы на базе автохтонных языков Австралии, которые уже начинают встречаться в местной прессе.

Методология исследования

Методом сплошной выборки были отобраны контексты из онлайн-версий газет "The Daily Telegraph" и "The Australian". Объем выборки составил 110 единиц из 93 статей за период с 2008 по 2017 г. Выявленные австрализмы проверялись на предмет частотности употребления в газетах, а контексты, в которых они использовались, сопоставлялись с аналогичными контекстами из других газет. Кроме того, мы обращались к лексическим дефинициям австралийского словаря-тезауруса с сайта the Macquarie Dictionary, позволившего нам не только проанализировать семантическую структуру австрализмов, но и соотнести их с другими лексическими единицами, связанными с ними семантически.

Анализ и обсуждение результатов

Анализ материала, который ограничен в статье несколькими самыми значимыми для понимания структуры национальной идентичности единицами, позволил выявить важную особенность функциональной трактовки австрализмов в национальной прессе: австралийский элемент лексики, как правило, имеет в ней ярко выраженный эмоциональный, оценочный и экспрессивный характер. Это связано, на наш взгляд, с типичными задачами прессы, описанными выше. Функция воздействия на адресата (= читателя, электорат, потребителя) стоит для нее очень часто на первом месте. При этом среди австрализмов можно найти и те, в которых выражена положительная оценка людей и событий, и те, которые передают отрицательную оценку различных явлений.

Начнем с австралийских элементов, выражающих положительную оценку австралийской действительности и образа жизни. По нашему мнению, в них отражаются те представления о мире и те жизненные ценности, на обладание которыми австралийцы претендуют и которые они готовы отстаивать. В целом можно сказать, что с точки зрения австралийской прессы положительно характеризующие человека черты включают, в порядке значимости, следующие: честность, справедливость, готовность много и упорно работать и открытость. Показательна именно последовательность («ранжированность») в нем этих культурных, в широком смысле, ценностей и, в частности, приоритет такой черты характера, как честность. Этот перечень положительных черт нельзя назвать специфично австралийским, поскольку на него претендуют очень многие нации мира и практически все, опирающиеся на протестантскую этику труда. Несколько особняком стоит, однако, готовность много и упорно работать. Для Австралии с ее исторически очень тяжелыми условиями превращения из далекой колонии в современное государство упорство в работе имело очень большое значение.

Особенность австралийской ментальности на фоне других англоязычных культур британского корня заключается, пожалуй, в том, что само понятие «положительные черты характера», культурно приемлемые модели поведения, получило в ней свое «австралийское» развитие. Например, 'чужачество', традиционно приписываемое английскому национальному характеру и «получающее неизменно положительную оценку» [Карасик, Ярмахова, 2006.

С. 219] (обозначаемое в AuE выражением *being a dag*) встречается «бок о бок» с ‘хулиганством’ (обозначается словом *larrikinism*). Очевидно, что эти понятия каким-то образом дополняют друг друга и на австралийской почве приобрели особую актуальность как выразители протеста против посягательства на свободу личности. Возможна и иная трактовка «чуждачества», граничащего с «хулиганством»: реакция на часто упоминаемую английскую чопорность. Актуальный пример Бориса Джонсона показывает, в частности, как эта реакция проявляется сейчас в самом английском высшем обществе. Более подробно смена отрицательной маркированности на положительную будет рассмотрена нами ниже.

Важность взаимосвязанных понятий «честность» / «справедливость» выражена австралистами *fair dinkum* (‘честный, справедливый’) и *fair go* (‘равные возможности’). При этом слово *dinkum*, имеющее значение *a due share of work*, пришло из диалектного BrE, т. е. претерпело процесс «облагораживания».

Данные единицы фигурируют чаще всего в политических и экономических статьях из разделов “Opinion”, “National affairs” и “Business”.

Выражение *fair go* оказалось наиболее частотным в выделенной группе: в “The Australian” обнаружено 5 970 случаев его использования, в “The Daily Telegraph” – 7 750. Эта частотность указывает на существование потенциально довольно серьезной проблемы в жизни современной Австралии. Авторы статей часто обозначают с помощью этого выражения утрату равных возможностей современными австралийцами. К примеру, так считает читатель “The Australian”, который пишет в своем письме о бойкоте пивоварни Coopers, спонсировавшей дискуссию на тему однополых браков, из-за чего владельцы пивоварни были обвинены в гомофобии. Бойкот пивоварни вызвал широкий резонанс в обществе, и читатель, негодуя, высказался о том, что в Австралии теперь нельзя свободно выражать собственное мнение и что *fair go* больше не существует.

What has happened to the old Australian virtue of free speech and a **fair go**?

I despair for the disappearance of decency, respect for other people’s beliefs, and a **fair go**¹ (“The Australian”, 17 марта 2017).

Выражение *fair dinkum* ‘честный’, в большинстве контекстов фигурирующее как определение – его типичные контексты *the fair dinkum stuff*, *fair dinkum champion*, было вторым по частотности в данной группе. При этом бросается в глаза громадный и поэтому значимый разрыв между частотой его употребления в “The Australian” («всего» 868 случаев) и в “The Daily Telegraph”, где было обнаружено 4 190 вхождений этой единицы.

В “The Daily Telegraph” этот австрализм связывается (судя по всему, намеренно, по политическим мотивам) с содержанием тайной переписки Тони Эбботта в бытность его премьер-министром Австралии с 2013 по 2015 г. с людьми из своего ближнего окружения на тему предвыборной программы. В переписке Эбботт говорит о наброске предвыборной речи, которая, по его мнению, должна показывать его как настоящего австралийца, т. е. как *fair dinkum*. Такой языковой оборот должен помочь ему снискать расположение СМИ и мобилизовать ту часть австралийского электората, у которой австрализм ассоциируется со своим австралийским «парнем», честным и простым, а не партийным функционером, который в этом конкретном случае как бы исключается из числа настоящих австралийцев:

But then he suggests that the speech contained enough personal stories “that’s personal for the commentariat to say... yes he is a good bloke, and yes he is more **fair dinkum**...”² (“The Daily Telegraph”, 31 января, 2013).

¹ «Что случилось со старыми австралийскими добродетелями: свободой слова и равными возможностями? Исчезновение приличия, уважения к взглядам других людей и равных возможностей приводят меня в отчаяние». Здесь и далее перевод наш.

² «Но затем он выдвигает идею, что речь содержала достаточное количество личных историй: “Нечто личное, чтобы комментирующие могли сказать... да, он хороший парень, и да, он справедливее...”». (В Австралии *a bloke* обозначает уникальный мужской архетип, связанный с национальной идентичностью.)

Отметим, что в австралийском тезаурусе слово *dinkum* входит в два семантических поля, связанных скорее ассоциативно: “nation” и “goodness”, т. е. нация и доброта, добро, благородство. Это говорит о том, что для австралийцев понятия «хороший», «добрый» и «честный» тесно связаны с понятием о настоящем австралийце, и он не кто иной, как *fair dinkum Aussie*.

Что касается слов, соотнесенных с понятием тяжелой и упорной работы, таких как *battler* ‘человек, борющийся за существование’ и *hard yakka* ‘тяжелая работа’, то их частотность также довольно высока.

Слово *battler*, производное от глагола *battle*, отражает историю формирования австралийского народа, состоящего в основном из переселенцев, которым некогда пришлось бороться за выживание со стихией и прочими обстоятельствами. Более того, согласно данным австралийского тезауруса, *Aussie battler* входит в семантическое поле “ordinariness (ordinary person)”, и это подтверждает то, что австралийцы естественно воспринимают себя как нацию *battlers*.

Австрализм *battler* (т. е. ‘человек, борющийся за существование’, ‘не боящийся тягот жизни’) регулярно встречается и в политическом дискурсе (на этот раз гораздо чаще в “The Australian” 2390 и только 730 в “The Daily Telegraph”, что можно связать с общественно-философской позицией самих изданий), и чаще всего используется в двух словосочетаниях: *Australian* (или *Aussie*) *battler*, а также *Howard’s battlers*.

Использование первого устойчивого словосочетания в статьях обусловлено культурной памятью нации, стремлением современных журналистов подчеркнуть сложность условий, попав в которые переселенцы были вынуждены упорно работать, чтобы улучшить свою жизнь. Так, введение в текст производного словосочетания *Australian battler spirit* (‘австралийский дух бойца’) нужно понимать как апелляцию к опыту в чем-то героического прошлого. Именно оно фигурирует в статье из газеты “The Australian”, касающейся, как ни странно, проблем австралийских детей из социально неблагополучных семей. Автор показывает, что эти маленькие австралийцы уже способны проявить свой *Australian battler spirit*. Адаптируясь и преодолевая с детства трудности жизни, они демонстрируют не только свои сильные стороны, но и силу нации:

One in four of the nation’s most disadvantaged children have tapped into their **Australian battler spirit** with new research into resilience revealing their ability to draw on other strengths to overcome challenges³ (“The Australian”, 14 марта, 2017).

Примечательно, что такую позицию можно назвать официальной, поскольку ее формулировка поддерживается министром образования страны:

“We’ve always known that **Aussie** kids are no shrinking violets, and this latest data shows that many children can use their strengths to overcome the vulnerabilities they face,” Education Minister Simon Birmingham said⁴ (“The Australian”, 14 марта, 2017).

А вот второе словосочетание тесно связано с политической историей Австралии, а не с текущей жизнью страны. Джон Говард – это бывший лидер либеральной партии Австралии, занимавший пост премьер-министра Австралии с 1996 по 2007 г. А *Howards’s battlers* – это тот австралийский электорат, чаще всего производственные рабочие, который поддерживал Говарда и его коалицию на протяжении многих лет, принеся ему славу одного из самых знаменитых политических деятелей страны.

³ «Недавнее исследование по адаптируемости показало, что каждый четвертый ребенок в неблагоприятных жизненных условиях вырабатывает в себе австралийский боевой дух и оказывается в состоянии преодолевать самые большие препятствия».

⁴ «Мы всегда знали, что австралийские дети – вовсе не ‘фиалки в стакане’; последние данные показывают, что многие из них способны мобилизовать свои сильные качества для преодоления трудностей, с которыми они порой сталкиваются в жизни», – сказал министр образования Саймон Бирмингем».

Экспрессивный синоним слова “work” *yakka* пришел из языка аборигенов Австралии ягара. Образованное от глагола *yaga* ‘работать’, оно, в отличие от слова *battler*, чаще встречается в статьях о спортсменах, деятелях культуры, обычных австралийцах, их жизни и упорном труде. Самый большой интерес представляет в данном случае источник заимствования: в подавляющем большинстве случаев австрализмы возникали в поле лингвокультурного взаимодействия с материнской британской лингвокультурой (ее притяжения и отталкивания), тогда как автохтонные языки Австралии в этом процессе участия практически не принимали. Оказывается, их вклад тоже имеет место, и этот факт нужно учитывать в классификациях австрализмов и в исследовании их функций.

Эта единица менее частотна: она встретилась 197 раз в “The Australian” и 188 в The Daily Telegraph”, и, как мы видим, на этот раз разрыв между частотностью употребления австрализма в этих газетах оказался минимальным.

Слово *yakka* (с квалификативом – *hard yakka*, без которого его семантика и стилистическая нагрузка еще, вероятно, не осознаются) было использовано в статье “The Daily Telegraph”, в которой официально говорилось о том, что больше не будет исключений относительно пенсионного возраста для производственных рабочих («синих воротничков»). Их возраст выхода на пенсию будет повышен с 65 до 67 лет, что, согласно опросу общественного мнения, кажется австралийцам несправедливым.

THERE will be no retirement age exemptions for those who do **hard** manual **yakka** – they now will have to keep at it until age 67⁵ (“The Daily Telegraph”, 26 мая, 2009).

Использование данного слова в комментарии представляется приемом журналиста, так как, будучи экспрессивным, оно показывает некоторое сочувствие людям, занятым в производственной сфере на «тяжелой работе», по сравнению с более стилистически нейтральными *work* или *labour* в данном сугубо информативном тексте. Кроме того, вокруг этой новой нормы пенсионного закона может, в принципе, возникнуть серьезная политическая борьба, что показывает совсем свежий пример Франции, где аналогичные меры вывели на улицы тысячи протестующих. Отсюда можно заключить, что, проявляя сочувствие через слово, автор выражает в неявном виде реакцию какой-нибудь партии или партий, находящихся в оппозиции, тем более что проведенный соцопрос подталкивает к таким действиям.

Австралийцам оказалась не чужда, как говорилось выше, и такая черта, как «чужацество», к которой они относятся с долей юмора. Статьи с австрализмами *larrikin* ‘хулиган’ и *dag* ‘чуждак’ передают идею о том, что австралийцам свойственен тип поведения (своеобразное «хулиганство» и некоторая «распущенность»), который ранее в соответствии культурными ценностями Британии считался безусловно неформальным (т. е. признаком плохо воспитанных людей), но теперь стал претендовать в Австралии на статус вполне допустимой демократичной нормы, которой можно даже гордиться. Так, выражение *our “larrikin” nature* – это свидетельство гордости, говорящее о включении данной черты в свой культурный код, об избавлении от прежнего колониального комплекса культурной неполноценности, унаследованного из бывшей метрополии.

Статья из “The Daily Telegraph”, ключевым словом которой является австрализм *dag*, начинается с упоминания Дельты Гудрем, австралийской актрисы и певицы, которая была замечена на концерте. Актриса танцевала, не попадая в ритм музыки, и поэтому была заснята человеком, стоящим рядом с ней. Автор утверждает, что такое поведение типично для австралийцев, так как они склонны просто наслаждаться моментом, не придавая значения тому, что другие могут о них подумать. Отсутствие «утонченности» – это в некотором роде черта характера успешного австралийца, особенно за рубежом. И, как говорит Джо Элвин, австралийка, сейчас являющаяся редактором британского журнала “Glamour”, *dag* ‘австралийский чуждак’ – это лучший австралийский «товар» на экспорт («*best export*»). К этой метафоре об-

⁵ «Больше не будет льгот по возрасту для тех, кто занимается тяжелым физическим трудом, – теперь им придется работать до 67 лет».

мена культурными ценностями, подчеркивающей в несколько шутовском ключе вклад австралийцев в лингвокультуры вариантов внутреннего англоязычного круга, можно добавить аналогичные: «австралийский бренд», «визитная карточка австралийца» и т. п. В австралийце всегда есть *inner dag*, которого британская культура предписывала «держать на поводке», и он постоянно испытывает искушение дать волю своему «хулиганству», чтобы подразнить высокую британскую культуру. В принципе, аксиологические сдвиги такого рода на единой оценочной шкале хорошо вписываются в понятие *этносемантической рефракции*, содержание и функционирование которой показано на материале переводных трансформаций в [Фефелов, 2016а; 2016б].

Why being a **dag** is Australia's best export? ⁶

HANDS up if you've danced like you just don't care and let your **inner dag** off the leash, letting it trample your **carefully cultivated image** ⁷ ("The Daily Telegraph", 7 августа, 2014).

Лексема *larrikin* активно использовалась в обеих газетах, но разрыв между двумя газетами снова оказался большим: 1 620 использований в "The Australian" против 3 850 – в "The Daily Telegraph"; и во всех случаях она имела положительную коннотацию. Самым частотным словосочетанием было *larrikin spirit* 'хулиганский дух'. В "The Daily Telegraph" приводятся данные о том, что больше 60 % австралийцев считают, что исчезновение понятия *larrikinism* 'хулиганство' из культуры было бы плохим признаком. Не вызывает удивления встретившаяся в одной из статей аллюзия на актера Пола Хогана, сыгравшего роль крокодила Данди, которого австралийцы считают воплощением современного *larrikin*.

MOST Australians think it's important to hang on to our "**larrikin**" nature but more than a third think we have already lost that spirit ⁸ ("The Daily Telegraph", 7 августа, 2014).

С точки зрения культурной эволюции важно то, что это слово, хотя и обозначает «хулиганскую» манеру поведения, явно обладает теперь положительными коннотациями – быть немного хулиганом для австралийца уже хорошо, и это, возможно, связано с процессом демократизации культурно-языковых норм, активно развивающимся во всех лингвокультурах «англо» внутреннего круга: King's English давно уже перестал быть образцом для подражания.

Разумеется, кроме австрализмов, выражающих положительную оценку, существует не меньшее число австрализмов, выражающих резко отрицательное отношение в обществе к некоторым чертам характера и типам поведения современных австралийцев. Несмотря на демократизацию привычек и норм поведения, в австралийской культуре все равно остается понятие *bogans* ('грубые, неотесанные люди'), они неодобрительно относятся к *dobbers* 'доносчикам', *bludgers* 'тунеядцам' и им подобным, ведь все эти люди отрицают те австралийские культурные ценности, которые выражены в австрализмах с положительными значениями.

Так, автор одной из статей утверждает, что в последнее время австралийцы ведут себя как нация 'доносчиков' (*dobbers*). Он обосновывает свое мнение тем, что количество жалоб австралийцев в налоговую службу разительно выросло, и это становится показателем того, что австралийцы теряют часть своей культуры, свой «боевой дух»:

"When your mates are starting to **dob** you **in** to the taxman, then you know we are losing part of our Aussie culture," he said.

"I would have guessed one tip-off a day. I guess the landscape is changing within Australia" ⁹ ("The Daily Telegraph", 8 мая, 2009).

⁶ «Почему чудачество – лучший австралийский экспорт?»

⁷ «Поднимите руки, если вы танцевали так, будто вас ничто не волнует, и спускали своего внутреннего чудака с поводка, позволяя ему уничтожить ваш тщательно выстроенный образ».

⁸ «Большинство австралийцев считают, что важно держаться за нашу "хулиганскую" природу, но более трети считают, что мы уже потеряли этот хулиганский дух».

Однако этот пример показывает скорее то, что к мнениям и выводам различных наблюдателей, опубликованным в прессе, «посторонним» аналитикам следует относиться с осторожностью. Он вполне однозначно характеризует личность наблюдателя, не отличающегося законопослушностью и призывающего к уклонению от уплаты налогов под явно надуманным предлогом сохранения верности «нашим фундаментальным ценностям» и в надежде «спрятаться» за этим культурным стереотипом. Пресса дает место самым различным общественным группам и течениям, которые могут не только защищать культурные ценности, обозначенные с помощью австрализмов, но и дискутировать по поводу их роли в современном обществе и даже отвергать их.

Как мы знаем на примере других стран, аналогичный тип поведения, преднамеренно ассоциируемый в статье с доношением, в США, например, не только не осуждается, но и приветствуется. Ведь «доносчики» в данном случае всего лишь следуют моральным установкам «перед законом все равны» и «будь честен».

В последние годы в Австралии люди стали чаще жаловаться и «ныть» по разным мелким бытовым поводам. Есть ощущение, говорят некоторые местные наблюдатели, что Австралия помешана на *whinging* 'нытье'. При этом «нюющие» австралийцы «не пытаются поднять свою з...цу с дивана, чтобы что-либо изменить»:

But sitting on your couch at home, tweeting how offended you are at the latest 'un-Australian' t-shirt or inappropriate remark by a news presenter, smacks of a **nanny-state mentality** ¹⁰.

Этот вывод газеты нужно понимать и трактовать в контексте анализируемых культурных ценностей, поскольку она обращается ко всем австралийцам (ср. *how offended you are at ...*). Данная смена отношения к жизни и своей роли в ней противоречит традиционным установкам, культивируемой в обществе и апеллирующей к идеям преодоления трудностей и социального оптимизма (ср. *battler* и *yakka*). В приведенном контексте речь идет об иждивенческом отношении граждан к государству; многие видят причину тех или иных личных и семейных неурядиц в недостаточном внимании к ним со стороны государства, в отсутствии заботы о них. Такие завышенные надежды на государство осуждаются как несвойственные австралийскому духу. Мимоходом затрагивается даже вопрос о патриотизме, который, как показывают многочисленные примеры, никогда не считался в Австралии прибежищем негодяя. Комментатор подвергает, однако, сомнению обоснованность связи между патриотизмом и футболками, показывая свое негативное отношение к такой приземленной интерпретации высокой идеи кавычками: *'un-Australian' t-shirt*.

The problem is, we've all been told that the 'customer is always right', and that idea has grown disproportionately in our minds to justify **whingeing** about anything we don't like ¹¹ ("The Daily Telegraph", 26 января, 2014).

Негативно окрашенный австрализм *bludger* ('тунеядец'), подобно австрализмам *dinkum* и *fair go*, часто используется в статьях разделов "Opinion", "National affairs", "News" и "Business Review", но под далеко не лингвокультурным углом: значительная часть из них рассматривала проблемы налогообложения. Его частотность была довольно высока: 800 использований в "The Australian" и 540 в "The Daily Telegraph". Наряду с упоминавшимся уже словом *yakka*, австрализм *bludger* также связан с культурой аборигенов Австралии, хотя и косвенно. Он являлся и является этнокалфикатором для аборигенов, которых белое насе-

⁹ «Когда ваши приятели начинают сдавать вас налоговому, вы можете быть уверены, что мы теряем часть нашей австралийской культуры, – сказал он. – По моим прикидкам совершается один донос в день. Как не сказать после этого, что Австралия изменяет себе?».

¹⁰ «Сидеть на диване у себя дома и писать твиты о том, как вы обижены на последнюю "неавстралийскую" футболку или неуместное замечание ведущей новостей, – все это попахивает менталитетом "государствяняшки"».

¹¹ «Проблема в том, что нам говорят, что "клиент всегда прав", и эта идея непропорционально разрослась в наших умах, оправдывая нытье каждый раз, когда нам что-то не по душе».

ление с момента колонизации континента считало тунеядцами. Однако в настоящее время эта оценочная единица утрачивает свою тесную расистскую привязку, подвергается семантической эволюции и используется также для обозначения самих австралийцев, что демонстрирует такое сочетание, как *Aussie bludgers*. Кроме того, важно отметить, что, согласно австралийскому тезаурусу, *bludger* входит в семантические поля “badness” и “selfishness”. Данный австрализм встретился в “The Daily Telegraph” в статье о возросшем числе (точнее, *an army of*) тунеядцев особого рода в Австралии, пытающихся нечестным путем получить социальное пособие по поддержке людей с постоянной или временной нетрудоспособностью (*disability support pension*). Особенность этих «тунеядцев», которым больше подходит квалификация «ловкачи», «мухлѣвцики», «шибко умные» и т. п., состоит в том, что они хорошо освоили компьютерную грамотность и действуют через онлайн-ресурсы «электронного правительства». Конечно, это представляет проблему для органов власти, и поэтому оно заставляет теперь врачей перепроверять наличие нетрудоспособности у заявителей:

An army of **bludgers** are using online step by step guides to con doctors into giving them disability support pensions (DSP), a Daily Telegraph investigation has found ¹² (“The Daily Telegraph”, 26 января, 2014).

Для лучшего понимания различий в трактовках австрализмов двумя австралийскими газетами представим, как они ранжируются в нашей подборке по частоте вхождений. Австралийский элемент в прессе является регулярным, о чем свидетельствует частотность их употребления в статьях разноформатных газет указанного периода. Но, во-первых, они неравномерно распределены по тематическим разделам газет. Они используются обычно в статьях социально-политического и экономического характера в связи с их спецификой. Во-вторых, у газет существует своя редакционная политика в вопросе формирования единства нации, которая тоже заметно влияет на статистику и характер использования австрализмов в них. Вот количественные данные по нашей небольшой группе:

“The Daily Telegraph, Australia”	“The Australian”
1. <i>fair go</i> (7 750)	1. <i>fair go</i> (5 970)
2. <i>fair dinkum</i> (4 190)	2. <i>battler</i> (2 390)
3. <i>larrikin</i> (3 850)	3. <i>larrikin</i> (1 620)
4. <i>battler</i> (730)	4. <i>fair dinkum</i> (868)
5. <i>bludger</i> (540)	5. <i>bludger</i> (800)
6. <i>(hard) yakka</i> (188)	6. <i>(hard) yakka</i> (197)
<i>Всего вхождений: 17 248</i>	<i>Всего вхождений: 11 845</i>

Статистика текстовой плотности всей избранной группы ключевых австрализмов в дискурсе двух газет заметно отличается: в “The Daily Telegraph” она выше, чем в “The Australian” (17 248 против 11 845), хотя по названию газет, можно было бы предполагать, что в «Австралийце» австрализмы, пропагандирующие национальные духовные и исторические ценности, т. е. австралийскую идентичность, будут более частотными.

Еще более информативны *расхождения в ранжировании* этих ценностных австрализмов в двух газетах. “The Daily Telegraph” выдвигает на первый план идею справедливости (ср. англ. принцип *fair play*): *fair go* (7 750) и *fair dinkum* (4 190), по сути, объединяя их, и это, пожалуй, вполне оправданно. “The Australian” разводит эти ценностные ориентиры: *fair go* тоже стоит на первом месте, хотя и с меньшей текстовой плотностью (5 970), а *fair dinkum* оказывается на четвертом с совсем низкой частотностью (868). На втором месте в “The Australian” оказался австрализм *battler* (2 390), воспевающий упорство австралийцев в борьбе с невзгодами и препятствиями всякого рода, тогда как в “The Daily Telegraph” он только на

¹² «Расследование “Daily Telegraph” обнаружило, что целая армия тунеядцев, используя онлайн-пошаговые руководства, обманом получает пенсии по инвалидности».

четвертом месте с очень низкой частотностью (730). На третьем месте в обеих газетах апелляция к *larrikin*, но эта черта была более ценна для “The Daily Telegraph” (3 850), чем для “The Australian” (1 620). Вероятно, она такой же остается и сейчас.

Все четыре верхние позиции в обеих газетах занимают австрализмы, которые восходят к британским лингвокультурным образцам, но по-разному реагируют на них. Три из них не теряют положительной маркировки (т. е. базовая семантика *fair* и *battle* в них сохранилась), хотя и приобретают стилистически упрощенную форму, более соответствующую Aussie spirit. Зато понятие *larrikin* оспаривает представления метрополии о правилах поведения в обществе и утверждает право *воспитанного* австралийца на более свободные манеры самовыражения, ассоциируемые в материнской культуре с хулиганством и распушенностью. Австрализм *larrikin* приобрел в национальной культуре положительные коннотации, указывая на бóльшую ценность такого «хулиганства» и «простоты» по сравнению с чопорностью и излишней утонченностью.

Два австрализма, возникших на базе исконных автохтонных лингвокультур (*yakka*) или во взаимодействии с ними (*bludger*), представлены в газетах практически одинаково. Оба служат для укрепления и развития идеи честного и упорного труда (*fair go*, *fair dinkum*, *battler*), но делают это совершенно по-разному. Стилистически маркированное слово *yakka* имеет, в общем и целом, положительную коннотацию, хотя в приложении к артистической и спортивной сферам может, пожалуй, приобретать и ироническую окраску. Что касается употребления австрализма *bludger*, то его текстовая семантика полностью опровергает словесную: его присутствие в тексте служит не целям пропаганды тунеядства среди австралийцев или осуждения образа жизни аборигенов, а вводится как антипример настоящего австралийца, честного и трудолюбивого, что и показывают приведенные выше выдержки.

В целом для представленной выше группы австрализмов, отражающих некоторые базовые моральные ценности нации, характерна также и специфическая языковая стилистика, которая указывает на стремление к простоте и на избегание чопорности и напыщенности, свойственной некоторым другим лингвокультурам внутреннего круга. Именно поэтому, мы кратко рассмотрим в заключение специфику австралийской лексики, представленной уменьшительными словами, образующимися при помощи суффиксов -o, -y и -ie к концу слов, которые часто являются клипшированными.

Пристрастие австралийцев к эмоционально окрашенным словам с уменьшительным суффиксом отражает их стремление к созданию той же самой неформальной обстановки общения в социуме. Эта неформальность очень хорошо коррелирует с отмеченной выше тенденцией к «чужачеству», «хулиганству», нарушению канонов высокой культуры. Таким образом собеседник показывает, что находится с тобой на одном уровне. Это вполне соответствует мнению специалистов в области межкультурной коммуникации о том, что Австралия более демократичная (*egalitarian*) страна, чем США и Великобритания [Gudykunst, 2005].

Среди экспрессивных слов такого рода, содержащих уменьшительный суффикс -o, встретившихся в статьях в “The Daily Telegraph” и “The Australian”, есть обозначения: людей (*Tas-sie* ‘тасманиец, тасманийский’, *abo* ‘абориген’, *drongo* ‘глупый человек’, *greenie* ‘защитник окружающей среды’, *polly* ‘политик’, *Pommy* ‘британец’, *plonko* ‘пьяница’); вещей и явлений, связанных с самыми обыденными делами и заботами людей (*footy* ‘футбол’, *Barbie* ‘барбекю’, *sambo* ‘сэндвич’, *sickie* ‘прогул’, *dunny* ‘уборная’, *coldie* ‘холодное пиво’); и этноним *Aussie* ‘австралиец, австралийский’, заслуживающий отдельного комментария.

Он встречается очень часто (более 1 000 случаев использования в статьях обеих газет за каждый год), как правило, в сочетаниях типа *our Aussie culture*, *the Aussie way of life*, *Aussie battler* и т. п., где выполняет функцию самоидентификации. Несомненно, эти выражения свидетельствуют об этноцентризме нации, стремящейся выделиться среди всех других «народов внутреннего круга», об австралийском патриотизме, национальной идее и особом пути. Он неплохо обозначен в газете “The Daily Telegraph”: *We will fight for a fair go and the Aussie way of life* (22 мая, 2014).

Наряду с *Aussie* в австралийском английском набирается целая группа этнонимов, обозначающих и своих, и чужих. Говоря о территориальной принадлежности «своих», австралийцы используют большое число эндэтнонимов для обозначения своей страны в целом (*Down Under* ‘на другом конце света’, *Oz* и *the Lucky Country* ‘удачливая страна’), ее частей (*Outback* ‘внутренние районы австралийского материка’, *Top End* ‘северная часть Австралии’, *bush*) и самих жителей (*Tassie* ‘тасманиец’, *Sandgroppers* ‘роющийся в песке, т. е. житель штата Западная Австралия’, и *Croweaters* ‘едок ворон, т. е. житель штата Южная Австралия’).

Заключение

К представленным выше выводам об общем и частном в лингвокультурном представлении темы австралийской национальной идентичности двумя известными австралийскими газетами остается только добавить краткий заключительный комментарий.

Исследователю и даже простому наблюдателю, особенно внешнему, важно избежать этнокультурных стереотипов, столь распространенных за пределами самой Австралии. В Австралии они тоже, конечно, есть, поскольку представляют собой удобную форму поддержания базовых идеологием чрезвычайно многонационального социума, скрепляемого доминантной англоязычной культурой, которая стремится при этом показать свою культурную самостоятельность и независимость от корневой британской. Однако, как показывает представленный лингвокультурный материал, в австралийской прессе они (и культурные ценности, стоящие за лингвокультурными австрализмами) постоянно подвергаются своеобразной проверке на истинность, что ничуть не ослабляет их и общество, а, напротив, помогает молодому поколению и многочисленным мигрантам лучше понять их содержание и выстроить как адекватную стратегию социализации в своей стране, так и взаимодействие с миром, включая англоязычный.

Так, можно согласиться, что австрализмы *Aussie*, *Down Under*, *Oz* демонстрируют неоднократно отмеченную выше неприязнь австралийцев к напыщенности и громким словам относительно себя и своей страны, но эта самая черта может и должна вызывать раздражение в тех англоязычных странах, которые культивируют более высокие и строгие нормы поведения в обществе. Англичане ведь тоже знакомы с аналогичными установками, например, своих футбольных болельщиков, устраивающих иногда форменные бесчинства, но вовсе не стремятся к утверждению их «простоты» как нормы. В качестве таковой они, пожалуй, не примут даже и более мягкую культуру своих пабов. Другими словами, всякий австрализм в газете может указывать на существование некоторых проблем в той морально-этической или социально-политической области, которые им обозначаются, на нежелание трактовать его как стереотип, как догму.

Полезно в этой связи завершить статью на примере австралийского перифрастического поэтического этнонима *the Lucky Country*. Англия – это Туманный Альбион (в англ. просто *Albion*), а ее бывшая колония стала Счастливой (или Удачливой) Страной, которой повезло в истории. Если об Австралии судить «по словарю», то на основании семантики этого австрализма можно прийти к выводу, что *Aussie battlers* считают себя удачливыми. Но современный газетный дискурс показывает, что не все так просто, что внутри самой страны красивая метафора является объектом дискуссии и сильным раздражителем. Так, можно процитировать руководителя одной из австралийских газовых компаний, который говорит (по причинам, которые от нас скрыты), что этот образ прошлого уже не соответствует действительности, что сейчас страна представляет собой просто *weird mob*, т. е. ‘странное сборище людей’:

We used to be **the lucky country** and now we are just a weird mob,” he told an audience at the Australian Domestic Gas Outlook in Sydney on Tuesday ¹³ (“The Australian”, 15 марта, 2017).

¹³ «“Раньше мы были удачливой страной, а теперь мы просто странное сборище людей”, – сказал он аудитории на конференции Australian Domestic Gas Outlook, проведенной во вторник в Сиднее».

Тем не менее полученные данные позволяют выявить важную особенность функциональной трактовки австрализмов в прессе – она неоднозначна, а культурные ценности австралийцев, часто представленные стереотипно и способствующие, конечно же, их национально-культурному единению, остаются в ней объектом для выявления всего разнообразия мнений о нации. Таким образом, в лингвокультурной интерпретации австрализмов можно увидеть не только феномен этносемантической рефракции, общей для большинства носителей новой культуры, но и следы индивидуальных или политически маркированных преломлений тех или иных культурных стереотипов.

Подводя итог, отметим, что данное исследование может быть продолжено с использованием более репрезентативного материала. Например, можно расширить выборку за счет газет, выпускающихся в отдельных штатах, чтобы проследить региональные различия в использовании австрализмов, а также усилить прагматический аспект анализа контекстов, проводя различие между словарным и контекстуальным значением австрализмов. К тому же еще практически не исследован вопрос о месте и вкладе автохтонных народов (называемых ранее туземными племенами) в лингвокультуру Австралии.

Список литературы

- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 2001. 328 с.
- Гришаева Е. Б.** Слова-образы как выражение национальной культуры (на материале австралийского варианта английского языка) // Язык и культура. 2011. № 2. С. 5–12.
- Жуковская Н. В.** Отражение этнических стереотипов устойчивыми словосочетаниями и фразеологизмами с компонентом-этнимом в английском языке // Альманах современной науки и образования. Филологические науки. 2010. № 2, ч. 2. С. 64–66.
- Карасик В. И., Ярмахова Е. А.** Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
- Лашкова Г. В., Сисина М. А.** Как понять австралийца? К проблеме австралийского варианта английского языка // Изв. Саратов. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2008. Вып. 1. С. 9–12.
- Орлов Г. А.** Современный английский язык в Австралии. М.: Высш. школа, 1978. 172 с.
- Ощепкова В. В.** Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб: ГЛОССА / КАРО, 2006. 336 с.
- Петерс Б.** О лингвокультурологии и культурологической лингвистике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11
- Петерс (Питерс) Б.** ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА – это лингвокультурология, но ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ли? // Жанры речи. 2017b. № 1 (15). С. 37–50. DOI 10.18500/2311-0740-2017-1-15-37-50
- Фефелов А. Ф.** Этносемантические свойства культурной среды: рефракция и адаптация // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016a. Т. 14, вып. 3. С. 15–33.
- Фефелов А. Ф.** Семантика и прагматика взаимодействия британской и китайской культур в поликодовом тексте документального фильма // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016b. Т. 14, вып. 4. С. 60–80.
- Цебровская Т. А.** Структурно-семантические особенности дерогативно маркированных этнимомов канадского, австралийского и новозеландского вариантов английского языка // Изв. Южного федерального ун-та. Филологические науки, 2016. № 2. С. 192–203.
- Gudykunst, W.** Theorizing about Intercultural Communication. SAGE Publications, Inc, 2005. 488 p.
- Hough, C.** The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford, OUP, 2016, 832 p.

- Kachru, B. B.** World Englishes: Agony and ecstasy. *Journal of Aesthetic Education*, 1996, 30, p. 135–155.
- Peeters, B.** Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE : le cas de l'ethnolinguistique appliquée. *Dire*, 2017, vol. 9, p. 43–60. DOI 10.25965/dire.816
- Wierzbicka, A.** Understanding Cultures through Their Key Words. Oxford, OUP, 1997, 317 p.

References

- Fefelov, A. F.** Ethnosemantic properties of cultural media: refraction and adaptation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016a, vol. 14, no. 3, p. 15–33. (in Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ethnosemanticheskie-svoystva-kulturnoy-sredy-refraktsiya-i-adaptatsiya>
- Fefelov, A. F.** Semantics and Pragmatics of British and Chinese Cultural Interactions in Multimodal Text of a Documentary. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2016b, vol. 14, no. 4, p. 60–80. (in Russ.) URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28092707>
- Grishaeva, E. B.** Words-images as an expression of national culture (on the basis of the Australian variety of the English language). *Language and Culture*, 2011, no. 2, p. 5–12. (in Russ.)
- Gudykunst, W.** Theorizing about Intercultural Communication. SAGE Publications, Inc, 2005. 488 p.
- Hough, C.** The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford, OUP, 2016, 832 p.
- Kachru, B. B.** World Englishes: Agony and ecstasy. *Journal of Aesthetic Education*, 1996, 30, p. 135–155.
- Karasik, V. I., Yarmahova, E. A.** Linguocultural archetype “An English Crank”. Moscow, Gnosis, 2006, 240 p. (in Russ.)
- Lashkova, G. V., Sisina, M. A.** How to understand the Australian? To the problem of the Australian variant of the English language. *Bulletin of the Saratov University. Series: Philology. Journalistics*, 2008, vol. 1, p. 9–12. (in Russ.)
- Orlov, G. A.** Modern English in Australia. Moscow, Higher School Publ., 1978, 172 p. (in Russ.)
- Oshhepkova, V. V.** Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand. Moscow, St. Petersburg, GLOSSA / KARO Publ., 2006, 336 p. (in Russ.)
- Peeters, B.** Du bon usage des stéréotypes en cours de FLE : le cas de l'ethnolinguistique appliquée. *Dire*, 2017, vol. 9, p. 43–60. DOI 10.25965/dire.816
- Peeters, B.** On Linguoculturology and Cultural Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11
- Peeters, Bert.** APPLIED ETHNOLINGUISTICS Is Cultural Linguistics, but Is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, vol. 3 (2), p. 137–160.
- Tsebrovskaya, T. A.** Structural and semantic features of the derogatively marked ethnonyms of the Canadian, Australian and New Zealand variants of the English language. *Bulletin of the Nizhniy Novgorod Federal University. Philological Sciences*, 2016, no. 2, p. 192–203. (in Russ.)
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G.** Linguocultural theory of the word. Moscow, Russian Language Publ., 2001, 328 p. (in Russ.)
- Wierzbicka, A.** Understanding Cultures through Their Key Words. Oxford, OUP, 1997, 317 p.
- Zhukovskaya, N. V.** Reflection of ethnic stereotypes in fixed collocations and phraseological units with the ethnonym component in English. *Almanac of Modern Science and Education. Philological Sciences*, 2010, no. 2, pt. 2, p. 64–66. (in Russ.)

Список словарей / Dictionaries

Oxford Living Dictionaries. URL: www.en.oxforddictionaries.com (дата обращения 20.06.2018).
The Australian National Dictionary. URL: www.australiannationaldictionary.com.au (дата обращения 25.06.2018).
The Macquarie Dictionary. URL: www.macquariedictionary.com.au (дата обращения 25.06.2018).

Список источников / Web resources

Интернет-издание "The Australian". URL: www.The Australian.com.au (дата обращения 01.08.2018).
Интернет-издание "The Daily Telegraph". URL: www.dailytelegraph.com.au (дата обращения 01.08.2018).

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
30.08.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Слесарева Екатерина Романовна, выпускница программы «Язык и коммуникация», факультет искусств Радбаудского университета (Неймеген, Нидерланды)

Ekaterina R. Slesareva, alumna of the programme Language and Communication, Radboud University Nijmegen, Faculty of Arts (Nijmegen, Netherlands)

kat-slesareva@yandex.ru

Рыжкина Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Olga A. Ryzhkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Intercultural Communication, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ryzhkinao@inbox.ru

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Institute of Humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

bobyrgan@mail.ru

SPIN 6759-3782

УДК 81'27
DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-120-131

Основные компоненты коммуникативной ситуации деловых переговоров

А. О. Столярова

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

В статье раскрываются понятия коммуникативной ситуации, бизнес-дискурса и деловых переговоров, а также рассматриваются особенности функционирования данных понятий. В фокусе же данной статьи находится художественное отражение коммуникативной ситуации деловых переговоров в американских кинофильмах, представляющее интерес в рамках бизнес-дискурса. Учитывая активное внимание современной лингвистики к институциональному дискурсу в общем и бизнес-дискурсу, в частности, необходимость детального изучения функционирования профессиональных дискурсов различных практик представляется актуальной. В данном исследовании на конкретных примерах из американских кинофильмов проводится анализ ситуации деловых переговоров. За основу взята компонентная структура коммуникативной ситуации, разработанная Т. ван Дейком (2008), включающая шесть основных элементов, присущих любой ситуации общения. В процессе исследования были применены: метод анализа визуального материала (позволивший рассмотреть сцены из кинофильмов в виде качественного источника данных, главным образом о невербальном аспекте коммуникации), интерпретационно-текстовый метод (позволивший рассмотреть типичные модели поведения участников деловых переговоров), метод сплошной выборки (позволивший выделить языковые единицы, указывающие на личностные характеристики коммуникантов) и метод дискурс-анализа (позволивший выявить дискурсивные характеристики беседы в рамках деловых переговоров). В результате исследования удалось подтвердить наличие выделенных Т. ван Дейком компонентов в художественном отображении ситуации деловых переговоров, рассмотреть и описать их функции, и ответить на основные вопросы: кто выполняет роль коммуникантов в ситуации переговоров, какого рода отношения развиваются между ними, какие темы речевых сообщений характерны для исследуемой ситуации, в чём выражены речевая-коммуникативная и внеречевая деятельность коммуникантов.

Ключевые слова

коммуникативная ситуация, бизнес-дискурс, деловая коммуникация, деловые переговоры, кинодискурс, структурный анализ

Для цитирования

Столярова А. О. Основные компоненты коммуникативной ситуации деловых переговоров // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 120–131. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-120-131

Key Components of Communicative Situation of Business Negotiations

Anastasiia O. Stolyarova

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The following article considers the concepts of communicative situation, business discourse and business negotiations, as well as the specificity of their functioning. The research focuses on the cinematographic representation of commu-

© А. О. Столярова, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

nicative situation per se, which is of great interest within the field of business discourse. Taking into account sustained attention of present-day linguistics to institutional discourse in general and business discourse in particular, the need for a detailed study of the functioning of professional discourse seems quite urgent. As examples of the present study scenes of business negotiations from several American films were taken. The research rests on the componential structure of the communicative situation developed by Teun A. van Dijk (2008), which includes six basic elements inherent in any communicative situation. During the study, the following methods were applied: visual material analysis (which allows of considering a scene from a movie as a qualitative source of data, mainly in terms of non-verbal communication), method of text interpretation (which allows a researcher to single out typical patterns of behavior of businessmen during negotiations), continuous sampling method (which helps to identify language units that indicate personal characteristics of interlocutors) and a method of discourse analysis (allowing to distinguish discursive characteristics of business negotiations). As a result of the research, the presence of the components of the communicative situation identified by Teun A. van Dijk in situations of business negotiations in cinematography was confirmed. The functions performed by these components were analyzed, and the answers to the following questions were given: who performs the role of interlocutors in the situation of business negotiations, what kind of relations they hold, what message topics are common for a situation of negotiations, what are the key features of the speech and non-speech activity of business negotiations.

Keywords

communicative situation, business discourse, business communication, business negotiations, film discourse, structural analysis

For citation

Stolyarova, Anastasiia O. Key Components of Communicative Situation of Business Negotiations. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 120–131. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-120-131

В современном мире рыночные и социальные отношения стабильно идут рука об руку, что заставляет лингвистов активнее, чем раньше, изучать процессы деловой коммуникации. Многие люди, даже не являясь частью делового мира, находят важным умение применять в своей речи тактики и приемы, которыми активно пользуются представители бизнес-дискурса, а также глубже понимать процесс функционирования элементов коммуникативной ситуации. Этот факт обуславливает необходимость ее разложения на основные компоненты и подробного анализа каждого из них. В настоящей статье проводится анализ коммуникативных ситуаций деловых переговоров, отображенных в американских кинофильмах, т. е. зафиксированных в виде киноскриптов.

Коммуникативную ситуацию определяют по-разному. Мы будем придерживаться подхода лингвистов Л. Л. Славовой [2000] и Г. Б. Филимоновой [2002], которые под этим термином подразумевают комплекс идеальных (лингвистических и экстралингвистических) и материальных (собственно физических) факторов, взаимодействие которых в результате порождает речевое высказывание. Формирование коммуникативной ситуации обусловлено желанием одного индивида передать или получить информацию от другого. Важно при этом понимать, что любое общение реализуется в первую очередь в рамках социальной ситуации, и именно социальные условия, окружение и обстановка беседы определяют тип дискурса (который представляет собой «глубокую структуру человеческого мышления, восприятия и речи» [Bühnman, Schneider, 2008, p. 12]), характеризующего данную конкретную ситуацию, и именно он обуславливает выбор определенных лексических, грамматических и просодических средств данной беседы. В общем понимании, коммуникативной ситуацией принято обозначать отраженный в языке отрезок реальной действительности; это совокупность внешних условий и обстоятельств, совместно с внутренними состояниями коммуникантов, в которых протекает акт коммуникации.

На текущий момент проведены исследования следующих коммуникативных ситуаций: соперничества (И. И. Савчук [2007]), изменения матримониального состояния (В. В. Якуба [2006]), конфликта (О. С. Волкова [2008]), приглашения (И. С. Егорова [2013]), нарушение акта коммуникации (Л. Л. Славова [2000]), извинения (Ю. В. Туфанова [2010]) и пр.

Выделить основные компоненты коммуникативной ситуации удалось Т. ван Дейку. Говоря о дискурсе, автор отмечает, что он включает определенную картину, именуемую комму-

никативной ситуацией, которая демонстрирует действия, свойства и отношения предметов или людей [Dijk, 2008]. Таким образом, ситуация в понимании лингвиста – это демонстрация отношений между объектами действительности; отрезок жизни, в котором под влиянием экстралингвистических факторов осуществляется процесс симбиоза речевой и предметной деятельности субъекта, в результате которого производится финальный продукт – речевое сообщение. Составным элементом коммуникативной ситуации является коммуникативный акт, состоящий лишь из трех элементов: адресант, само сообщение и адресат. Основными же компонентами коммуникативной ситуации являются следующие:

- 1) коммуниканты;
- 2) отношения между коммуникантами;
- 3) текст как речевое сообщение;
- 4) речевая, т. е. коммуникативная, деятельность коммуникантов;
- 5) внеречевая деятельность коммуникантов;
- 6) внешние компоненты внеречевой деятельности коммуникантов.

Наличие как минимум двух коммуникантов является безусловным компонентом коммуникативной ситуации, учитывая, что сообщение должно быть передано адресантом и воспринято адресатом, чтобы обусловить создание акта коммуникации. Взаимодействие между адресатом и адресантом формирует установление определенных отношений между ними, что стимулируется личными целями, мотивами и установками коммуникантов. При этом важно понимать, что основная функция коммуникации заключается в координации деятельности людей посредством знаков, а главной движущей силой коммуникации является стимул познания или коммуникативно-познавательная мотивация. Данная мысль подкрепляет важность четвертого компонента коммуникативной ситуации – речевой деятельности участников общения. Речевыми и языковыми факторами являются стиль и жанр речи, индивидуальные речефизиологические особенности и идиостиль, регистр, форма коммуникации (устная / письменная, монологическая / диалогическая), языковая грамотность, особенности языка, на которых протекает процесс коммуникации. Не обходится коммуникативная ситуация и без внеречевой деятельности, которая позволяет участникам разговора реализовать свои неречевые (предметные) намерения и скоординировать речевую деятельность, т. е. облечь мысли в словесную форму. Соотношение речевых и внеречевых компонентов невозможно без влияния экстралингвистических факторов – своеобразного связующего звена между предметной и речевой деятельностью субъекта. К экстралингвистическим факторам относятся: обстановка, в которой происходит процесс общения, национально-культурная специфика речи коммуникантов, их взаимоотношения, культурные и этические нормы общения.

Шесть приведенных выше компонентов коммуникативной ситуации составляют замкнутую систему, в которой от каждого элемента зависит успешность протекания самого процесса и его конечный результат. Изучая подобный механизм, тщательному анализу должна подвергнуться каждая его деталь. Для качественного анализа такого явления, как коммуникативная ситуация, необходимо располагать определенным набором параметров. Уникальность каждой ситуации делает невозможным подсчитать их количество, однако можно выделить ряд специфических черт и характеристик, на основе которых становится возможным разграничить ситуации.

В данной статье рассматривается коммуникативная ситуация из области бизнес-дискурса, или дискурса предприятия [Gunnarsson, 2005], а именно ситуация деловых переговоров, отобранная в продукте кинодискурса, т. е. в кинофильме. Пользуясь обобщенным определением Г. Кеннеди, деловые переговоры – это вид деловой коммуникации, направленной на достижение корпоративных целей и урегулирование профессиональных конфликтов [Kennedy, 1997]. Как правило, в акте переговоров принимают участие как минимум две стороны; основной целью является достижение консенсуса, приемлемого для каждой из них.

Язык переговоров относится к области институционального, а конкретнее – бизнес-дискурса [Trosborg, Jorgensen, 2005]. Бизнес-дискурс – это область общения представителей биз-

несреды, которые используют язык для достижения корпоративных и профессиональных целей. Проще говоря, это тот язык, который используют сотрудники коммерческих предприятий для выполнения своей работы [Bargiela-Chiappini et al., 2007]. Он применяется в качестве языка повседневного общения в компаниях, фирмах, на предприятиях. Именно благодаря использованию языка делового общения сотрудники и достигают предметных результатов в виде создания товаров / услуг, а вместе с тем и особого мира их обособленной и уникальной корпоративной среды [Wolf, 2010]. Основными характеристиками бизнес-дискурса являются корпоративность (черта принадлежности говорящих к единому обществу при наличии единых профессиональных целей, ценностей, убеждений), конвенциональность (процесс использования определенного набора языковых клише и шаблонных фраз, узконаправленных терминов, грамматических и лексических оборотов при выполнении стандартных деловых процедур, таких как ведение переговоров, бесед и совещаний, подписание контрактов, ведение деловой переписки и телефонных разговоров), формальность (уважение статусно-ролевых отношений, субординации, стиля и регистра общения) [Иванова, 2015] и ритуальность (выполнение стандартных деловых процессов по определенной схеме).

В настоящем исследовании мы рассматриваем бизнес-дискурс в условиях кинодискурса, проще говоря, ситуации деловых переговоров в кинофильмах. Кинодискурс – «это связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами» [Зарецкая, 2010. С. 7], включающий вертикальный контекст и прецедентные дискурсы. Являясь самодостаточным объектом лингвистических исследований, кинодискурс представляет собой обширный и репрезентативный источник языковых данных и примеров коммуникативных ситуаций, адекватно отображающих и имитирующих реальное общение. Мы разделяем идею о рассмотрении фильма как текста с присущими киноязыку особенностями стилистики, грамматики и лексики [Кислицына, Службина, 2018], и считаем необходимым очертить основные различия между реальной ситуацией переговоров и ее художественным воссозданием.

Во-первых, в кинодиалогах возникает необходимость включения большего объема информации в реплику по причине двойной направленности диалогов в кино: адресант обращается не только к художественному адресату, но и к зрителю. В реальных же диалогах коммуникантам не всегда нужно повторять то, что собеседник и так уже знает [Kozloff, 2000]. В художественном отражении ситуации деловых переговоров эта черта проявляется, к примеру, при зачитывании пунктов контракта вслух или проговаривании условий договора для того, чтобы ввести в курс дела также и зрителя.

Во-вторых, в силу ограниченного хронометража кинокартин, диалоги, как правило, сжаты. Именно по этой причине в ситуации переговоров на экране, кадры, не представляющие интерес для зрителя (чтение контракта, детальное обсуждение каждого пункта, заполнение бумаг и т. п.), часто опускаются. После монтажа остаются сцены, наиболее эмоционально демонстрирующие основную суть и исход переговорного процесса: изложение повестки встречи, брейнсторминг, споры, вынесение результатов обсуждения и т. п.

В-третьих, в отличие от реальных диалогов в ситуации деловых переговоров кинодиалогам присуща некоторая доля драматизации и образности, причиной чего является сама природа жанра кинематографа, характер сюжета, суть сценария, замысел режиссера и искусственно созданные образы героев. Это означает, что традиционно присущие официально-деловому стилю общения сухость и лаконичность нередко уступают место идиоматичным, эмоционально насыщенным разговорам.

В-четвертых, в силу жанра диалоги в кино обладают лишь «относительной самостоятельностью» [Горшкова, 2006, с. 140]. Полное и точное восприятие сцены возможно только в тандеме с аудиовизуальным сопровождением, что увеличивает долю имплицитности в кинодиалогах [Колодина, 2013].

Итак, взяв за основу основные компоненты коммуникативной ситуации, выделенные Т. ван Дейком, можно описать каждый из них, применительно к ситуации деловых переговоров в рамках бизнес-дискурса.

1. В роли коммуникантов выступают две противоположные стороны, представляющие разные компании, фирмы, предприятия, отделы и департаменты, филиалы и даже страны. Однако, как было сказано выше, основной целью переговоров является стремление достичь корпоративные цели, урегулировать спорные вопросы и в итоге прийти к решению, приемлемому для обеих сторон. И немалую роль здесь играет конкретное построение деловой коммуникации. В случае если переговоры проходят между представителями разных национальностей и культур, косвенными коммуникантами выступают приглашенные переводчики.

2. Отношения между коммуникантами, как правило, носят сугубо деловой характер, подчиняющийся общепринятым правилам вежливости и корректности. Участниками переговоров могут быть как представители советов директоров или иные репрезентанты руководящих должностей, так и другие специалисты, компетентные в рассматриваемом на переговорах вопросе, помощники, советники, заместители и пр. Неизменным атрибутом процесса являются соблюдение субординации и уважение статусно-ролевых отношений. Что же касается деловых отношений между представителями разных полов, то во многих современных иностранных и российских компаниях действует политика нетерпимости к завязыванию романтических отношений на работе, поэтому любое проявление излишней симпатии и выход за рамки сухого и предметного стиля коммуникации может быть расценено как сексуальное домогательство.

3. В качестве текста – речевого сообщения на переговорах – может выступать деловое предложение, изложение проблемы профессионального характера или словесная формулировка предмета конфликта. Один из этих пунктов играет роль отправной точки, а весь дальнейший процесс строится на обмене идеями и мнениями в ответ на предложение или на объяснениях в ответ на обвинение.

4. Речевая деятельность участников переговоров заключается в построении беседы, в которой обе стороны обладают равным правом на высказывание и защиту интересов своей компании и своих собственных. Любые переговоры можно сравнить с диалогом в форме вопросов и ответов, поэтому коммуникация здесь выстраивается по принципу игры в мяч: вопрос – ответ, предложение – принятие / отторжение, обвинение – защита / нападение. Инициативой (или мячом), очевидно, обладает тот, кто задает вопросы, выдвигает предложения и обвинения. Язык переговоров устный и диалогический, использование средств выразительности ограничено. Речь участников деловых переговоров предполагает лингвистическую грамотность, низкий уровень эмоциональности, определенную сухость и сдержанность изложения, применение специальной терминологии, клишированных фраз и ритуальных элементов (приветствие, знакомство и представление всех участников переговоров, краткая беседа на общие темы (small talk), шутка, комплимент, собственно переговоры, вердикт, прощание). Однако, как мы уже упоминали, специфика кинематографического жанра диктует свои правила.

5. Как известно, внеречевые элементы коммуникации призваны усилить выразительность и эмоциональность речи, которые бизнес-дискурсу присущи лишь в малой степени. Именно по этой причине внеречевая или изобразительная деятельность участников переговоров относительно скудна: коммуниканты сидят за столом переговоров в схожей позе лицом друг к другу, их жестикуляция лимитирована, так же, как и, в определенной степени, мимика. Объем использования внеречевых элементов зависит от третьего элемента данной системы – речевого сообщения. Чем эмоциональнее тема переговоров (например, улаживание корпоративного конфликта в противовес сухому изложению делового предложения), тем активнее коммуниканты прибегают к внеречевым элементам коммуникации (например, жестикуляция). Сами по себе переговоры являются эмоционально насыщенным процессом, что делает подобные сцены привлекательными для кинозрителя.

6. Классические деловые переговоры, как правило, проходят в зале переговоров или заседаний, на территории одной из сторон. Как и в любом типе коммуникации, участники переговоров обязаны соблюдать культурные и этические нормы общения, обладать навыками межкультурной деловой коммуникации, в случае если в качестве второй стороны выступают иностранные бизнесмены, и уважать национально-культурную специфику речи противоположной стороны.

Таким образом выглядит классическая ситуация деловых переговоров. Однако в современном мире, где вертикальная структура менеджмента уступает дорогу горизонтальной, нередко можно встретить ситуацию переговоров с полуофициальными стилем общения и организацией пространства.

В качестве примеров для анализа в данной статье используются укороченные ситуации деловых переговоров из следующих американских кинофильмов.

1. «Wall Street», режиссер Оливер Стоун (1987), получивший «Оскар» и «Золотой глобус» за лучшую главную мужскую роль финансиста-миллиардера Гордона Гекко. Фильм повествует о молодом биржевом брокере Баде Фоксе, стремящемся преуспеть на Уолл-Стрит.

2. «The Most Violent Year», режиссер Джей Си Чендор (2014), признанный лучшим фильмом года, по версии Национального совета кинокритиков США, рассказывающий историю бизнесменов Эйбела Моралеса и его жены Анны, стремящихся вести честный бизнес в эпоху разгула преступности в 1980-е гг. в США.

3. «The Big Short», режиссер Адам Маккей (2015), заслуживший премию «Оскар» и посвященный истории нескольких финансовых аналитиков, успешно сыгравших на понижение курса ипотечных облигаций во время финансового кризиса 2014 г.

Первая анализируемая ситуация демонстрирует ситуацию переговоров между Гордоном и Бадом, с одной стороны, и представителями (одним из которых является отец Бада Карл Фокс) авиакомпании *Bluestar*, с другой (Дункан Вилмор, Тони Карпентер и стюардесса Каролин). На повестке дня – предложение мистера Гекко купить акции авиакомпании. Присутствующих шесть человек, все говорят на английском языке, а очевидный американский акцент каждого из говорящих дает основания полагать, что персонажи являются американцами. Этот вывод можно сделать в первую очередь благодаря фонетическим, а также лексическим особенностям речи: *modest* ['ma:dist], *unprofitable* [ʌn'prɑ:fɪtəbl], *profitability* [ˌprɑ:fɪtə'bɪləti], *contest* ['kɑ:ntest], *twenty* ['twenti], *thirty* ['θɜ:rti], *not enough* [ˌnɑ:ɪ'naʃ], *expand* [ɪk'spænd], *what I hear so far* [ˌwɑ:ɪ ai 'hɪr sɔʃ fɑ:ɹ], и присущее американскому варианту английского языка обилие слов и фраз *guy*, *come on*, *I mean*.

Стороны переговоров не знакомы друг с другом (кроме Бада с Карлом, находящихся в близких родственных отношениях «отец – сын»), поэтому первостепенным ритуалом встречи является знакомство коммуникантов:

Bud: Hi, Dad.

Karl: Hello, son. Sorry I'm late.

Bud: It's O.K. Dad, you know Duncan Wilmore.

Karl: Since before you were born.

Bud: Toni Carpenter, flight attendants.

Karl: How are you?

Bud: And I'd like you to meet Mr. Gekko.

Отношения участников носят сугубо деловой характер, что становится ясным, судя по отсутствию в разговоре иных тем, помимо предмета встречи и сухих формулировок интересующих вопросов.

В качестве речевого сообщения выступает предложение Гордона Гекко купить акции авиакомпании:

Gordon Gekko: Mr.Fox. I'd be proud to have a son like Buddy. Ok look, I got no illusions about winning a popularity contest with any of you. It's not the popular guy who gets the job done. You got losses of \$20 to \$30 million, dividends cut to zero, and you're being squeezed to death by the majors. Present management may not be the worst scum, but they're the guys that put you on this kamikaze course. Pretty soon, everybody will be scram-

bling for parachutes, only there's not enough to go around. Management has them. You don't. Now, if they throw Bluestar to Chapter 11, which I think they will, then they'll use bankruptcy laws to break your unions, your contracts, and throw you guys off the property”.

Dunkan: Oh, come on Mr. Gekko. What's to prevent you from doing the same damn thing?

Gordon Gekko: Because I got a way around all of this, a way we can all make money and make the airline profitable. What do you say we cut to the chase? I'm asking for a modest 20% across-the-board wage cut and seven more hours a month.

Carolyn: What kind of time frame?

Gordon Gekko: Give me a year. If we're still losing money, the reduction stands. If we're in the black, salaries go back to their present level, and we initiate an employee profit-sharing program with stock. You can own part of the airline.

Dunkan: Can you put that in writing?

Gordon Gekko: I'll have it drafted in two days.

Carolyn: What's your marketing strategy? How will you return to profitability?

Данный пример переговоров демонстрирует стандартное построение беседы, структурированной следующим образом: приветствие, представление присутствующих, краткая беседа на отвлеченные темы и комплимент (*I'd be proud to have a son like Buddy*), непосредственно переговоры; прощание в данном примере отсутствует. Руководит переговорами Гордон Гекко, будучи инициатором предложения, он передает слово Бад Фоксу, когда приходит время детальных пояснений, и дает развернутые ответы на все возникающие у второй стороны вопросы. Несмотря на обстановку делового дискурса, данная беседа изобилует идиоматическими выражениями и профессиональными жаргонизмами (что обусловлено в том числе художественной выразительностью кинематографа): метафорами (*to be squeezed to death, to put sbd on a kamikaze course, to be scrambling for parachutes, to win a popularity contest with sbd, to throw off the property, to cut to the chase, to be in the black, the door will always be open to sbd, to keep the Bluestar flying, to squeeze every dollar, to beat the majors at a price war, to think big, cards are on the table, to be in the ballpark, to sketch some broad strokes, a bag of tricks*), приемом персонификации (*salaries go back*), гиперболой (*since before you were born*), вульгаризмами (*to be the worst scum, the same damn thing, dogshit, to give a damn*). Пояснительный монолог Бада Фокса четко структурирован, что является признаком дискурса деловых переговоров, и содержит перечисление трех важных пунктов будущей работы по реструктуризации авиакомпании.

Во время монолога Гордон Гекко перемещается по комнате и жестикулирует. Когда слово переходит к Бад Фоксу, Гекко хлопает того по плечу, Бад также встает с места и подкрепляет слова жестами, делая свою речь выразительнее. У всех присутствующих есть «раздаточный» материал с актуальной информацией, в который каждый время от времени заглядывает:

Gordon Gekko: Why don't I give Buddy an opportunity to answer that?

Bud: Thank you, Gordon. First of all, I want you all to know my door will always be open to you because I know from my dad that you keep Bluestar flying. This is a basic three-point plan. One... we modernize. Our computer software is dogshit. We update it. We squeeze every dollar out of each seat and mile flown. Effective inventory management through computerization will increase our load factor by 5 to 20 %. That translates to approximately \$50 to \$200 million in revenues. We can beat the majors at a price war. Two... advertising, very important, more, more, and aggressive. We attack the majors! Three... expand our hubs to Atlanta and St. Louis. We reorganize all of our feeder schedules. We got to think big, guys. We're going after the majors.

Подходя к этапу вынесения вердикта, инициатор и руководитель встречи (Гекко), посредством прямого вопроса стремится разузнать точку зрения противоположной стороны о предмете переговоров. В ответ на свой вопрос он получает, хотя и косвенные, но утвердительные ответы.

Gordon Gekko: Cards on the table, guys. What do you say?

Dunkan: If you mean what you say, I think we're in the ballpark. I can take it to my people.

Carolyn: You've sketched some broad strokes. I would like to see the fine print, but I like what I hear so far.

Переговоры проходят в полуофициальной обстановке, в кабинете Гордона Гекко в его квартире. Участники расположились за столом не только на стульях, но и в кресле, на диване, что делает обстановку менее официальной и чуть более расслабленной. Участникам беседы также обеспечили закуски и напитки. Двое участников переговоров курят сигареты.

Ситуация заканчивается выражением несогласия Карла Фокса с выдвинутым предложением и вынесением обвинения миллиардеру Гекко в жадности и безразличии бизнесмена к судьбе служащих авиакомпании. Формальная концовка коммуникативной ситуации в данном примере вообще отсутствует:

Karl: I guess if a man lives long enough, he gets to see everything. What else you got in your bag of tricks?

Gordon Gekko: Frankly, Carl, I can't see giving much more, but if you have any suggestions, I'll be very happy to listen.

Karl: There came into Egypt a pharaoh who did not know.

Gordon Gekko: Is that a proverb?

Karl: No. A prophecy. The rich been doing it to the poor since the beginning. The difference between the pyramids and the Empire State Building is the Egyptians didn't allow unions. He don't give a damn about Bluestar or the unions (Oliver Stone "Wall Street", 1987).

Сюжет второй анализируемой ситуации демонстрирует процесс покупки земли главным героем фильма «Самый жестокий год» Эйбелем Моралесом после нескольких лет переговоров, из чего следует, что стороны знакомы друг с другом. Переговоры проходят между Эйбелем и его адвокатом мистером Уолшем, с одной стороны, и владельцем земли, и его компаньонами, с другой:

Land owner: Mr. Walsh has reviewed the contract fully.

Abel Morales: Of course.

Land owner: You brought the money?

Abel Morales: Yes.

Land owner: You know you only have 30 days to close the transaction. No extensions. No contingencies, whatsoever.

Abel Morales: I understand.

Land owner: You fulfill the terms of the contract, property is yours. If you cannot, we keep the money. And we sell the property to your competitor. Who has been after us almost as badly as you have. I like you. But you should know that the only reason we choose you is because of the favorable conditions of the contract. And once you sign the...

Abel Morales: I understand.

Land owner: Well, show us the money and, uh, then I'll sign the papers. Here it is (J. C. Chandor, "The Most Violent Year", 2014).

Переговоры проходят в импровизированном кабинете на территории владельца покупаемой земли, участники расположились за столом, в руках у адвоката находится кейс с деньгами, в руках у продавца – папка с договором. В предшествующей киносцене зрителю рассказали о том, что главный персонаж вел переговоры с владельцем земли уже несколько лет, поэтому зритель готов к тому, что в сцене переговоров демонстрируется только финальная стадия – конечные разъяснения и подписание контракта.

Абель в своей речи придерживается стратегии полного согласия и избегания категоричности, что проявляется в краткости и лаконичности его реплик (*of course / yes / I understand*). Представитель противоположной стороны, наоборот, категоричен в своих высказываниях (*you only have 30 days to close the transaction / no extensions / no contingencies*) и ставит условия (*You fulfill the terms of the contract, property is yours / If you cannot, we keep the money and sell the property to your competitor / show us the money and then I'll sign the papers*).

Жестикуляция участников переговоров сведена к минимуму, они не перемещаются. Единственное изменение позы, демонстрируемое зрителю, – приближение и отдаление сидящих от стола переговоров.

В третьей анализируемой, художественно воссозданной ситуации деловых переговоров мы наблюдаем сцену, в которой два молодых инвестора-компаньона, Чарли Геллер и Джей-

ми Шипли, приходят в банк J. P. Morgan Chase на встречу с его представителем по имени Крис, в надежде заключить соглашение с J. P. Morgan на долгосрочные опционы:

Chris: Hello, hey! Chris.

Charlie Geller: I'm Charlie, I'm Charlie Geller.

Jamie Shipley: I'm Jamie, Jamie Shipley. Hi! We're so excited to get setup on your trading platform.

Chris: Here, eh... Have a seat a second.

Jamie Shipley: Alright!

Встреча начинается с классического приветствия и знакомства, так как стороны видят друг друга впервые. Произнесение своих имени и фамилии происходит в традиционной американской манере: в первую очередь имя, затем повтор имени и фамилия. Джейми, используя скрытую стратегию комплимента, выражает радость от потенциального сотрудничества, стремясь настроить противоположную сторону переговоров на дружеский лад.

Chris: So I... Ted did ask Ehm... to do us some meeting in front. But I eh... I couldn't find any marketing material on you guys.

Charlie Geller: Oh... we just moved here from Boulder.

Chris: Oh, can we see some of your offering documents?

Charlie Geller: Well Brownfield has its own money.

Jamie Shipley: It's our money yeah.

Chris: Well can you tell us how much you manage?

Charlie Geller: Of course! We're doing 30 million right now... eh... But we started four years ago, with a hundred-ten thousand. So as you can see, that's pretty phenomenal returns.

Jamie Shipley: We wanna get an ISDA-agreement with J.P. Morgan, so we can deal in long-term options.

Chris: That's really cool! Yeah! That is so cool!

Вышеизложенная часть выступает в роли основной в структуре переговоров: представитель банка задает интересующие его деловые вопросы и получает на них ответы. На словах предпоследней реплики в этой части кадр ставят на паузу, переговорный процесс приостанавливается, и на экран выводится упрощенное определение термина *ISDA*, что позволяет оперативно ввести зрителя в курс дела, не отвлекая стороны от сути дела, и что, конечно же, невозможно в ходе реальной ситуации переговоров.

Charlie Geller: Thank you!

Chris: But eh... You guys are under the capitol requirements for an ISDA.

Charlie Geller: By how much?

Chris: Er... How much eh... One billion four-hundred-seventy millions so... A lot!

На этой фразе заканчивается кульминационный момент переговоров, уступая дорогу заключительной части структуры беседы – прощанию:

Charlie Geller: This makes us look bad, doesn't it? That we didn't know what the capitol requirements were.

Chris: I... eh... It's not great! But, eh... Keep up those returns and give us a call way down the line you know? Ok?

Jamie Shipley: Ok, of course! Thanks Chris!

Chris: Have a good one guys!

Charlie Geller: Thank you Chris! (Adam McKay, "The Big Short", 2015).

На протяжении всего времени переговоров участники сидят в креслах холла банка J. P. Morgan, не меняя своих поз и практически не двигаясь. Мужчины одеты в деловые костюмы с галстуками, инвесторы держат в руках деловые бумаги. Ввиду непродуктивности переговоров встреча оказывается очень короткой и занимает менее двух минут времени кинокартины. Общий тон беседы позитивный, представители обеих сторон вежливы, улыбки и предельно корректны, даже несмотря на то, что к соглашению прийти не удалось.

Заключение

Таким образом, взяв за основу группу компонентов коммуникативной ситуации, выделенную Т. ван Дейком, нам удалось рассмотреть функционирование ситуации деловых переговоров в кинодискурсе и предоставить ответы на основные вопросы о базовой структуре

коммуникативной ситуации деловых переговоров, представленной в художественном отражении: кто выполняет роль коммуникантов в ситуации переговоров, какого рода отношения развиваются между ними, какие темы речевых сообщений характерны для данной ситуации, в чем выражены речевая и внеречевая деятельность коммуникантов. Выделенные принципы корпоративности, конвенциональности, формальности и ритуальности, характерные для бизнес-дискурса, не являются нерушимыми, время от времени позволяя вульгаризмам, метафорам и идиоматическим выражениям влиять на стиль и регистр общения, а исход событий вправе нарушить ритуальность процессов, лишив, например, ситуацию логического завершения – классического вердикта и прощания сторон.

Список литературы

- Волкова О. С.** Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «бытовой конфликт»: на материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 188 с.
- Горшкова В. Е.** Перевод в кино. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 278 с.
- Егорова И. С.** Коммуникативная стратегия речевого акта приглашения в англоязычном дискурсе // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2013. № 4. С. 5–10.
- Зарецкая А. Н.** Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
- Иванова М. А.** Аббревиатуры в структуре профессиональной англоязычной личности бизнесмена: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 177 с.
- Кислицына Н. Н., Службина А. Г.** Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) // Вестник Кемеров. гос. ун-та. 2019. № 21 (2). С. 513–520.
- Савчук І. І.** Втілення тактико-стратегічного компоненту когнітивної моделі ситуації суперництва у сучасній англійській прозі // Нова філологія. 2007. № 26. С. 144–148.
- Славова Л. Л.** Типологія комунікативних невдач (на матеріалі сучасного англійського мовлення): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Киев, 2000. 18 с.
- Колодина Е. А.** Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2 (1). С. 327–333.
- Туфанова Ю. В.** Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010. 205 с.
- Филимонова Г. Б.** Детерминированность высказывания коммуникативной ситуацией // Вестник МГЛУ. Серия 1 «Филология». 2002. № 9. С. 38–44.
- Якуба В. В.** Мовні засоби відображення ситуації зміна матримоніального стану в англійській художній прозі ХХ століття (лінгвокогнітивний та комунікативно-прагматичний аспекти): Дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2006. 200 с.
- Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C., Planken, V.** Business Discourse. Basingstoke usw. Palgrave Macmillan, 2007, 282 p.
- Bührman, A., Schneider, W.** Mehr als nur discursive Praxis? Konzeptionelle Grundlagen und methodische Aspekte der Dispositivanalyse. Huddersfield, 2008, S. 108–141.
- Dijk, T. A.** Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008, 267 p.
- Gunnarsson, B.-L.** The Organization of Enterprise Discourse. In: A. Trosborg & P. E. Jorgensen Flyvholm (eds.) Business Discourse. Texts and Contexts. Peter Lang, 2005, p. 83–109.
- Kennedy, G.** Kennedy on Negotiations. London, New York, Routledge, 1997, 356 p.
- Kozloff, S.** Overhearing film dialogue. Berkley & Los Angeles, University of California Press, 2000, 323 p.

- Trosborg, A., Jorgensen, P. E.** Business Discourse. In: Texts and Contexts. Flyvholm (eds.). Bern usw. Peter Lang, 2005, 250 p.
- Wolf, G.** Der Business Discourse: Effizienz und Effektivität der unternehmensinternen Kommunikation. Gabler, 2010, 206 p.

References

- Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C., Planken, B.** Business Discourse. Basingstoke usw. Palgrave Macmillan, 2007, 282 p.
- Bührman, A., Schneider, W.** Mehr als nur discursive Praxis? Konzeptionelle Grundlagen und methodische Aspekte der Dispositivanalyse. Huddersfield, 2008, S. 108–141.
- Dijk, T. A.** Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge University Press, 2008, 267 p.
- Egorova, I.** Communicative Strategy of Speech Act Invitation in English Discourse. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2013, no. 4, p. 5–10. (in Russ.)
- Filimonova, G. B.** Determination of statement by a communicative situation. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series 1: Linguistics*, 2002, no. 9, p. 38–44. (in Russ.)
- Gorshkova, V. E.** Translation in films. Irkutsk, ISLU, 2006, 278 p. (in Russ.)
- Gunnarsson, B.-L.** The Organization of Enterprise Discourse. In: A. Trosborg & P. E. Jorgensen Flyvholm (eds.) Business Discourse. Texts and Contexts. Peter Lang, 2005, p. 83–109.
- Ivanova, M. A.** Abbreviations in the structure of a professional English-speaking personality of a businessman. Dissertation ... PhD in Linguistics. Pyatigorsk, 2015, 177 p. (in Russ.)
- Kennedy, G.** Kennedy on Negotiations. London, New York, Routledge, 1997, 356 p.
- Kislitsyna, N. N., Sluzhbina, A. G.** Linguocognitive Features of Film Discourse based on Teenagers' English-Language Dialogues. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2019, no. 21 (2), p. 513–520. (in Russ.)
- Kolodina, E. A.** The Status of Film Dialogue among the related concepts: FILM, DIALOGUE, FILM TEXT, FILM DISCOURSE. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, no. 2 (1), p. 327–333. (in Russ.)
- Kozloff, S.** Overhearing film dialogue. Berkley & Los Angeles, University of California Press, 2000, 323 p.
- Savchuk, I. I.** Embodiment of the tactical and strategic component of the rivalry situation's cognitive model in contemporary English prose. *New Philology*, 2007, no. 26, p. 144–148. (in Ukr.)
- Slavova, L. L.** Typology of communicative failures (based on modern English). Summary of the dissertation ... PhD in Linguistics. Kiev, 2000, 18 p. (in Ukr.)
- Trosborg, A., Jorgensen, P. E.** Business Discourse. In: Texts and Contexts. Flyvholm (eds.). Bern usw. Peter Lang, 2005, 250 p.
- Tufanova, Yu. V.** Communicative apology situation: a cognitive-pragmatic approach. Dissertation ... PhD in Linguistics. Irkutsk, 2010, 205 p. (in Russ.)
- Volkova, O. S.** Pragmalinguistic features of interpersonal communication in the “domestic conflict” communicative situation in English: Dissertation ... PhD in Linguistics. Volgograd, 2009. 188 p. (in Russ.)
- Wolf, G.** Der Business Discourse: Effizienz und Effektivität der unternehmensinternen Kommunikation. Gabler, 2010, 206 p.
- Yakuba, V. V.** Linguistic means of reflecting the “matrimonial status change” situation in the English prose of the twentieth century (linguocognitive and communicative-pragmatic aspects). Dissertation ... PhD in Linguistics. Kiev, 2006, 200 p. (in Ukr.)
- Zaretskaya, A. N.** Peculiar features of subtext implementation in cinema discourse. Summary of the dissertation ... PhD in Linguistics. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 2010, 22 p. (in Russ.)

Список источников / List of Sources

“Wall Street”, 1987, реж. Оливер Стоун: <https://english-films.com/dramas/2318-uoll-strit-wall-street-1987-hd-720-ru-eng.html>

Транскрипт: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=wall-street

“The Big Short”, 2015, реж. Адам Маккей: <https://www5.putlocker.fyi/the-big-short/>

Транскрипт: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=the-big-short

“The Most Violent Year”, 2014, Джей Си Чендор: <https://www.amazon.com/Most-Violent-Year-Oscar-Issac/dp/B00RPNBEM8>

Транскрипт: https://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=a-most-violent-year

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

21.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Столярова Анастасия Олеговна, аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119234, Россия)

Anastasiia O. Stolyarova, PhD student of Lomonosov Moscow State University, Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russian Federation)

a.stolyarova9@gmail.com

ORCID 0000-0001-5119-8836

УДК 81-115

DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-132-143

**О гармонии лингвокогнитивного
и лексико-стилистического компонентов в художественном переводе
(на примере двух переводов повести Дж. Сэлинджера
“The Catcher in the Rye”)**

А. С. Изволенская

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию двух наиболее известных русскоязычных версий повести Дж. Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rye” (1951) – «Над пропастью во ржи» и «Ловец на хлебном поле» – с позиции лингвоконцептологии. Несмотря на осуществленные в период с 1998 по 2010 г. четыре попытки придать голосу Холдена Колфилда современное звучание, с этим персонажем русскоязычный читатель до сих пор знакомится по старой (но не устаревшей) версии Риты Райт-Ковалевой. Более того, ни один из новых переводов пока не получил одобрения ни переводчиков, ни литературных критиков, а в научной литературе предпочтение по умолчанию отдается версии переводчицы-первопроходца, хотя в качестве основного критерия оценивания качества перевода выступает передача эмотивной доминанты в ее частном проявлении – сленга. Новые переводы не выдерживают критики по этому же критерию – из-за подходов к передаче стилистически маркированной лексики. Один из таких переводов, «Ловец на хлебном поле» Максима Немцова, вызвал в свое время наибольший резонанс, что определило выбор именно этой версии для сопоставления с проверенным временем переводом Райт-Ковалевой.

Лингвокогнитивный анализ двух переводов, проведенный с учетом смыслового слоя оригинала (по Р. Ингардену), позволил установить соответствие концептуально значимого содержания текста Райт-Ковалевой смысловым доминантам текста Сэлинджера, что свидетельствует о сохраненной инвариантной сущности оригинала. Это подтверждается и в процессе сопоставительного анализа версий Райт-Ковалевой и Немцова. Проведенное исследование также показало, что для перевода художественного первоисточника приоритетным значением обладает его нравственно-философская составляющая, что особенно важно для произведения классической литературы, коим, несомненно, является гуманистическая повесть Сэлинджера.

Ключевые слова

Сэлинджер, Холден Колфилд, художественный перевод, коммуникативный эффект (воздействие), инвариантная нравственно-философская сущность

Для цитирования

Изволенская А. С. О гармонии лингвокогнитивного и лексико-стилистического компонентов в художественном переводе (на примере двух переводов повести Дж. Сэлинджера “The Catcher in the Rye”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 132–143. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-132-143

**On the Harmony between the Cognitive Linguistic
and Lexical-Stylistic Components in Literary Translation
(A Case Study of J. D. Salinger’s “The Catcher in the Rye”)**

Anna S. Izvolenskaya

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In this paper we shall focus on the two most well-known Russian versions of J. D. Salinger’s 1951 “The Catcher in the Rye”, produced by Rita Rait-Kovaleva and Maxim Nemtsov. Although Salinger’s magnum opus was rendered into

© А. С. Изволенская, 2020

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

Russian four times within only 12 years (1998–2010), it is in its old, yet still relevant Rait-Kovaleva's version that Holden Caulfield's voice resonates with the Russian reader. Moreover, none of the new translations has received enthusiastic reviews from interpreters or critics thus far. Nor has any of those updated and upgraded renditions won recognition of philologists. While Rait-Kovaleva's "Over the Abyss in Rye" (back-translated) is by default considered more adequate, the comparative linguistic analysis tends to revolve around the single issue of the novel's stylistically marked language. New versions often draw criticism due to the crude manner in which the outdated teenage slang is conveyed in them. That is especially true for Nemtsov's version, which provoked furious public response when it came out, which is why we have opted for it to be compared against Rait-Kovaleva's.

No less significant, but more neglected is the question of the novel's moral and philosophical value and the role it should be assigned in translation. The cognitive analysis of both texts, conducted with due regard to the original's "stratum of schematized aspects" (R. Ingarden), has revealed conformity of Rait-Kovaleva's text to the essential messages in Salinger's novel. This proves she had succeeded in capturing the novel's unfading merit. This assertion is substantiated by the comparative study of the two renditions, Rait-Kovaleva's and Nemtsov's. More importantly, the research has demonstrated the rightful priority the text's moral and philosophical value should be assigned in translating a classic, which Salinger's novel definitely is.

Keywords

Salinger, Holden Caulfield, communication effect, invariable moral and philosophical value in literary translation

For citation

Izvolenskaya, Anna S. On the Harmony between the Cognitive Linguistic and Lexical-Stylistic Components in Literary Translation (A Case Study of J. D. Salinger's "The Catcher in the Rye"). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 132–143. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-132-143

Translation is that which transforms everything
so that nothing changes.

Günter Grass

Введение

Повесть Сэлинджера "The Catcher in the Rye" является одной из самых значимых книг американской литературы. Ее тираж, по данным на 2018 г., составил 65 миллионов экземпляров. Как яркий пример переводной множественности повесть на момент написания данной статьи представлена пятью русскоязычными переводами («Над пропастью во ржи» Р. Райт-Ковалёвой 1960 г.; «Обрыв на краю ржаного поля детства» Сергея Махова 1998 г.; «Ловец на хлебном поле» М. Немцова 2008 г.; «Ловящий во ржи» Ярослава Вала 2009 г. и «Над пропастью во ржи» Якова Лотовского 2010 г.). Голос Холдена Колфилда до сих пор находит отклик в сердцах читателей как в России, так и в США, где этот персонаж занимает особое место. Не случайно американский драматург Ричард Стэйтон сравнил знакомство с этим персонажем с обретением брата [Salerno, 2013], а произведение в целом, по словам американского писателя Пола Александра [Ibid], определило американскую культуру.

В связи с этим проблема перевода на русский язык этой книги требует более тщательного изучения. Отечественные филологические исследования повести, на наш взгляд, неоправданно ограничиваются ее частными аспектами – темой взросления подростка и речевыми особенностями главного героя. Однако трудно судить об отдельных фрагментах, не имея более или менее четкого представления о полной картине – о художественно-психологической сущности произведения. Высказывается, например, мнение о том, что гармонизация Райт-Ковалевой речевого портрета Холдена, выразившаяся в элиминировании обценной лексики и «смущающих читателя» подробностей сексуального характера, стала основным средством сохранения (с долей модификации) эстетической ценности "The Catcher in the Rye"¹. Получается, что о таком основополагающем параметре художественного текста, как эстетическая ценность, мы судим опосредованно, выводя его на основании возрастной речевой характеристики персонажа – параметра далеко не основополагающего.

¹ См., например: Петренко Д. И. К вопросу о переводах на русский язык романа Дж. Д. Сэлинджера "The catcher in the rye" // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2007. № 48. С. 71–79.

Ограниченность предметной тематики современных исследований переводов повести, возможно, связана с тем, что версия Райт-Ковалевой долгое время считалась неоспоримым эталоном. Еще Корней Чуковский отмечал умение переводчицы передать «психологическую сущность фразы» [Чуковский, 2015. С. 112]. «Над пропастью во ржи», став своеобразным «каноническим» переводом, целостному научному анализу не подвергался, а с появлением новых версий повести практически все внимание критиков и филологов сосредоточилось на способах передачи сленга, реалий американского мира и на некогда «смущающих подробностях» книги, совпавшей по времени появления с «Первой сексуальной эмансипацией» протестантской Америки. Между тем научно обоснованная критика перевода художественного произведения должна строиться вокруг тех доминант, которые составляют его инвариантную идейную сущность. Последняя и должна определять переводческую стратегию.

Наконец, сопоставление переводов в контексте, подходах и терминах когнитивной лингвистики представляется актуальным в условиях парадигматического сдвига в современном переводоведении: обращение к ментальным сущностям вполне может способствовать достижению лингвокультурной адекватности перевода, гармонии формально-логической точности и культурной специфики исходного высказывания [Фефелов, 2015. С. 70–71]. В частности, лингвокогнитивный анализ оригинального и переводного текстов, на наш взгляд, может и должен занять достойное место в рамках герменевтической переводческой парадигмы, нацеленной на поиск более дифференцированного подхода к осмыслению исходного текста [Горшкова, 2019. С. 134].

Итак, для уточнения подхода к некоторым проблемам, связанным с переводом повести Дж. Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rye”, необходимо:

- 1) идентифицировать концептуально значимое содержание в тексте Райт-Ковалевой, в качестве основного изображаемого предмета которого выступает эмоциональное состояние Холдена Колфилда (описываемые люди и события представлены сквозь призму его переживаний), и выделить в нем ключевое понятие;
- 2) выявить способы реализации этого понятия и соотнести полученные данные с элементами предметного слоя оригинального текста (по классификации Р. Ингардена);
- 3) провести сопоставительный анализ версий Райт-Ковалевой и Немцова, чтобы установить, насколько точно передано в них концептуально значимое содержание оригинала. Адекватная передача последнего и оказывает решающее влияние на результирующий коммуникативный эффект.

Анализ переводного текста проводится в пределах его смыслового слоя. Помимо знаково-языкового, смыслового (значения семантических единиц – слов и предложений) и предметного («изображенные предметы» – люди, события, связи между ними) слоев, Ингарден также выделял слой «видов» – единиц, в которых изображенные предметы «предстают зримо». Эти виды, «переживаемые» в сознании воспринимающего субъекта, могут быть слуховыми, зрительными, осязательными и психическими. Выделенные Ингарденом четыре слоя образуют вертикальное измерение художественного текста, в то время как последовательно сменяющиеся друг друга фазы повествования – горизонтальное [Ингарден, 1962. С. 22–30]. Концепция Ингардена позволяет свести к минимуму субъективность суждений об идейной сущности произведения: выделение «видов» основывается не на субъективном впечатлении (хотя представление о них и связано с психофизическими особенностями читателя), но на семантическом анализе текста. Анализ переводных текстов осуществляется в неразрывной связи с предметно-смысловым слоем оригинала, т. е. с учетом предмета высказывания и его характера.

Для определения частотности употребления лексем и словоформ (с целью выявления ключевых лексических единиц) использовалась программа для корпусных исследований AntConc, уже апробированная отечественными педагогами и учеными (см. [Сибирцева, Фролова, 2019. С. 93–94]).

В фокусе сопоставительного исследования – версии Райт-Ковалевой и Немцова, что ввиду их относительной известности позволяет судить о коммуникативном воздействии этих текстов на русскоязычного читателя. Сопоставление этого воздействия с эффектом, произведенным оригиналом на исходного (американского) реципиента, также будет способствовать установлению доминант, составляющих инвариантную идейную сущность повести. О реакции американского реципиента можно судить из данных интервью с различными представителями творческой профессии (актерами Эдвардом Нортоном, Филиппом Сеймуром Хоффманом, сценаристом Робертом Тауном и другими личностями, фигурирующими в документальном фильме Шейна Салерно 2013 г. «Сэлинджер»). Источником информации о рецепции повести в США послужила и литературная критика (писатели Чарльз Д'Амброзио, Александр Эмон, Джейн Мендельсон, Джон МакНелли, Рене Штайнке). В качестве реакции русскоязычного реципиента, подтвержденной документально, приводятся сделанные в СМИ комментарии советских и российских писателей и ученых (Инны Кабыш, Майи Кучерской, Ивана Делазари).

Об инвариантной сущности “The Catcher in the Rye”

Восприятие повести Сэлинджера несвободно от стереотипов. Последние, очевидно, сформировались под влиянием первоначальной общественной реакции на книгу, где поднимаются темы, обсуждение которых в Америке 1950-х гг. было табуировано. Сегодня американцам, которые подростками тайком читали эту книгу, за восемьдесят. «Как и всему моему поколению, мне казалось, что он [Сэлинджер] пишет про меня», – делится сценарист Р. Таун [Salerno, 2013]. За Холденом Колфилдом закрепилась репутация иконы подросткового бунта, хотя изначально книга в таком свете не была представлена. С другой стороны, некоторые пытаются минимизировать ее бунтарский характер. Так, по мнению американского писателя, лауреата Вашингтонской книжной премии Чарльза Д'Амброзио, “The Catcher in the Rye” – «такая же книга о жизни среднестатистического подростка, как “Приключения Гекельберри Финна”» [D'Ambrosio, 2001. P. 37].

Холдена Колфилда терзает вопрос ответственности человека за свою жизнь и жизнь других; его интересуют «простые вещи», теряющиеся «в водовороте истории, потребительстве и общей фальши» [Nemon, 2001. P. 65]. Он, например, переживает о том, как зимуют утки в Центральном парке. «Вопрос об утках» – «типичный вопрос» сэлинджеровской прозы [Ibid]. Примечательно в этой связи, что вслед за Райт-Ковалевой все переводчики при передаче вопроса Холдена “Where did the ducks go?” конкретизировали широкозначный глагол “go” как «исчезать», избрав его разговорный синоним: «Куда деваются / денутся утки?». Абсурдность этого вопроса Холдена нарочито противопоставляется доминирующим «рациональным» моделям взрослой жизни (М. Кучерская)².

Таким образом, экзистенциальные вопросы, которые Сэлинджер в своей повести ставит перед читателем, озвучены голосом «дерзким, неуверенным, беспечным, испуганным, жаждущим и полным невинной мудрости» [Mendelson, 2001. P. 180].

Состав и концептуальная семантика ключевых понятий в переводах Р. Райт-Ковалевой и М. Немцова

Проблема трансляции голоса Холдена Колфилда на русский язык не ограничивается передачей сленгизмов, хотя выражаемая ими экспрессия, безусловно, влияет на результирующий коммуникативный эффект. Анализ семантического слоя оригинального текста выявил повторяемость слов “suicide” (6), “death” (7), “dead” (27), “kill” (всего 64 вхождения, 39 из них в составе разговорной фразы “that killed me”). Тема самоубийства, по мнению Ч. Д'Амброзио, достаточно явно звучит в монологе Холдена [D'Ambrosio, 2001. P. 31]. По-

² И. Кабыш, М. Кучерская, И. Делазари (интервью) в программе «Игра в бисер» с Игорем Волгиным. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20921/episode_id/977122/video_id/988840/.

рой Холдена одолевает смертная скука, настолько сильная, что ему жить не хочется (“I almost wished I was dead”) [Salinger, 2010. P. 51]; тоска парализует его способность мыслить (“When you're feeling very depressed, you can't even think” [Ibid. P. 99]). Тема смерти естественным образом связана со страхом: прилагательное “afraid” насчитывает 17 вхождений, словоформы глагола “scare” – 15. Об угнетенном состоянии главного героя свидетельствует повторяемость и таких прилагательных, как “lonesome” (8), “bored” (16), “sad” и “blue” (18 и 2 соответственно), “depressed” (31). Именно эти слова и могут быть отнесены к разряду ключевых, формирующих достаточно широкое семантическое поле и передающих его ядерное смысловое содержание.

Рассмотрим переводы некоторых из наиболее значимых контекстов, содержащих вышеперечисленные лексемы (табл. 1).

Таблица 1

№	The catcher in the rye [Salinger, 2010]	Над пропастью во ржи [Сэлинджер, 2004]	Ловец на хлебном поле [Сэлинджер, 2017]
1.	I call people a “prince” quite often when I’m horsing around. It keeps me from getting bored or something (p. 25)	Я часто говорю кому-нибудь, что он – настоящий принц. Вообще я часто валяю дурака, мне тогда не так скучно (с. 29)	Я неслабо так часто обзываюсь «принцем», когда валяю дурака. Чтоб не доставало, ничего (с. 38)
2.	One thing about packing depressed me a little . I had to pack these brand-new ice skates my mother had practically just sent me a couple of days before. That depressed me... It made me feel pretty sad... (p. 55)	Одно меня немножко расстроило , когда я укладывался. Пришлось уложить новые коньки, которые мама прислала мне чуть ли не накануне. Я расстроился... Как-то грустно стало... (с. 60)	На меня при сборах только одно тоску немного навело . Пришлось укладывать новые коньки, что мне штруня прислала, считай, пару дней назад. Оттого и тоска... Тут мне почестному убого и стало (с. 78)
3.	The whole lobby was empty. It smelled like fifty million dead cigars . It really did... I was feeling sort of lousy. Depressed and all. I almost wished I was dead (p. 98)	В холле – ни души , только застоялый запах пятидесяти миллионов сигарных окурков. Вонючка... чувствовал я себя прескверно. Настроение убийственное. Жить не хотелось (с. 102)	А там вестибюль вообще пустой. Духан стоит – точно мильон забычкочанных сигар . Честно... паршиво. Тоскливо и всяко-разно. Хоть бы сдохнуть, что ли (с. 135)
4.	...when somebody really wants to go, and even walks fast so as to get there quicker, then it depresses hell out of me (p. 125)	...мне просто противно думать , что люди бегут, торопятся пойти в кино, что им действительно хочется туда попасть (с. 129)	Если кто почестному в кино хочет – и даже торопится, чтоб только дойти побыстрее, – меня тоска берет , как хер знает что (с. 172–173)
5.	Boy, I felt miserable. I felt so depressed , you can’t imagine. What I did, I started talking, sort of out loud, to Allie. I do that sometimes when I get very depressed (p. 107)	Господи, до чего мне было плохо. Такая тощица , вы себе представить не можете. И я стал разговаривать вслух с Алли. Я с ним часто разговариваю, когда меня тоска берет (с. 110–111)	Ух как мне было гнило. Так тоскливо , что вы себе и представить не можете. И я тогда вот чего – я начал вслух как бы разговаривать, с Олли. Я так делаю иногда, если совсем невпротык... (с. 147)

№	The Catcher in the Rye [Salinger, 2010]	Над пропастью во ржи [Сэлинджер, 2004]	Ловец на хлебном поле [Сэлинджер, 2017]
6.	All the kids kept trying to grab for the gold ring, and so was old Phoebe, and I was sort of afraid she'd fall off the goddam horse , but I didn't say anything or do anything (p. 227)	И все ребята старались поймать золотое кольцо, и моя Фиби тоже, я даже испугался – вдруг упадет с этой дурацкой лошади , но нельзя было ничего ни сказать, ни сделать (с. 236)	И все малявки пытались уцепиться за золотое кольцо, и Фиби такая с ними тоже, а я все колотился как бы , что она сверзится с этой лошади, на фиг , только ничего не сказал, не сделал ничего (с. 315)
7.	Who wants flowers when you're dead ? Nobody (p. 167)	На кой черт мертвецу цветы? Кому они нужны? (с. 174)	Кому нужны цветы, если ты жмурик ? Да никому (с. 233)
8.	And I think I was more depressed than I ever was in my whole life (p. 209)	А настроение было до того скверное, никогда в жизни у меня не было такого скверного настроения (с. 217)	И никогда, пожалуй, в жизни мне тоскливей не было (с. 290)
9.	Just because somebody's dead , you don't just stop liking them, for God's sake... (p. 184–185)	Оттого что человек умер , его нельзя перестать любить, черт побери... (с. 192)	Просто потому, что кто-то умер , он же тебе не перестает нравиться, ёксель-моксель... (с. 257)
10.	She killed Allie, too. I mean he liked her, too (p. 74)	Алли от нее тоже балдел . Я хочу сказать, он ее тоже любил (с. 78)	Олли тоже с нее помирал . В смысле – она ему тоже нравилась (с. 102)

По мере повествования скука Холдена перерастает в настоящую депрессию. Депрессия Холдена – это и грусть о маме, еще не знающей об отчислении; дурное настроение, частые смены которого характерны для подростка; отвращение к окружающей посредственности и фальши; одиночество и упадок духа; тоска по рано умершему братику Алли. В силу этого она отражается в переводах по-разному, т. е. в прямой зависимости от описываемой ситуации. Так, в первом примере герой имеет в виду именно скуку, что адекватно отражено в переводе Райт-Ковалевой (bored – скучающий). Слова “depressed” и “depressing”, как следует из примеров 2–5, приобретают множество контекстных значений. Словом «тоска», насчитываемым в тексте Немцова 51 вхождение, можно описать лишь одно из эмоциональных состояний главного героя. Для сравнения: текст Райт-Ковалевой обнаружил всего 24 соответствия со словом «тоска» и дериватами: 17 для “depressed” и “depressing”, 7 – в иных контекстах с прилагательными “sad”, “blue”, “lonesome”, “rotten”).

Отдельного внимания заслуживает стилистическое маркирование текста, решающим образом влияющее на сохранение / искажение смыслового слоя оригинала. Третий пример интересен тем, что близкое к суицидальному душевное состояние героя отражено в гиперболизированном описании холла гостиницы (“fifty million dead cigars”); поэтичность этого описания в тексте Немцова оказывается скраденной из-за жаргонизмов («духан», «ни в жилу»). Идиоматичный перевод Райт-Ковалевой “empty” («ни души») в описании обстановки в предыдущем предложении подчеркивает именно духовное одиночество героя. Выбор слова, влияющий на тональность всего высказывания, тем более важен, что повествовательно-описательные фрагменты монолога Холдена перемежаются его собственными умозаключениями. Когда Фиби кружится на карусели, обеспокоенный безопасностью сестренки Холден сдерживает порыв (6), объясняя это бессмысленностью вмешательства: “The thing with kids

is, if they want to grab the gold ring, you have to let them do it, and not say anything” [Salinger, 2010. P. 227]. Необходимость предоставления свободы другому, грустное осознание невозможности уберечь другого от ошибки (И. Делазари)³, созерцательность – данный нравственно-философский подтекст в переводе Немцова совсем не слышен из-за слов «малявки», «сверзится», «на фиг», придающих высказыванию небрежно-шутливую тональность. Невысоким становится вопрошающий голос Холдена, обличающего лицемерие приехавших на похороны Алли родственников (пример 7 из фрагмента 20-й главы, где слово “dead” повторяется 4 раза в пределах одной строфы). Выхолащивается и присущая сэлинджеровской прозе лиричность [Steinke, 2001. P. 28–29]; афористичность же высказываний Холдена в версии Райт-Ковалевой (см. пример 9) поэтесса И. Кабыш сравнила с поэтичностью прозы А. де Сент-Экзюпери⁴.

Наконец, «сорная» фраза-рефрен “that killed me”, повторяющаяся иногда по два раза в пределах одной строфы, выражает полярные эмоции Холдена в зависимости от контекста. Райт-Ковалева проявляет большую вариативность в интерпретации ее смысла для передачи раздражения и сарказма («Вот умора!» «Я чуть не сдох!» и др.), Немцов же придерживается более близкого к тексту варианта «Я чуть не сдох» / «Сдохнуть можно». “That killed me” может выражать и положительные эмоции говорящего. Пример 10 относится к фрагменту, где Холден описывает черты Фиби, которые ему кажутся трогательно забавными. В тексте Немцова, переведшего “kill” как «помирал», сохраняется и смысл конкретной фразы, и семантика смерти.

Характеризуя в целом состав и концептуальную семантику ключевых понятий в двух переводах, можно сделать вывод, что тексту Райт-Ковалевой свойственно сохранение ключевых компонентов смыслового слоя оригинала через осмысление и интерпретацию. Для Немцова же более характерны буквальный перевод и зачастую немотивированное снижение стилового регистра с целью передать разговорность речи Холдена, что особенно видно из примеров 2, 6–9. Сохранение Немцовым повторяемости одной из ключевых лексем (в его тексте это слово «тоска» и производные) отнюдь не способствует сохранению исходного смыслового слоя. Явная избыточность словосочетаний со словами «тоска», «тоскливо» значительно «упрощает» переживания протагониста со сложной душевной организацией. Вариативность же, проявленная Райт-Ковалевой при интерпретации смысла ключевых слов в каждом конкретном случае, способствует сохранению концептуальной семантики ключевых лексем и, как следствие, большей равноценности результирующего смыслового слоя переводного текста оригиналу.

О вербализации концептуально значимого содержания “The Catcher in the Rye” в переводах Р. Райт-Ковалевой и М. Немцова: тоска и страх

Как известно, степень детерминированности переводческой стратегии – величина переменная. Учитывая, что переводческое решение – всегда компромисс, переводчик выделяет те стороны оригинала, которые несут наибольшую значимость для современного ему вторичного реципиента [Швейцер, 2019. С. 61–65].

Как видно из примеров табл. 1, одно из наиболее частотных слов, используемых как Райт-Ковалевой, так и Немцовым для перевода лексических средств, описывающих подавленное состояние героя, – «тоска». Соответствие «тоска» и его дериватов «тощища», «тоскливо» очень точно описывает душевное состояние Холдена. Обозначаемое ими чувство (печаль, скорбь, туга) происходит от первоначального значения «стеснение, давление, угнетение» [Преображенский, 1949. С. 13], что сближает содержание слова «тоска» со значением английского прилагательного “depressed” (press down, bring down in vigor or spirits, от лат. “depressare” [Hoad, 2003. P. 120]), наиболее частотного слова в речи Холдена, служащего для

³ И. Кабыш, М. Кучерская, И. Делазари (интервью) в программе «Игра в бисер» с Игорем Волгиным.

⁴ Там же.

описания его собственного эмоционального состояния. Все перечисленные переживания, вербализованные различными способами, отражены в тексте повести – оригинальном и переводном. Так, Холден признается, что имеет привычку разговаривать вслух с умершим братом, когда ему очень плохо (“very depressed”). Он также рассказывает, как кулаком перебил все стекла в гараже в ночь кончины Алли. В самом конце повести Холденом, когда он шагает по Пятой Авеню, вдруг овладевает страх, и он начинает задыхаться.

Понятие тоски может, конечно же, толковаться по-разному. Так, в русскоязычном сознании оно, как утверждает Ю. С. Степанов, связано с «таинственным» страхом перед бытием [1997. С. 672]. Для французского философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра тоска – это в большей степени страх перед своим «Я», она у него суицидальна: «Головокружение – это тоска-страх: я боюсь не упасть в пропасть, а броситься в нее» (цит. по: [Степанов, 1997. С. 678]). Отмечается также, что смысл падения обнаруживается в качестве метафорической модели, описывающей состояние печали [Трушкова, 2010. С. 184]. Не случайно ведь мистер Антолини, педагог, которого Холден по-настоящему уважает, пытается предостеречь его от «падения»: “I have a feeling that you’re riding for some kind of a terrible, terrible fall” [Salinger, 2010. P. 201]. Заложенный в глаголе “riding for” суицидальный смысл отражен в обоих переводах («несешься к кошмарному, страшному падению» у Немцова [Сэлинджер, 2017. С. 278], «несешься к страшной пропасти» у Райт-Ковалевой [Сэлинджер, 2004. С. 208]). Когда Холден идет по Пятой Авеню, ему вдруг начинает казаться, что он не перейдет улицу и упадет «вниз», и он решает мысленно позвать Алли (табл. 2).

Таблица 2

The Catcher in the Rye [Salinger, 2010]	Над пропастью во ржи [Сэлинджер, 2004]	Ловец на хлебном поле [Сэлинджер, 2017]
I thought I’d just go down, down, down , and nobody’d ever see me again. Boy, did it scare me... Then I started doing something else. Every time I’d get to the end of a block I’d make believe I was talking to my brother Allie. I’d say to him, “ Allie, don’t let me disappear... ” Then I sat down on this bench. I could hardly get my breath , and I was still sweating like a bastard (p. 213)	Мне казалось, что я вдруг провалюсь вниз, вниз, вниз и больше меня так и не увидят. Ох, до чего я перепугался... И тут я стал проделывать одну штуку. Только дойду до угла, сразу начинаю разговаривать с моим братом, с Алли. Я ему говорю: «Алли, не дай мне пропасть! ...» Тут я сел на скамью. Я задыхался , пот с меня лил градом (с. 221)	А буду тонуть и тонуть, и никто меня больше не увидит. Ух как я обоссался... А потом я еще чего-то начал. Как дойду до перекрестка, так начинаю вроде как со своим братцем Олли разговаривать... «Олли, не дай мне исчезнуть »... А там на эту скамейку такую сел. Еле отдышался , и в поту по-прежнему, гадство (с. 295)

Волевой характер этого решения, выраженный модальным глаголом “would” (“I’d make believe”), отражен в версии Райт-Ковалевой, в то время как немцовский Холден производит впечатление человека, совсем не владеющего своей психикой. Неточно переданное референциальное содержание и некорректно выраженная экспрессивность приводят в версии Немцова к искажению образа говорящего. Более того, передача Райт-Ковалевой глаголов “go [down]” и “disappear” как «провалюсь» и «пропасть» соответствует смысловому инварианту повести в ее собственной творческой интерпретации, в которой *пропасть* и *падение* логически связаны и предполагают друг друга, что и выражено в глаголе «пропасть»; все здесь наполнено высокой мифопоэтической метафизикой, и потому излишне «физиологичные и натуралистичные» глаголы «обоссался» и «отдышался» в тексте Немцова не подходят для

выражения экзистенциального страха подростка перед битием вообще. Подобранные Немцовым глаголы низводят социальную проблематику взросления целого поколения в определенных исторических обстоятельствах до примитивного, животного страха ипохондрика.

Экзистенциальную тоску Холдена Ч. Д'Амброзио связывает с «проблемой аутентичности»: Холден не приемлет неискренности, нещадно изобличая все, что ему кажется фальшивкой. Мечта о том, чтобы спасти детей от падения с обрыва скалы является аллегорией его «гипертрофированных» переживаний [D'Ambrosio, 2001. P. 34–36]. Сравним переводы ставшего прецедентным фрагмента повести (табл. 3).

Таблица 3

The Catcher in the Rye [Salinger, 2010]	Над пропастью во ржи [Сэлинджер, 2004]	Ловец на хлебном поле [Сэлинджер, 2017]
And I'm standing on the edge of some crazy cliff. What I have to do, I have to catch everybody if they start to go over the cliff – I mean if they're running and they don't look where they're going I have to come out from somewhere and catch them. That's all I'd do all day. I'd just be the catcher in the rye and all. I know it's crazy, but that's the only thing I'd really like to be. I know it's crazy (p. 186)	А я стою на самом краю скалы, над пропастью, понимаешь? Мое дело – ловить ребятшек, чтобы они не сорвались в пропасть . Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему. Наверно, я дурак (с. 194)	И я стою на краю какого-то долбанутого обрыва. И мне чего надо – мне надо ловить всех, чтобы вдруг с обрыва не навернулись : в смысле, они же носятся там и не смотрят, куда бегут, а я должен выскакивать откуда-то и их ловить. И больше весь день я б ничего не делал. Был бы ловцом на этом хлебном поле и всяко-разно. Я знаю, что это долбануться, только больше я б ничем не хотел быть. Я знаю, что долбануться (с. 259)

Все сообщаемое является по своей тональности тихой исповедью близкому человеку в одиночестве ночи. Монолог Холдена раскрывает содержание названия повести, описывает в аллегоричной форме высоту и благородство его устремлений: он видит свое предназначение в том, чтобы спасти тех, кто в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта не видит и не понимает подстерегающих их опасностей. Смысл мечты Холдена заключается в его страстном желании быть как спаситель (“I'd just be the catcher”); буквализм же Немцова «ловец» обладает совершенно иными ассоциациями.

Изображаемая Холденом картина характеризует и его психическое состояние: высота скалы (глубина пропасти в интерпретации Райт-Ковалевой) как олицетворение одиночества (привязанность к Д. Б., Фиби и Алли, «остальные люди для него попросту не существуют» [D'Ambrosio, 2001. P. 34–36]), презрения к «игре по правилам» (о чем ему толкует мистер Спенсер) и стремления к отшельничеству (мечты о хижине в лесу). Контекстное значение прилагательного “crazy” адекватно передано у Райт-Ковалевой: добавление семы через конверсию («на скале» → «над пропастью») усиливает прагматический эффект высказывания. Переводчице удалось передать и модальность оригинального текста, заключающуюся не в долженствовании, но в готовности субъекта к действию и вытекающей из нее необходимости: форма 1-го лица настоящего времени («подбегаю и ловлю»), назывное предложение («Вот и вся моя работа»), форма инфинитива в односоставном предложении («Стеречь ре-

бят...»). Избираемые Немцовым языковые средства (упрощенный синтаксис, лексический и грамматический буквализм) превращают сокровенное в обыденное, вульгарное.

Таким образом, можно говорить о соответствии концептуально значимого содержания переводного текста Райт-Ковалевой смысловым доминантам повести Сэлинджера. Данное соответствие достигается благодаря нейтрализации, интерпретации и компенсации, составляющим суть ее стратегии. Экзистенциальная тоска и страх перед бытием как главные составляющие эмоционального состояния Холдена Колфилда находят адекватное отражение и выражение в тексте переводчицы-первопроходца.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы.

1. Лингвокогнитивный анализ переводного текста представляется немаловажным для научного обоснования критики существующих переводов, с одной стороны, и для повышения качества новых, с другой. Анализ лексико-семантических и лексико-стилистических соответствий разных переводов с учетом ключевых компонентов предметно-смыслового слоя оригинала позволяет судить о релевантности используемых переводчиком языковых средств для выражения идейно-философской сущности художественного произведения.

2. В переводе Райт-Ковалевой наблюдается почти полная гармония между идейно-художественным уровнем оригинала и стилистической маркированностью лексических средств, выбранных ею для передачи возвышенных, почти мессианских устремлений героя. Текст же Немцова обнаруживает полную дисгармонию между этими компонентами в переводном тексте. Стилистическая экспрессивность его соответствий опошляет высокие порывы протагониста, выставляя его в несколько карикатурном свете. Механическое копирование стилистических средств, снижение стилевого регистра и активно пропагандируемый ныне буквализм, присущие переводу Немцова, делают речь Холдена очень «шумной» (исповедь перестает быть таковой) и искажают художественную установку автора.

3. Инвариантная идейно-философская сущность художественного произведения отражена порой в разных словесных формах как в оригинале, так и в (хорошем) переводе. Эта сущность выявляется благодаря универсальности человеческого мышления через магию языка. Осмысление переводчиком инвариантной сущности повести “The Catcher in the Rye” заключается в ее / его умении распознать за лексическими новациями оригинала непреходящую природу фундаментальных вопросов бытия, религиозно-этических по своему содержанию, которые терзают Холдена Колфилда. Эти вопросы остаются актуальными не только для подростка, но и для всех людей, независимо от того, насколько глубокой может оказаться разделяющая их культурно-языковая пропасть.

Список литературы

- Горшкова В. Е.** Современное российское переводоведение: к обоснованию методологического стандарта. Рецензия на книгу: Мишкурин Э. Н. Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): Монография // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 130–137.
- Ингарден Р.** Исследования по эстетике. М.: Иностр. лит., 1962. 570 с.
- Сибирцева В. Г., Фролова Н. Х.** Исследование потенциала компьютерных программ для стилистического и переводческого анализа текста и его практическое применение // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 90–101.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 824 с.
- Трушкова Л. О.** Языковая концептуализация эмоционального состояния SADNESS «извне» и «изнутри» // Вестник Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2010. № 3. С. 181–188.

- Фефелов А. Ф.** Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.
- Чуковский К.** Высокое искусство. СПб.: Азбука, 2015.
- Швейцер А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Либроком, 2019. 213 с.
- D'Ambrosio, Ch.** Salinger and sobs. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 30–55.
- Hemon, A.** The importance of wax and olives. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 64–68.
- Charles, R. J. D.** Salinger at 100: Is Catcher in the Rye still relevant? *The Washington Post*, 2018, Dec. 30.
- Mendelson, J.** Holden Caulfield: A love story. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 178–186.
- Salerno, Sh.** Salinger, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mxVRPbhtxRg>
- Steinke, R.** The Peppy Girls of Friendswood Texas. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 15–29.

Список словарей

- Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. М.: АН СССР, 1949. Т. 1, ч. 1. 1275 с. (Труды Института русского языка). URL: http://www.slovorod.ru/etym-preobrazh/_pdf/preobrazhensky-3.pdf
- Noad, T. F.** Concise dictionary of English etymology. Oxford University Press, 2003, 552 p.

Список источников

- Salinger, J. D.** The Catcher in the Rye. London, Penguin Books, 2010, 213 p.
- Сэлинджер Джером Д.** Над пропастью во ржи. М.: АСТ, 2004. 221 с.
- Салинджер Дж. Д.** Обрыв на краю ржаного поля детства. URL: https://royallib.com/read/selindger_dgerom/obriv_na_kraju_rganogo_polya_detstva.html#0
- Сэлинджер Дж. Д.** Ловец на хлебном поле. М.: Изд-во «Э», 2017. 318 p.
- Сэлинджер Джером Д.** Ловящий во ржи. URL: http://samlib.ru/j/jaroslav_w/catcherinthe_rye.shtml
- Сэлинджер Дж.** Над пропастью во ржи // Семь искусств, 2010. № 2 (3). URL: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer2/Lotovsky1.php>

References

- Charles, R. J. D.** Salinger at 100: Is Catcher in the Rye still relevant? *The Washington Post*, 2018, Dec. 30.
- Chukovsky, K.** The art of translation. St. Petersburg, Azbuka, 2015. (in Russ.)
- D'Ambrosio, Ch.** Salinger and sobs. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 30–55.
- Fefelov, A. F.** Paradigmatic trends in the evolution of the Russian translation studies: Pro and contra Roman Jakobson. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 1, p. 48–72. (in Russ.)
- Gorshkova, V. E.** Current trends in the Russian translation theory: towards a new methodological standard of translation (book review: Mishkurov, E. N. Hermeneutics of Translation (towards theoretical and methodological standard of translation): monograph. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 130–137. (in Russ.)
- Hemon, A.** The importance of wax and olives. In: With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger. New York, Broadway books, 2001, p. 64–68.
- Ingarden, R.** Aesthetics. Moscow, Foreign Literature Publ., 1962, 570 p. (in Russ.)

- Mendelson, J.** Holden Caulfield: A love story. In: *With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger*. New York, Broadway books, 2001, p. 178–186.
- Salerno, Sh.** Salinger, 2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mxVRPbhtxRg>
- Shveytser, A. D.** Translation studies: Status. Issues. Aspects. Moscow, Librokom, 2019, 213 p. (in Russ.)
- Sibirtseva, V. G., Frolova, N. H.** Testing Computer Programs' Potentialities in Stylistic and Translational Comparative Text Analysis. *Vestnik NSU, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 17, no. 1, p. 90–101. (in Russ.)
- Steinke, R.** The Peppy Girls of Friendswood Texas. In: *With love and squalor: 14 writers respond to the work of J. D. Salinger*. New York, Broadway books, 2001, p. 15–29.
- Stepanov, Yu. S.** Constants. Dictionary of Russian culture. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 824 p. (in Russ.)
- Trushkova, L. O.** The language conceptualization of the emotional state of SADNESS from internal and external viewpoints. *The ISLU Philological Review*, 2010, no. 3, p. 181–188. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Hoad, T. F.** Concise dictionary of English etymology. Oxford University Press, 2003, 552 p.
- Preobrazhensky, A. G.** Etymological Dictionary of the Russian Language. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1949, vol. 1, pt. 1, 1275 p. (in Russ.) URL: http://www.slovorod.ru/etym-preobrazh/_pdf/preobrazhensky-3.pdf

List of Sources

- Salinger, J. D.** Over the abyss in rye. Moscow, AST, 2004, 221 p. (in Russ.)
- Salinger, J. D.** Over the abyss in rye. *Seven arts*, 2010, no. 2 (3). (in Russ.) URL: <http://7iskusstv.com/2010/Nomer2/Lotovsky1.php>
- Salinger, J. D.** The Catcher in the Rye. London, Penguin Books, 2010, 213 p.
- Salinger, J. D.** The catcher on a grain field. Moscow, “Э” Publ., 2017, 318 p. (in Russ.)
- Salinger, J. D.** The precipice on the edge of the rye field of childhood. (in Russ.) URL: https://royallib.com/read/selindger_dgerom/obriv_na_krayu_rganogo_polya_detstva.html#0
- Salinger, J. D.** The catcher in rye. (in Russ.) URL: http://samlib.ru/j/jaroslav_w/catcherinthe_rye.shtml

*Материал поступил в редколлегию
Date of submission
06.10.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Изволенская Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для естественных факультетов Факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Россия)

Anna S. Izvolenskaya, Cand. of Sci. (Philology), Lecturer at English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

anna@izvolensky.ru
ORCID 0000-0003-4163-8468

**Сенсорный семантический компонент
как основа для формирования синестезии в тексте
(на материале стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль»
и его русских переводов)**

П. В. Ярошенко

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются языковые проявления синестезии в художественном тексте на материале французского и русского языков. Дается новый подход для лингвистического анализа синестезии на уровне слов и словосочетаний. Предлагается системное описание классов слов, относящихся к сенсорной перцепции и выступающих основой для возникновения синестетических словосочетаний. Единицы анализа отбираются из составленного и обработанного вручную авторского корпуса параллельных текстов, включающего стихотворение А. Рембо «Пьяный корабль» и 15 его переводов на русский язык. Для классификации типов слов, относящихся к сенсорной перцепции, вводится понятие сенсорного семантического компонента (ССК). Слова классифицируются по нескольким критериям: компонентный (количество ССК в слове), модальный (соотнесенность с сенсорной модальностью), структурный (морфологическая структура слова), критерий семантической репрезентации (место ССК в семантике слова). Также анализируется частеречная принадлежность слов: наиболее частотным для французского и русского материала оказывается имя прилагательное. Слова в корпусе в основном являются монокомпонентными, т. е. содержат только один ССК. Однако среди отобранного материала 10 % слов включают в себя сразу несколько ССК, такие слова имеют сложную морфологическую структуру и являются, в сущности, свернутыми словосочетаниями. Наличие поликомпонентных сложных слов характеризует исключительно русскую часть корпуса. С точки зрения модального критерия французская и русская части имеют схожий состав: доминантной модальностью для всех текстов является зрение, а наименее частотной – обоняние. Что касается семантической репрезентации ССК в значении слова, то для 90 % лексики корпуса этот компонент является определяющим, центральным.

Ключевые слова

синестезия, параллельные тексты, художественный перевод, переводная множественность, переводоведение, семантика, компонентный анализ, французский язык, русский язык

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00620

Для цитирования

Ярошенко П. В. Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо «Пьяный корабль» и его русских переводов) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 144–156. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-144-156

Sensory Semantic Component as the Basis for Synaesthesia Formation in Language: A Case Study of Arthur Rimbaud's Poem "Le Bateau ivre" ("The Drunken Boat") and Its Russian Translations

Polina V. Iaroshenko

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract

The current article considers the phenomenon of synaesthesia in a literary text on the material of the Russian and French languages. Our study proposes a new approach to a linguistic analysis of synaesthesia at the levels of words and word combinations. It introduces a systemic model describing groups of words related to sensory perception which serve as a basis for synaesthetic word combinations' formation. The units of analysis were selected from a manually prepared author's corpus of parallel texts including Arthur Rimbaud's poem "Le Bateau ivre" and its 15 Russian translations. In order to classify the types of words related to sensory perception the notion of sensory semantic component (SSC) was introduced. The words were classified according to a number of criteria: the component criterion (number of SSCs within a word); the modal criterion (correlation with a sensory modality); the structural criterion (morphological structure of a word); and the criterion of semantic representation (the place of an SSC within a word's semantics). As for the component criterion, all the words were classified by the number of SSCs as monocomponent (90 %) or multicomponent (10 %). If a word is classified as multicomponent, its SSCs can either belong to the same modality (and so, it is characterized as monosensory), or refer to different modalities (multisensory). The words from our corpus are generally monocomponent, i.e. they contain no more than one SSC. However, 10 % of the preselected words contain more than one SSC and are characterized by a complex morphological structure, representing, in fact, compounds. Multicomponent and complex words are typical only of the Russian part of the corpus. As far as the modal criterion is concerned, the French and Russian parts of the corpus provide similar results: sight appears to be the dominant modality for all the texts analyzed, whereas the sense of smell is the least common. As for the semantic representation of SSCs within a word's meaning, this component is essential and determinant for 90 % of the units analyzed. The words containing SSCs belong to different parts of speech. In the French part of the corpus, the most common are adjectives (55 %), followed by nouns (27 %), verbs (9 %), participles I and II (9 %). As for the Russian texts, adjectives are also the most common (43 %), followed by nouns (35 %), verbs (14 %), participles I and II (5 %), gerunds (2 %), and adverbs (1 %).

Keywords

synaesthesia, parallel texts, literary translation, retranslation, translation studies, semantics, component analysis, French, Russian

Acknowledgements

The current research has been supported by the RFFFI, grant no. 19-012-00620

For citation

Iaroshenko, Polina V. Sensory Semantic Component as the Basis for Synaesthesia Formation in Language: A Case Study of Arthur Rimbaud's Poem "Le Bateau ivre" ("The Drunken Boat") and its Russian Translations. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 144–156. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-1-144-156

Введение

Синестезия в настоящее время представляет интерес для множества дисциплин: психология (Д. Симнер, Д. Уорд), нейрофизиология (Ж.-Р. Винь, Р. Сайтовик), неврология (А. Р. Лурия, О. Сакс), искусствоведение (Б. М. Галеев). Синестезия изучается и в различных областях лингвистики: фонетика и фонология, психолингвистика, семантика, теория фигур – синестетические проявления в языке многообразны.

Начиная с середины XX в. этот феномен активно исследовался прежде всего в рамках теории метафоры (С. Ульманн, Л. Маркс, Д. Лич, Ч. Осгуд, Р. Нордквист). Синестезия определялась как разновидность метафоры, в основе которой лежит полимодальная ассоциация. Однако сейчас такой подход уже не является столь актуальным. Так, синестезию в теории фигур уже не соотносят исключительно с метафорой [Bonhomme, 1998]. К. Бретонес-Кайе-хас, наряду с другими исследователями, подчеркивает неоднозначность природы синестети-

ческих проявлений в языке, утверждая, что сенсорные ассоциации могут строиться как на базе метафоры, так и на основе других фигур [Bretones-Callejas, 2005; Simner, Hohenstein, 2007].

Кроме того, отмечается выраженная тенденция к размежеванию классического определения синестезии как физиологической особенности, где ключевым параметром является множественность перцептивных модальностей, и лингвистического понимания синестетических проявлений в языке. Понятийное разделение собственно синестезии и синестетических проявлений нефизиологического порядка (в частности на уровне языка) прослеживается как в лингвистических, так и в пограничных исследованиях, связанных с психологией и неврологией [Dixon et al., 2006; Simner, Ward, 2006].

Существует мнение, что в основе синестетической ассоциации лежит тесная связь сенсорики с семантикой: соотношение ощущений с уровнем понятий. Апологетом данной точки зрения является Д. Николич [Nikolić, 2009], который предлагает подобный тип связи обозначить термином *идеастезия*, подчеркивая тем самым отличие синестезии физиологического порядка от сенсорных ассоциаций, которые в той или иной степени могут быть присущи каждому человеку.

Многие лингвисты относят к понятию синестезии не только полимодальные сочетания (например, *a bright sound, a quiet color*¹), но и такие, где задействована лишь одна сенсорная модальность (например, оксюморон, когда оба слова относятся к одному сенсорному каналу: *blind light*; либо чувственная ассоциация, возникающая в связи с некоторым абстрактным понятием: *sweet desire*)². В рамках нашего исследования в качестве синестетических также рассматривались все перечисленные типы сочетаний.

Одной из актуальных задач является включение синестезии в общелингвистический контекст. Необходимо описать проявления синестезии в языке при помощи лингвистического «инструментария», избегая при этом ухода в смежные области (нейробиологию, психологию, эстетику и др.).

Наиболее подходящим с этой точки зрения представляется рассмотрение синестезии на уровне слов и словосочетаний. Формально синестезия проявляется в тексте именно в виде словосочетания (которое при этом может быть метафорой, метонимией, оксюморонами и др.), где как минимум одно из слов содержит в себе компонент сенсорного восприятия. Такой подход для описания синестезии в лингвистике не применялся ранее.

Различные типы языковых проявлений синестезии, таким образом, можно выделять в зависимости от того, сколько сенсорных компонентов содержится в словосочетании, к каким модальностям они относятся, и от некоторых других параметров.

Лексика, относящаяся к чувственной перцепции, является базой для синестетического словосочетания. Системное описание классов языковых единиц, связанных с сенсорной перцепцией, и их компонентный анализ представляются необходимыми для понимания принципов проявления синестезии на уровне текста. Такой подход актуален и в связи с темой семантических типологий, которая сейчас активно разрабатывается как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Принципиально важным в данном случае представляется возможность работы с двумя и более языками [Haspelmath, 2003; Evans, 2010; Рахилина, Резникова, 2013].

В настоящей статье предлагается компонентный разбор слов, являющихся базой для формирования синестетических словосочетаний, на материале русского и французского языков. Единицы анализа методом сплошной выборки отобраны из составленного и обработанного вручную корпуса, в который вошли оригинал стихотворения А. Rimbaud «Le bateau ivre» и 15 его переводов на русский язык. В корпусе представлены переводы, датированные от на-

¹ Примеры [Nordquist, 2017].

² Подробнее об этом на материале английского языка можно прочитать в работах [Bretones-Callejas, 2005; Simner, Hohenstein, 2007].

чала XX (1908) до начала XXI в. (2011): В. Эльснера (1909), С. Боброва (1910), В. Набокова (1928), Д. Бродского (1929), Б. Лившица (1935), П. Антокольского (после 1945), Л. Мартынова (1974), М. Кудинова (1982), Д. Самойлова (1984), Е. Витковского (1986), А. Голембы (1988), Е. Головина (дата неизвестна), М. Анищенко (2003–2004), А. Кроткова (2005), А. Чернова (2011)³. Наличие большого количества переводов стихотворения на русский язык позволяет изучить синестетические проявления на уровне параллельных текстов.

Отметим, что авторский корпус примечателен тем, что его можно рассматривать в контексте переводной множественности. Количество корпусов, включающих более 10 вариантов перевода, сильно ограничено. Множественные переводы, являющиеся актуальной темой в современном переводоведении, служат для выявления общих переводческих тенденций, частных особенностей каждого перевода, фиксации моделей авторских отклонений от оригинала. На основе подобного корпуса возможно также формирование и рассмотрение «нейтрального перевода», применимого в сопоставительной грамматике и стилистике [Разлогова, 2017].

В текстах корпуса выделены 629 вхождений слов, являющихся потенциальной базой для формирования синестетических словосочетаний (из которых 64 слова в оригинальном французском тексте, а 565 – общее число для всей совокупности переводов). Также на базе выделенных слов в текстах корпуса формируются 166 синестетических словосочетаний различных типов⁴.

В статье произведено описание выделенных слов, даны параметры для их характеристики и предложена схема классификации на базе понятия сенсорного семантического компонента. Методика потенциально применима и для другого языкового материала.

1. Сенсорный семантический компонент: общие характеристики

Сенсорный семантический компонент (далее ССК) – семантический элемент в составе слова, относящийся к сфере чувственного восприятия, является основным понятием, на базе которого строится классификация типов слов.

1.1. Сенсорная модальность

Компонент, относящийся к чувственной перцепции, предполагает наличие воспринимающего субъекта (*наблюдателя* в терминологии Е. В. Падучевой [2004]). ССК наиболее очевидным образом присутствует в словах, обозначающих чувственно воспринимаемые свойства (*красный, шершавый, тихий, сладость, аромат*). Однако область сенсорной перцепции трудно поддается описанию на уровне семантики, прежде всего потому, что идея восприятия присутствует в обширном количестве лексики, которая напрямую не соотносится с сенсорикой (например, любой образ, воспринимаемый визуально: *солнце, облако*). Кроме того, интерпретация модальностей восприятия (т. е. определение того, что следует включать в ту или иную модальность, а что нет) у исследователей часто различна. Например, температурные характеристики, которые, как правило, включаются в модальность осязания, некоторые склонны рассматривать как отдельную сенсорную категорию [Day, 1995; Cytowic, 2002].

Наиболее системно описанной является зрительная модальность, в частности различные типы синестетических ассоциаций с цветами⁵ и семантическое поле цвета⁶. Однако и здесь

³ Тексты оригинала и переводов взяты с ресурса «Антология одного стихотворения. “Пьяный корабль” А. Рембо и переводы на русский язык». URL: [http://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_\(Рембо\)](http://wikilivres.ru/Пьяный_корабль_(Рембо)).

⁴ В данной статье будут рассмотрены только слова, содержащие сенсорный компонент. Подробнее о типах синестетических словосочетаний см. в нашей статье: Ярошенко П. В. Синестезия в художественном тексте и модели ее перевода (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2020. № 3 (в печати).

⁵ См., например, [Baron-Cohen et al., 1993; Dixon et al., 2006; Eagleman, Melvyn, 2009; Barnett et al., 2009; Asano, Yokosawa, 2012; Rouw et al., 2014; Cuskley et al., 2019].

присутствует множество дискуссионных моментов, в частности вопрос о статусе небазовых способов цветообозначения (например, *чернильный, вишнёвый, салатный*). Отметим, что все небазовые способы цветообозначения в семантической разметке НКРЯ имеют тег «цвет»: например, *тёмный, светлый, крапчатый* характеризуют не сам цвет, но его свойства; *аметистовый, изумрудный* являются аналоговыми прилагательными, изначально относительными, а не качественными [Масевич, Захаров, 2019].

Лексика, относящаяся к другим модальностям восприятия, описана менее подробно. Описание глаголов сенсорной перцепции представлено в работе Е. В. Падучевой. Она отмечает, что рамки этого тематического класса достаточно размыты и трудноопределимы [2004. С. 198]⁷.

По причине отсутствия единообразия в трактовке перцептивных модальностей необходимо уточнить, что включается в каждую из них в рамках данного исследования.

Зрение:

- 1) цветообозначения (*rousseurs, noir, рыжина, белый*);
- 2) квазичветообозначения⁸ (*lumineux, taché, блеск, яркий, пятнистый*);
- 3) обозначения, связанные с восприятием света (*rutilent, вспышка*);
- 3) аналоговые цветообозначения (*de braises, золотистый, серебряный*);
- 4) визуально воспринимаемые характеристики пространства (*vaste, шире, высь, недалёкий*) и формы предметов окружающей действительности (в корпусе отсутствуют; потенциальные примеры: *rond, треугольный*);
- 5) глаголы визуального восприятия (*voir, смотреть, следить*).

Слух:

- 1) звукообозначения (*tapage, clapotements, бряцанье, вой*);
- 2) квазизвукообозначения – по аналогии с цветом, имеются в виду слова, характеризующие свойства звука (*тихий, глуше, хриплый, монотонный*);
- 3) обозначения процесса эмиссии звуков (*groхотать, завывать*);
- 4) глаголы аудиального восприятия (*слушать, дослушать*).

Осязание:

- 1) обозначения температуры (*холодный, ледяной, жар*);
- 2) обозначения консистенции (*густой, жижа*);
- 3) обозначения веса (*léger, тяжёлый*);
- 4) прочие обозначения свойств объекта, воспринимаемые посредством осязания (*нежный*);
- 5) глаголы тактильного контакта (*касаться, ласкать*).

Вкус:

- 1) обозначения вкуса (*amer, солёный*);
- 2) аналоговые обозначения вкуса (*патока, лимонный, вишнёвый*);
- 3) глаголы вкусового восприятия (*посмаковать*).

Обоняние:

- 1) ольфакторные обозначения (*parfum, аромат, пахнуть*);
- 2) квазиольфакторные обозначения (*душный, пахучий*);
- 3) обозначения процесса эмиссии запахов (*sentir, пахнуть*);
- 4) глаголы ольфакторного восприятия (*sentir, чують*).

ССК содержатся в словах, относящихся к одной из перечисленных категорий. Отметим, что каждый канал восприятия имеет свои функциональные особенности, поэтому организа-

⁶ См., например, [Rosch, 1975; Wierzbicka, 1990; Норманская, 2005; Kay, Regier, 2006; Molinier, 2006; Бочкарев, 2017].

⁷ См. также [Rogers, 1971; Dik, Hengeveld, 1991].

⁸ Термин *квазицвет* был предложен в классификации [Масевич, Захаров, 2019]. Под квазицветами понимаются слова, связанные с характеристиками свойств цвета (насыщенность, количество цветов и др.).

ция групп слов по единому принципу в данном случае затруднительна. Например, для вкусовой и осязательной модальностей невозможна лексика, связанная с процессами эмиссии.

ССК французской и русской частей корпуса с точки зрения модальной соотношенности имеют схожий состав: доминантной модальностью является **зрение**, ССК зрения во французской части корпуса представлены в 70 % слов, в русской – в 67 %; ССК **слуха** – 13 и 16 % соответственно, ССК **вкуса** – 10 и 11 %, ССК **осязания** – 5 и 8 %, ССК **обоняния** – 3 и 5 %.

Тенденция совпадения модальной составляющей прослеживается и при сопоставлении оригинального текста стихотворения с переводами. Так, у Витковского для словосочетания *parfums noirs* дается вариант перевода *смердя до черноты*. Частеречная структура претерпевает серьезные изменения, однако модальный компонентный состав словосочетаний имеет идентичную формулу *ССК обоняние + ССК зрение*.

Таким образом, ССК в большинстве переводов (8 из 15) ранжируются по частотности в соответствии со схемой оригинала в следующем порядке: **зрение – слух – вкус – осязание – обоняние**.

1.2. ССК в семантике слова

Объем, отведенный сенсорному компоненту в семантике слова, может быть различен. В некоторых словах ССК выступает в качестве определяющей семы, составляет ядро значения слова. Такой статус ССК в семантике слова можно обозначить как **ядерный ССК**. Примеры: *видеть, горький, амер, voir, parfum* и проч. Значительная часть ССК-лексики (90 %) корпуса содержит такой тип ССК.

Была выделена достаточно обширная группа слов, которые маркируют **невозможность сенсорного восприятия** либо **отсутствие того или иного чувственно воспринимаемого свойства**. Такие слова в рамках нашего корпуса встретились в зрительной и аудиальной модальностях:

- 1) невозможность восприятия: *слепой, темнота, мрак, мгла* (зрение); *sourd, глухой* (слух);
- 2) отсутствие признака: *бесцветный* (зрение), *беззвучный* (слух).

Такие слова следует относить к категории, где ССК является ядерной семой. Отметим, что Е. В. Падучева в работе «Динамические модели в семантике лексики» [2004] также рассматривала глаголы подобного типа (*ослепить* и др.), включая их в тематический класс глаголов чувственной перцепции.

В текстах корпуса такой тип слов встречается только в двух модальностях, однако потенциально такие слова можно выделить и во всех остальных: например, *безвкусный* (вкус), *неосязаемый* (осязание, обоняние).

Рассмотрим теперь группу слов, где ССК занимает в семантике слова менее значимую позицию. Такие ССК можно условно охарактеризовать как **периферийные**.

К этой категории относятся слова, где ССК не является единственно определяющей характеристикой. ССК может актуализироваться в определенных контекстах. Как известно, рассмотрение слова в составе словосочетания – один из базовых принципов семантического компонентного анализа. В зависимости от контекста и сочетаемости лексической единицы можно выявить различные семы, составляющие значение слова, с наибольшей степенью точности [Кобозева, 2000. С. 115–117].

Рассмотрим примеры из корпуса: *soleils d'argent* (Rimbaud), *flots nacreux* (Rimbaud), *oiseaux d'or* (Rimbaud), *серебряные солнца* (пер. Боброва), *изумрудные дожди*, *перламутровый полдень* (пер. Антокольского). В этих словосочетаниях выделенные определения выступают в качестве цветовых характеристик – актуализируется ССК зрения. Цветовые характеристики для существительных (*soleils, flots, oiseaux; солнца, дожди, полдень*) даются по аналогии с цветом референта (*argent, nacre, or; серебро, изумруд, перламутр*). Если же попробовать изменить контекст и рассмотреть в качестве примера словосочетание *серебряное кольцо*, то на первый план выходит значение «сделанный из серебра». Присутствие ССК

в этом контексте скорее имплицитно: известно, что серебро обладает определенным цветом, однако цветовая характеристика не является здесь наиболее значимой.

Отметим, что в некоторых случаях слова с ССК той или иной модальности могут развивать значения, связанные уже с другим сенсорным каналом. Например, прилагательное *сладкий* (ССК вкуса) в современном русском языке может характеризовать и звуки, и запахи (*сладкие звуки, сладкий аромат*). Развитие сенсорной полисемии подобного типа у имен прилагательных описано на материале английского, латинского, греческого и японского языков в работе Д. Уильямса [Williams, 1976], который определяет лингвистическую синестезию как универсальную модель семантического переноса.

Такие слова представляют собой проблемный класс для компонентного анализа. В словосочетаниях, где они формируют стилистическую фигуру, часто возникает неоднозначность. Например, слово *тон* может относиться как к слуху, так и к зрению: в словосочетании *в тонах боли* (пер. Е. Головина) боль может сравниваться и с цветовыми тонами, и с музыкальными. Слово *âtre* во французском языке характеризует и вкус, и обоняние. В словосочетании *âtre amour* (Rimbaud) затруднительно точно определить, какой ССК акцентирован. Эта неоднозначность проявляется и на уровне разночтений в переводах: пер. Головина – *любовь извительно-едкая* (обоняние), пер. Самойлова – *горечь любви* (вкус), пер. Кудинова – *любовь терпкая* (обоняние, вкус).

Таким образом, можно заключить, что характер репрезентации ССК в семантике слова, как правило, зависит от контекста и, кроме того, может быть качественно различен.

2. ССК-лексика: общие характеристики

Частеречная принадлежность слов, содержащих ССК, вариативна. Для оригинального французского текста доминирующей частью речи является **прилагательное** (55 %), затем с довольно значительным отставанием идет **существительное** (27 %). Французский текст содержит также глаголы (9 %), причастия настоящего и прошедшего времени (9 %). В русских текстах доминирует **прилагательное** (43 %), вторую позицию по частотности занимает **имя существительное** (35 %). Далее следуют глагол (14 %), причастия настоящего и прошедшего времени (5 %), деепричастие (2 %) и наречие (1 %). Для обоих языков на материале корпуса наиболее частотными оказались ССК в составе прилагательных и существительных.

Тот факт, что и во французском, и в русском текстах «лидирует» имя прилагательное, представляется закономерным, поскольку ССК-лексика связана со свойствами, т. е. признаками, чувственно познаваемых объектов. Выделенные имена существительные в большинстве случаев также являются субстантивацией признаков предмета: *rousseur, сладость, горечь, рыжина*.

Отметим, что в русском языке части речи более разнообразны, однако такая тенденция может объясняться меньшими объемами нашего французского корпуса по сравнению с русским.

Морфологическая структура слов, содержащих ССК, также различна. В корпусе встречаются простые (93 %) и сложные слова сочинительного и подчинительного типов (7 %). Примеры: *parfum, атер, синь* – простые; *золотисто-невучий, жёлто-синий* – сложные слова сочинительного типа, *двухцветный* – сложное слово подчинительного типа.

Сложные слова встречаются только в русской части корпуса, что, вероятно, объясняется различиями в системах словообразования французского и русского языков. При сопоставлении оригинала и переводов можно найти множество примеров: так, словосочетанию *éveil jaune et bleu* в переводе Мартынова предлагается соответствие *жёлто-голубое восстание ото сна*; строки оригинала *ces poissons d'or, ces poissons chantants* даются в переводе Головина как *этих рыб – золотисто-невучих дорад*. Русский язык закономерно больше тяготеет к синтетизму, нежели французский.

3. Компонентный состав слов

Для характеристики слов по их компонентному составу были выделены два значимых параметра:

1) количественный (в зависимости от количества ССК в слове оно может быть **монокомпонентным** или **поликомпонентным**);

2) модальный (ССК относится к одной из пяти сенсорных модальностей; в случае если слово является **поликомпонентным**, ССК могут относиться к одной модальности (тогда слово можно охарактеризовать как **моносенсорное**) или к разным (**полисенсорное** слово)).

Подавляющее число слов в корпусе являются **монокомпонентными** (90 %), т. е. содержат один ССК: *amer* (ССК вкуса), *parfum* (ССК обоняния), *блеск* (ССК зрения), *жар* (ССК осязания). Такие слова могут вступать в сочетания между собой или с другими словами, не содержащими ССК, и формировать синестетические словосочетания. Монокомпонентные слова могут иметь как простую (см. примеры выше), так и сложную морфологическую структуру (*зеленохвостый*, *среброкрылое*, *меднолицые*, *золотопёрые*⁹).

Поликомпонентные слова составляют лишь 10 % от общего количества. Как было указано ранее, в зависимости от модальной однородности или неоднородности ССК в слове можно выделить два типа поликомпонентных слов¹⁰. Рассмотрим их подробнее.

Поликомпонентное моносенсорное слово – это сложное слово сочинительного типа, включающее в себя две равноправные составные части. Каждая из частей слова содержит ССК, оба ССК относятся к одной модальности. Примеры: *багряно-золотой*, *жёлто-синий*, *чёрно-синий*, *кисло-сладкий*. Отметим, что эти слова потенциально разложимы на словосочетания (*багряный и золотой*, *чёрный и синий*, *жёлтый и синий*, *кислый и сладкий*).

Поликомпонентное полисенсорное слово – это сложное слово сочинительного или подчинительного типа, где обе части слова содержат ССК, относящиеся к разным модальностям. Примеры: *красно-раскалённый* (зрение + осязание), *золотисто-невучий* (зрение + слух), *сладкозвонный* (вкус + звук). Эти слова также разложимы на словосочетания (*золотистый и невучий*, *сладко звонящий* и проч.).

Поликомпонентное полисенсорное слово имеет структуру, в полной мере соответствующую традиционному понимаю синестезии. В рамках одного сложного слова сочетаются компоненты двух различных модальностей. Если рассмотреть классический пример синестетической фигуры из перевода Кроткова *синева звенящая* и сопоставить со словом *золотисто-невучий* (из перевода Головина), то схемы компонентного состава будут идентичны: *ССК (зрение) + ССК (слух)*. Кроме того, «синестетичность» поликомпонентных полисенсорных слов не зависит от контекста.

Можно ли в данном случае говорить о проявлении синестетических свойств слова – спорный вопрос. С точки зрения компонентной структуры это своего рода синестетическое слово, но нельзя не отметить, что речь идет исключительно о сложных словах, которые потенциально разворачиваются в полноценные словосочетания.

4. Схема классификации

Таким образом, выделенные нами слова, содержащие ССК, можно классифицировать на основании следующих критериев:

1) **компонентный критерий** (количество ССК в слове);

⁹ Все примеры данной категории слов потенциально могут разворачиваться в словосочетания, где одно из слов является цветообозначением: *зелёный хвост*, *серебряные крылья*, *медные лица*, *золотые перья*.

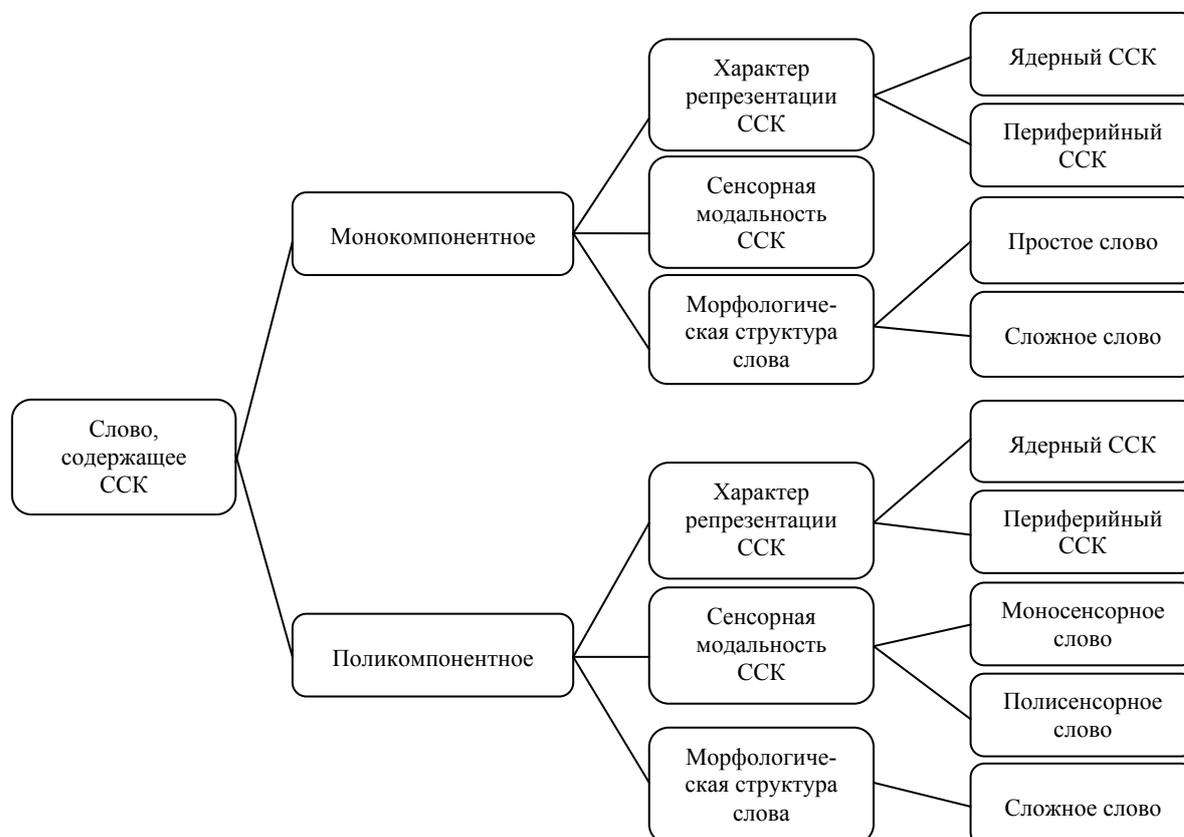
¹⁰ Поликомпонентными в рамках данной статьи называются слова, в которых ССК выражены синхронно и эксплицитно. Слова, обладающие сенсорной полисемией, о которых говорилось ранее, не следует причислять к поликомпонентным, поскольку ССК разных модальностей присутствуют в слове как бы имплицитно, потенциально, на уровне различных его значений, актуализируются в определенном контексте.

2) **модальный критерий** (соотнесенность ССК с той или иной модальностью восприятия – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание);

3) **критерий семантической репрезентации ССК** (ядро или периферия);

4) **структурный критерий** (морфологическая структура слова).

Обобщив сказанное, можно предложить следующий вариант схемы **классификации типов слов, содержащих ССК**:

Выводы

На основании проанализированного материала можно сделать следующие выводы.

1. Рассмотрение синестезии на уровне слов и словосочетаний – это новый подход, основанный на лингвистических методах, позволяющий охарактеризовать собственно языковые аспекты этого феномена.

2. ССК – элементарная составляющая смысла, относящаяся к сенсорной перцепции. Это вспомогательный конструкт, позволяющий описание языковых проявлений синестезии на уровне слова и словосочетания с формальной точки зрения. Слова с ССК являются базой для формирования синестетических словосочетаний в тексте, однако само по себе наличие таких слов не гарантирует возникновение синестезии. Так, только 20 % выделенных в корпусе слов с ССК составили синестетические словосочетания.

3. Синестетические свойства чаще всего проявляются именно на уровне словосочетания, в составе метафоры, метонимии или другой стилистической фигуры. Однако в некоторых случаях синестезия может проявляться в рамках одного слова. Это связано, как правило, со сложностью его структуры: перцептивные характеристики, относящиеся к разным кана-

лам восприятия, объединяются в одном слове (*золотисто-певучий*), потенциально развертываемом в словосочетание. Сложность морфологической структуры характеризует единицы исключительно русской части корпуса, т. е. поликомпонентные слова встречаются только в текстах переводов. Такая тенденция представляется закономерным следствием различия в системах словообразования французского и русского языков.

4. ССК-лексику можно типировать по следующим критериям: компонентный критерий, модальный критерий, структурный критерий, критерий семантической репрезентации.

5. ССК французской и русской частей корпуса с точки зрения модальной соотнесенности имеют схожий состав (доминантной модальностью является зрение, а наименее частотной – обоняние). Восемь переводов из пятнадцати соответствуют оригиналу по частотности ССК, относящихся к той или иной сенсорной модальности.

6. Для ССК-лексики французской и русской частей корпуса характерно ядерное положение ССК в семантике слова. Периферийные ССК составили лишь 10 % от общего количества.

Заключение

Предложенный в статье подход к рассмотрению проявлений синестезии в языке является основой для более развернутого и подробного анализа синестетических словосочетаний и принципов их функционирования на уровне художественного текста в оригинале и переводе.

Принимая во внимание полидисциплинарный характер феномена, выработка теоретических основ синестезии с опорой на лингвистические методы позволяет в перспективе сформировать качественно новое определение синестезии. Компонентный анализ и описание классов слов, связанных с чувственной перцепцией, актуальны как для строго лингвистического понимания синестезии, которая регулярно проявляется в языке, так и для направления лексических типологий в семантике.

Такой способ анализа актуален для корпусов параллельных текстов на разных языках, а также при сопоставлении множества переводов одного текста.

Список литературы

- Бочкарев А. Е.** О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 43–51.
- Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- Масевич А. Ц., Захаров В. П.** Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 21–48.
- Норманская Ю. В.** Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 2005. 326 с.
- Падучева Е. В.** Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
- Разлогова Е. Э.** Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И.** Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
- Asano, M., Yokosawa, K.** Synesthetic colors for Japanese late acquired graphemes. *Consciousness and Cognition*, 2012, vol. 21 (2), p. 983–993.

- Barnett, K. J., Feeney, J., Gormley, M., Newell, F. N.** An exploratory study of linguistic–colour associations across languages in multilingual synaesthetes. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2009, vol. 62 (7), p. 1343–1355.
- Baron-Cohen S., Harrison J., Goldstein L., Wyke M.** Coloured Speech Perception: Is Synaesthesia What Happens When Modularity Breaks Down? *Perception*, 1993, vol. 22, p. 419–426.
- Bonhomme, M.** Les figures clés du discours. Paris, Seuil Publ., 1998, 92 p.
- Bretones-Callejas, C. M.** What’s your Definition of Synesthesia: A Matter of Language or Thought? In: Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2005. URL: <https://escholarship.org/uc/item/5471c5sr> (accessed: 17.10.2019).
- Cuskley, Ch., Dingemans, M., Kirby, S., Leeuwen T. van.** Cross-modal associations and synesthesia: Categorical perception and structure in vowel–color mappings in a large online sample. *Behavior Research Methods*, 2019, vol. 51, p. 1651–1675.
- Cytowic, R. E.** Touching Tastes, Seeing Smells – and Shaking up Brain Science. 2002. URL: <http://www.daysyn.com/CytowicCerebrum2002.pdf> (accessed: 17.10.2019).
- Day, S.** Synaesthetic metaphors in English. *West Lafayette*, 1995. URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf (accessed: 17.10.2019).
- Dik, S. C., Hengeveld, K.** The hierarchical structure of the clause and the typology of perception verb complements. *Linguistics*, 1991, vol. 29, p. 231–259.
- Dixon, M. J., Smilek, D., Duffy, P. L., Zanna, M. P., Merikle, P. M.** The Role of Meaning in Grapheme-Colour Synaesthesia. *Cortex*, 2006, vol. 42, p. 243–252.
- Eagleman, D. M., Melvyn, A. G.** Why color synesthesia involves more than color. *Trends in Cognitive Sciences*, 2009, vol. 13 (7), p. 288–292.
- Evans, N.** Semantic typology. In: J. J. Song (ed.). *The Oxford handbook of linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 504–533.
- Haspelmath, M.** The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison. In: *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum, 2003, vol. 2, p. 211–243.
- Kay, P., Regier, T.** Language, thought and color: recent developments. *Trends in Cognitive Sciences*, 2006, vol. 10 (2), p. 51–54.
- Molinier, Ch.** Les termes de couleur en français. Essai de classification sémantico-syntaxique. *Cahiers de Grammaire*, 2006, vol. 30, p. 259–275.
- Nikolić, D.** Is synaesthesia actually ideasthesia? In: Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art, Granada, 2009. URL: <http://www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synesthesia2009-Nikolic-Ideasthesia.pdf> (accessed: 17.10.2019)
- Nordquist, R.** Synesthesia (Language and Literature). In: *Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms*, 2017. URL: <https://www.thoughtco.com/synesthesia-language-and-literature-1692174> (accessed: 17.10.2019).
- Rogers, A.** Three kinds of physical perception verbs. *Chicago Linguistic Society*, 1971, vol. 7, p. 206–223.
- Rosch, E.** The nature of mental codes for color categories. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1975, vol. 1, p. 303–322.
- Rouw, R., Case, L., Gosavi, R., Ramachandran, V.** Color associations for days and letters across different languages. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, p. 1–17.
- Simner, J., Holenstein, E.** Ordinal Linguistic Personification as a Variant of Synesthesia. *Massachusetts Institute of Technology Journal of Cognitive Neuroscience*, 2007, vol. 19 (4), p. 694–703.
- Simner, J., Ward, J.** Synaesthesia: The taste of words on the tip of the tongue. *Nature*, 2006, vol. 444, p. 438–438.
- Wierzbicka, A.** Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects. *Cognitive linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.

Williams, J. M. Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change. *Language*, 1976, vol. 52 (2), p. 461–478.

References

- Asano, M., Yokosawa, K.** Synesthetic colors for Japanese late acquired graphemes. *Consciousness and Cognition*, 2012, vol. 21 (2), p. 983–993.
- Barnett, K. J., Feeney, J., Gormley, M., Newell, F. N.** An exploratory study of linguistic–colour associations across languages in multilingual synaesthetes. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2009, vol. 62 (7), p. 1343–1355.
- Baron-Cohen S., Harrison J., Goldstein L., Wyke M.** Coloured Speech Perception: Is Synaesthesia What Happens When Modularity Breaks Down? *Perception*, 1993, vol. 22, p. 419–426.
- Bochkarev, A. E.** Color Terms of Feelings and Emotions in the Russian Language Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, vol. 15, no. 4, p. 43–51. (in Russ.)
- Bonhomme, M.** Les figures clés du discours. Paris, Seuil Publ., 1998, 92 p.
- Bretones-Callejas, C. M.** What’s your Definition of Synesthesia: A Matter of Language or Thought? In: Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society, 2005. URL: <https://escholarship.org/uc/item/5471c5sr> (accessed: 17.10.2019).
- Cuskley, Ch., Dingemans, M., Kirby, S., Leeuwen T. van.** Cross-modal associations and synesthesia: Categorical perception and structure in vowel–color mappings in a large online sample. *Behavior Research Methods*, 2019, vol. 51, p. 1651–1675.
- Cytowic, R. E.** Touching Tastes, Seeing Smells – and Shaking up Brain Science. 2002. URL: <http://www.daysyn.com/CytowicCerebrum2002.pdf> (accessed: 17.10.2019).
- Day, S.** Synaesthetic metaphors in English. *West Lafayette*, 1995. URL: http://www.daysyn.com/Day_1995_-_Synaesthetic_metaphors_in_English_-_part_1.pdf (accessed: 17.10.2019).
- Dik, S. C., Hengeveld, K.** The hierarchical structure of the clause and the typology of perception verb complements. *Linguistics*, 1991, vol. 29, p. 231–259.
- Dixon, M. J., Smilek, D., Duffy, P. L., Zanna, M. P., Merikle, P. M.** The Role of Meaning in Grapheme–Colour Synaesthesia. *Cortex*, 2006, vol. 42, p. 243–252.
- Eagleman, D. M., Melvyn, A. G.** Why color synesthesia involves more than color. *Trends in Cognitive Sciences*, 2009, vol. 13 (7), p. 288–292.
- Evans, N.** Semantic typology. In: J. J. Song (ed.). *The Oxford handbook of linguistic*. Oxford: Oxford University Press, 2010, p. 504–533.
- Haspelmath, M.** The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and crosslinguistic comparison. In: *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum, 2003, vol. 2, p. 211–243.
- Kay, P., Regier, T.** Language, thought and color: recent developments. *Trends in Cognitive Sciences*, 2006, vol. 10 (2), p. 51–54.
- Kobozeva, I. M.** Linguistic semantics. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, 352 p. (in Russ.)
- Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P.** Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 21–48. (in Russ.)
- Molinier, Ch.** Les termes de couleur en français. Essai de classification sémantico-syntaxique. *Cahiers de Grammaire*, 2006, vol. 30, p. 259–275.
- Nikolić, D.** Is synaesthesia actually ideasthesia? In: Proceedings of the Third International Congress on Synaesthesia, Science & Art, Granada, 2009. URL: <http://www.danko-nikolic.com/wp-content/uploads/2011/09/Synaesthesia2009-Nikolic-Ideasthesia.pdf> (accessed: 17.10.2019)
- Nordquist, R.** Synesthesia (Language and Literature). In: *Glossary of Grammatical and Rhetorical Terms*, 2017. URL: <https://www.thoughtco.com/synaesthesia-language-and-literature-1692174> (accessed: 17.10.2019).

- Normanskaya, Yu. V.** The genesis and development of systems of color terms in ancient Indo-European languages. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Publ., 2005, 326 p. (in Russ.)
- Paducheva, E. V.** Dynamic Models in Lexical Semantics. Moscow, Yazyki Slavyanskoi kultury Publ., 2004, 608 p. (in Russ.)
- Rakhilina, E. V., Reznikova, T. I.** A Frame-based methodology for lexical typology. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2013, no. 2, p. 3–31. (in Russ.)
- Razlogova, E. E.** Standard and Non-standard Versions of Translation. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2017, no. 4, p. 52–73. (in Russ.)
- Rogers, A.** Three kinds of physical perception verbs. *Chicago Linguistic Society*, 1971, vol. 7, p. 206–223.
- Rosch, E.** The nature of mental codes for color categories. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 1975, vol. 1, p. 303–322.
- Rouw, R., Case, L., Gosavi, R., Ramachandran, V.** Color associations for days and letters across different languages. *Frontiers in Psychology*, 2014, vol. 5, p. 1–17.
- Simner, J., Hohenstein, E.** Ordinal Linguistic Personification as a Variant of Synesthesia. *Massachusetts Institute of Technology Journal of Cognitive Neuroscience*, 2007, vol. 19 (4), p. 694–703.
- Simner, J., Ward, J.** Synaesthesia: The taste of words on the tip of the tongue. *Nature*, 2006, vol. 444, p. 438–438.
- Wierzbicka, A.** Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects. *Cognitive linguistics*, 1990, vol. 1 (1), p. 99–150.
- Williams, J. M.** Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change. *Language*, 1976, vol. 52 (2), p. 461–478.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
27.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Ярошенко Полина Владимировна, аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские Горы, 1, Москва, 119991, Россия)

Polina V. Iaroshenko, PhD Student at French Department, Moscow Lomonosov State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

polina.iaroshenko@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9425-5842

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие индекса УДК (Универсальной десятичной классификации), резюме статьи на русском и английском языках (до 300 слов), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова (до 10 слов) на двух языках, сведения о финансовой поддержке.

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

**Русская и итальянская
абстрактная адъективная метафоризация**

М. А. Кузьмина

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

The Russian and Italian Abstract Adjectival Metaphorization

Maria A. Kuzmina

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Keywords

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список словарей / List of Dictionaries

Список источников / List of Sources

Материал поступил в редакцию

Date of submission

05.12.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Том 18, № 1
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2020, vol. 18, no. 1

в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:

Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография

(все авторы должны быть упомянуты):

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:

Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):

Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:

Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, № 2. С. 17–24.

Автореферат:

Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:

Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif отдельными файлами.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обуславливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте <http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm>). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотношенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной

терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лингвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru